КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ЯНВАРЬ

1897 г.

КІЕВЪ.

Типографія **Г. Т. Корчакъ-Новицкаго**, Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ LVI, 1897 г. Январь.

стр.

ОТДѢЛЪ I-й.

I. ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ И ЮРИДИЧЕСКАГО БЫТА СТАРОЙ МАЛОРОССІИ. Превращеніе козацкой старшины въ дворянство. **Д. Миллера.** 1—31

II. ПЕРЕДЪ БУРЕЙ. Историческій романъ изъ временъ Хмельнищины. **М. Старицкаго.** 32—91

НОВАЯ НАУКА Г. БЕЗСОНОВА. **Н. Ѳ. Сумцова.** . . . . 112—124

IV. СВОДЪ ДАННЫХЪ О ЯНѢ ОРЫШЕВСКОМЪ, ЗАПОРОЖСКОМЪ ГЕТМАНѢ ВРЕМЕНЪ СТЕФАНА БАТОРІЯ. **А. Стороженка.** . . . . . 125—145

VI. ПАМЯТИ Н. М. БѢЛОЗЕРСКАГО. **А. Л.** . . . . . 145—150

ОТДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ. а) Два письма Н. А. Ригельмана къ Вячеславу Ганкѣ и Людевиту Штуру. б) Случай съ Марковичемъ, историкомъ Малороссіи въ Лебединѣ. в) Къ предстоящему юбилею Энеиды И. П. Котляревскаго. **Н. Ѳ. Сумцова** г) Неизданное стихотвореніе Е. П. Гребенки. Сообщилъ **О. Л.** д) Письмо діакона Іосифа Симашки, впослѣдствіи митрополита литовскаго, къ своему брату 25 февраля. 1821 г. Сообщилъ. **Н. М.** е) Рубанъ Василій Григорьевичъ **А. Л.** ж) Кому принадлежитъ редакція сборника малорусскихъ пословицъ, изд. въ 1864 г **А. Лазаревскаго.** з) Чаша Богдана Хмельницкаго. **А. Л.** и) Черниговская губернская ученая архивная коммиссія і) Общество изслѣдователей Волыни. **Н. Бѣляшевскаго.** 1—20

II. БИБЛІОГРАФІЯ а) Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1893 г. **В. Науменка.** б) Dr. Iohann Polek. Joseph's II Reisen nach Galizien und der Bukowina und ihre Bedeutung für letztere Provinz. Czernowitz, 1895. **Н. М.** в) Записки наукового товариства імени Шевченка. Выходять у Львові під редакциею Михайла Грушевського. Том XIII. **Н. М** г) Проф. Д. И. Багалѣй. Украинская старина (очерки, замѣтки, матеріалы изъ стародавняго Харьковскаго быта и культуры). **И. Каманина.** д) Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества т. 95-й. **И. Каманина.** 21—30.

ОБЪЯВЛЕНІЯ 1—26

Дозволено цензурою Кіевъ, 2 января 1897 года.

Очерки изъ исторіи и юридическаго быта старой Малороссіи.

ПРЕВРАЩЕНІЕ КОЗАЦКОЙ СТАРШИНЫ ВЪ ДВОРЯНСТВО.

ГЛАВА I.

Судьба шляхетства въ гетманщинѣ послѣ революціи 1648 г.—Условія развитія новаго панства.—Просьбы объ уравненіи козацкихъ старшинъ съ русскими табельными чинами.—Наказы депутатамъ въ комиссію для сочиненія проекта новаго уложенія.—Объединительная политика Екатерины II до 1781 г.

Когда „Новый Моисей“ вызволилъ украинское козачество и простонародье изъ подъ панскаго ярма, въ Малороссіи возникла своего рода демократическая республика, при которой существованіе шляхты, какъ сословія, надѣленнаго особыми привилегіями и преимуществами, стало неумѣстнымъ. Къ тому же и шляхты этой осталось мало: королята и дуки бѣжали при самомъ началѣ возстанія, а ихъ служебники, поссесоры и офиціалисты были перерѣзаны и перебиты, такъ что 1654-й годъ засталъ на Украинѣ всего на всего 300 представителей благороднаго сословія, но и эти триста были, кажется, изъ самыхъ захудалыхъ. Не смотря на то, что ихъ имущественныя и сословныя права были обезпечены договоромъ съ московскимъ царемъ, а подневольный трудъ подданныхъ гарантированъ имъ гетманскими универсалами „подъ строкгимъ каранемъ войсковымъ“ [1]), уцѣлѣвшіе отъ народной мести шляхтскіе недобитки

[1]) Универсалъ Б. Хмельницкаго „З Илѣя“ отъ 31 іюля року 1654 Нѣжинскому полковнику Шумейку дозволяетъ „всей шляхтѣ до своихъ маетностей и старостъ пріежжатъ и оселѣватся“, а поспольству вмѣняетъ въ обязанность отдавать

не только не могли возвратить былого командующаго положенія, но и удержаться въ качествѣ отдѣльнаго сословія. Съ крушеніемъ затѣй Выговскаго ихъ дѣло стало окончательно проиграннымъ. При новыхъ условіяхъ, когда порода сама по себѣ представляла грошевую цѣнность, а власть и значеніе зависѣли исключительно отъ личныхъ способностей или богатства, представителямъ благороднаго сословія, чтобы какъ-нибудь выбиться изъ сѣрой толпы, оставалось плюнуть на свои гербы и дѣлать тоже, что и другіе: воевать, либо торговать. Такъ именно и поступили уцѣлѣвшіе шляхтичи. Шляхетство, забросивъ или припрятавъ свои дипломы и привилегіи, вошло въ составъ козачества и быстро растворилось въ немъ, настолько быстро, что уже при ближайшихъ преемникахъ „козацкаго батька“ о немъ, какъ отдѣльномъ сословіи края, нѣтъ ни слуху, ни духу.

Въ военной республикѣ, какою стала Малороссія, главное значеніе должно было получить военное сословіе—козачество. Изъ него то и суждено было выдвинуться тому командующему классу, который явился замѣстителемъ шляхты и, мало по малу присвоивъ себѣ шляхетскія преимущества, получилъ наконецъ юридическое признаніе своихъ фактическихъ правъ со стороны русскаго правительства. Это былъ классъ „значныхъ“ козаковъ, изъ котораго обыкновенно выходили кандидаты на уряды и достоинства.

своимъ панамъ десятую копу: „кождый нехай изъ своего тешитъ: козакъ нехай своего гледитъ и изъ своихъ волностей постерегаетъ, а до тихъ, которіе не есть приняты до реестру нашего, абы дали покой и въ засѣвкахъ, которіе на ланахъ панскихъ збожье лѣта военного позосѣвали, збожье теперъ позоровали, аби десятую копу дали“. Цитируемъ по очевидно испорченной копіи, находящейся въ принадлежащемъ библіотекѣ Харьковскаго университета рукописномъ сборникѣ („Собраніе рѣдкостей“, стр. 207—210). Думаютъ, что „послушенство“ стало вмѣняться въ обязанность панскимъ подданнымъ только при преемникахъ Хмельницкаго. Очевидно это не совсѣмъ вѣрно. Кромѣ приведенной выдержки, которую, пожалуй, можно и заподозрить, ссылаемся на универсалъ того же Хмельницкаго отъ 17 іюня 1656 г. на маетности Спасскому монастырю: „селяне всѣ абы всякое послушенство отдавали, безъ всякихъ непослушенствъ и турбацій“. (Акты по исторіи монастырскаго землевладѣнія въ Малороссіи; въ „Чтен. въ Историч. Общ. Нестора лѣтописца“, кн. V, отд. III, стр. 56).

Украинскій народъ съ половины XVII столѣтія началъ новый періодъ своей исторіи отрицаніемъ аристократическаго порядка вещей, а черезъ 100 лѣтъ пришелъ къ полному подчиненію этому самому порядку. За эти 100 лѣтъ внутренняя жизнь малорусскаго общества проходила, можно сказать, совсѣмъ изолированно отъ внѣшнихъ воздѣйствій. Великая Россія вовсе не навязывала гетманщинѣ своего общественнаго строя. Скорѣе какъ разъ на оборотъ: были случаи, когда русское правительство опиралось на чернь, были случаи, когда оно брало на себя даже защиту этой черни отъ властолюбивыхъ притязаній командующаго класса. Передѣлывать малорусское общество на свой образецъ русское правительство стало только во второй половинѣ XVIII вѣка, когда само это общество успѣло уже организоваться на крѣпостническій ладъ. Воздѣйствовать на малорусскія внутреннія отношенія Великороссія могла развѣ только примѣромъ своего внутренняго строя, но и этотъ примѣръ былъ примѣромъ только для тѣхъ, кто стоялъ на верху общественной лѣстницы, а для низшихъ слоевъ населенія, для поспольства какого-нибудь Пирятина или Золотоноши, онъ былъ не видимъ и не понятенъ. Гораздо большее вліяніе должна была оказать аристократическая Польша. Она передала гетманщинѣ свои шляхетскія и крѣпостническія традиціи, свою культуру и, главнѣе всего, свои шляхетскіе законы.

Само собою понятно, что такого рода внѣшнихъ воздѣйствій недостаточно для того, чтобы среди общества, настроеннаго, повидимому, вполнѣ демократически, вызвать къ жизни особый привилегированный, господствующій надъ массою, классъ. Зародился онъ самъ, безъ внѣшнихъ воздѣйствій, зародился, очевидно, потому, что въ самомъ этомъ обществѣ были условія, вызывающія его появленіе на свѣтъ. Какая внѣ общества стоящая сила вызвала къ жизни „Чумазаго“?. А между тѣмъ онъ родился, развился, окрѣпъ, покоряетъ подъ нозѣ и грозитъ. Малорусскій панъ, только что выбившійся изъ среды рядового козачества и всѣми правдами и неправдами умножающій свои прибытки,—это тотъ же „Чумазый“. Разница не въ типѣ, а въ окружающихъ его условіяхъ. Для пана они были много благо-

пріятнѣе, чѣмъ для „Чумазиго“. „Чумазый“ долженъ выдерживать постоянную борьбу съ сословіемъ, которому онъ идетъ на смѣну; малорусскому пану тратить силу на такую борьбу не приходилось, потому что еще при козацкомъ батькѣ онъ купно съ другими сѣромахами, такими же точно, какимъ въ то время былъ онъ самъ, „загналъ ляшкивъ за Нѣманъ, за Вислу“, и съ тѣхъ поръ забылъ о нихъ думать. Противъ „Чумазаго“—законъ, запрещающій ему, по крайней мѣрѣ, юридически оформить свои владѣльческія отношенія къ закабаленному имъ люду; малорусскому пану, наоборотъ, законъ только благопріятствовалъ: разъ онъ фактически сталъ владѣльцемъ и рыцаремъ, такимъ же точно, какъ и его предмѣстникъ—урожденный шляхтичъ, его юридическія права должны стать тѣми же самыми, какими пользовался шляхтичъ. Это подтверждалъ ему и законъ, самый настоящій писанный законъ. Законъ, доставшійся малорусскому обществу отъ дореволюціоннаго періода, зналъ только одно сословіе, находившееся въ условіяхъ, сходныхъ съ условіями пана,—шляхетство, значитъ, и состояніе, пана не могло подойти подъ иныя нормы закона кромѣ тѣхъ, которыя установлены для шляхетства: другихъ нормъ не было. Къ тому же и толкователи закона были такіе же выбившіеся изъ толпы паны, и не въ ихъ интересѣ было толковать законъ въ невыгодную для себя сторону.

„Чумазый“—въ большинствѣ случаевъ только сила, но не власть.

Малорусскій панъ былъ самою настоящею властью,—властью, больше которой не бываетъ: онъ былъ и судья, и администраторъ, и военачальникъ. Правда, такую огромную власть давалъ ему свободный выборъ его же согражданъ, но вѣдь и „Чумазый“, если попадаетъ въ „излюбленные люди“, то попадаетъ только по свободному выбору. Причины, почему свободный выборъ останавливается на такихъ именно типахъ, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ совершенно одинаковы.

Если ограничиться только указанными условіями, то и тогда нельзя не признать ихъ крайне благопріятными для выдѣленія надъ обществомъ особаго командующаго класса, а вѣдь кромѣ

указанныхъ условій были и другія, способствующія тому же процессу.

Процессъ совершался быстро. Мало по малу выдѣлившіеся изъ среды простого козачества козацкіе начальники присваивали себѣ права настоящей шляхты. Къ концу перваго пятидесятилѣтія пореволюціоннаго періода мы застаемъ ихъ владѣльцами населенныхъ имѣній, имѣющими право на „налетитое послушенство“ подданныхъ; они судятся шляхетскимъ правомъ, выбираютъ изъ своей среды урядниковъ на всѣ должности въ краѣ, не платятъ налоговъ и не несутъ общенародныхъ повинностей, ихъ дѣти пользуются особыми преимуществами по службѣ, а образованіе даетъ имъ возможность и по внѣшности, и по развитію превратиться въ особую породу, рѣзко отличную отъ рядового козачества и поспольства.

Въ составъ новаго панства вошли многіе изъ уцѣлѣвшихъ недобитковъ шляхетскаго происхожденія, вошли и великорусскіе дворяне изъ числа козацкихъ начальниковъ, получившихъ свою нобилитацію въ Москвѣ, тѣмъ не менѣе въ огромномъ большинствѣ командующій классъ не могъ имѣть никакихъ претензій на благородство. Да и не имѣлъ: ни шляхетствомъ, ни дворянствомъ онъ въ то время себя не называлъ, скромно оставляя для себя названіе старшины или знатнаго товарищества, да и мудрено было присваивать себѣ шляхетское званіе людямъ, простонародное происхожденіе которыхъ было у всѣхъ на виду. О малороссійскомъ шляхетствѣ не упоминало и само правительство: гетманскія статьи конца 17 и начала 18 столѣтій знаютъ только старшину, знатныхъ, начальныхъ или заслуженныхъ людей, знатныхъ козаковъ. О шляхтѣ въ Малороссіи въ то время совсѣмъ забыли.

Терминъ шляхетство вновь выплываетъ на свѣтъ только въ 18 в., когда на сцену выступило уже третье поколѣніе козацкой старшины; внуки тѣхъ сотниковъ и полковниковъ, которые когда-то прогнали изъ Украины настоящую гербованную шляхту.

Теперь замѣчаются уже попытки закрѣпить на законномъ основаніи этотъ терминъ за командующимъ классомъ. Составители „Правъ, по которымъ судится малороссійскій народъ“,

считали возможнымъ, кромѣ лицъ, имѣющихъ по дипломамъ и грамотамъ право на дворянское или шляхетское достоинство, признать шляхтой: старшину воинскаго всякаго званія, считая снизу отъ сотничаго до самыхъ высшихъ чиновъ малороссійскихъ, которые сами за свои службы пожалованы указомъ въ воинскіе чины или вольнымъ избраніемъ, по силѣ указовъ же оные получили, затѣмъ дѣтей и потомковъ гетманскихъ, старшины генеральной, полковничьихъ и прочихъ знатныхъ чиновъ, людей малороссійскихъ даже до сотничьихъ и, наконецъ, всѣхъ тѣхъ, которые были и суть въ званіи бунчуковыхъ, войсковыхъ и значковыхъ товарищей, вмѣстѣ съ ихъ потомствомъ.

Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ тверже становились права командующаго класса, а вмѣстѣ съ тѣмъ росли и его претензіи. Къ концу перваго столѣтія со времени народной революціи, упразднившей привилегіи, Малороссія готова была превратиться въ маленькую Польшу, управляемую классомъ, надѣленнымъ тѣми же самыми привилегіями, противъ которыхъ такъ энергично боролся малорусскій народъ въ пору революціи. Для того, чтобы этотъ классъ могъ превратиться въ настоящую шляхту, ему оставалось только возстановить старошляхетскія формы въ области управленія и суда, а затѣмъ получить и формальное признаніе своихъ шляхетскихъ правъ со стороны верховной власти. Возстановленіе формъ началось въ области судоустройства. 1670 году былъ пребразованъ генеральный судъ на манеръ стариннаго шляхетскаго трибунала, съ судьями-депутатами, выбираемыми отъ каждаго изъ 10 полковъ. Къ этому времени вполнѣ созрѣваетъ среди командующаго класса мысль о необходимости возстановленія уничтоженныхъ революціей старошляхетскихъ институтовъ. Гетману подаются просьбы о возстановленіи въ Малороссіи судовъ „по точной силѣ правъ малороссійскихъ“, т. е. въ томъ видѣ, въ какомъ они установлены шляхетскимъ статутомъ [1]). На Глуховскомъ съѣздѣ 1763 г. раздаются уже жалобы на преобладаніе въ краѣ военной силы, вслѣдствіе чего права шляхетства оказались переведенными и изглаженными изъ памяти.

[1]) Архивъ Малор. Кол. № 3364.

„Гражданскія дѣла у насъ,—говорилъ одинъ изъ ораторовъ Глуховскаго съѣзда,—совсѣмъ не на такомъ основаніи, какими оныя были во время бытности нашей подъ республикою польскою и на какомъ мы приняты подъ державу россійскую. Были у насъ суды земскіе, градскіе, подкоморскіе и прочіе къ содержанію правосудія и порядка учрежденные мѣста и чины, были у насъ сеймы или генеральныя рады, на которыхъ мы всѣ общія и важнѣйшія дѣла рѣшали, а новыя учрежденія дѣлали. Но гдѣ оныя нынѣ? Переведены и выглажены изъ памяти нашей, какъ будто ихъ никогда не бывало. Сіе произошло оттого, что умалилась власть и сила шляхетства нашего, а возросла и почти все себѣ присвоила воинская сила. Итакъ, надлежитъ намъ стараться, чтобы учредить всѣ тѣ чины и достоинства, которые управляютъ гражданскими дѣлами, на всемъ томъ основаніи, какъ повелѣваютъ права наши“...[1]).

На съѣздѣ 1763 года малорусскій командующій классъ рѣшительно высказывается въ пользу возвращенія къ дореволюціонному порядку, когда шляхта правила страной и законодательствовала на сеймахъ, а гетманъ и старшины только начальствовали надъ войскомъ.

Въ этомъ смыслѣ было составлено и прошеніе къ государынѣ, въ которомъ идеалы командующаго класса выставлялись, какъ самое законное право, установленное договоромъ Хмельницкаго.

Прошеніе царицѣ не дало никакихъ положительныхъ результатовъ, тѣмъ не менѣе ближайшимъ послѣдствіемъ Глуховскаго съѣзда было возстановленіе земскихъ, гродскихъ и подкоморскихъ судовъ. Правда, суды эти были возстановлены не совсѣмъ въ томъ видѣ, какъ узаконено Статутомъ, но все же для командующаго класса это было замѣтнымъ шагомъ впередъ по пути къ осуществленію шляхетскихъ идеаловъ: подсудность статутовымъ шляхетскимъ судамъ и право избранія судей изъ среды своей давали новую опору его притязаніямъ на шляхетское достоинство. Съ этихъ поръ командующій классъ оконча-

[1]) „Кіев. Старина“ 1882 г. стр. 119—125.

тельно присваиваетъ себѣ наименованіе шляхетства: такъ называется онъ и въ оффиціальныхъ документахъ, подъ такимъ именемъ фигурируетъ онъ и въ собраніяхъ для выбора депутатовъ въ Екатерининскую коммиссію 1767 г; какой-нибудь сотникъ или возный уже не участвуетъ въ собраніяхъ рядового товарищества, а подписывается на шляхетскомъ наказѣ: онъ уже не козакъ, а шляхтичъ. Въ Черниговскомъ наказѣ такіе сотники и возные уже жалуются на то, что имъ приходится судиться въ однихъ судахъ съ рядовыми козаками, и требуютъ для себя особаго шляхетскаго суда [1]). Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы вопросъ о томъ, кто именно имѣетъ право принадлежать къ шляхетству, былъ въ это время достаточно выясненнымъ. Составители „Правъ, по которымъ судится малороссійскій народъ", считали шляхтой всѣхъ козачьихъ урядниковъ до сотника включительно, а также бунчуковыхъ, войсковыхъ и значковыхъ товарищей. Къ шляхетству они причисляли также: „духовнаго чина персонъ, такожде бѣлыхъ священниковъ и діаконовъ съ ихъ потомками, по посвященіи ихъ рожденными; тѣхъ, которые, оставя римскій и другіе христіанскіе законы, приняли и принимать будутъ христіанскаго греко-россійскаго исповѣданія вѣру, потому жъ и ихъ потомковъ сей вѣры родившихся, и тѣхъ, которые изъ невѣрныхъ, а именно изъ жидовъ, турокъ и татаръ тую-жъ греческую вѣру и святое крещеніе приняли и принимать будутъ, и ихъ потомковъ по святомъ крещеніи рожденныхъ [2])". О принадлежности къ шляхетству рядовыхъ козаковъ такимъ образомъ уже въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія не было и рѣчи, а между тѣмъ оказывается, что даже въ 60-ые и 70-ые годы это былъ еще вопросъ спорный, и рѣшали его различно. Въ 1765 г. въ Гадячскомъ полку открыла свои дѣйствія коммиссія генеральной ревизіи. Для веденія дѣла ей необходимо было имѣть свѣдѣнія о всѣхъ живущихъ на территоріи полка чиновникахъ и шляхетствѣ. Обратились, конечно, къ мѣстному полковому начальству. Начальство отвѣтило, но отвѣтило такъ,

---

[1]) Сборникъ Имп. Русскаго Историч. Общ. т. 68, стр. 234.

[2]) Права, по котор. судится Мал. Нар. стр., 834—835.

какъ, повидимому, можно было отвѣтить только 50—60 лѣтъ назадъ. Ссылаясь на цѣлый рядъ артикуловъ, гетманскихъ статей и указовъ, полковая канцелярія доказывала, что шляхетствомъ должны быть признаны всѣ козаки, даже и подпомощники, а также все духовенство съ его потомствомъ [1]). Хотя такое обобщеніе и было по тому времени уже черезчуръ смѣлымъ, тѣмъ не менѣе распространеніе шляхетскихъ правъ на рядовыхъ козаковъ мы видимъ и въ другихъ случаяхъ. Не говоря уже о томъ, что рядовые козаки судились въ шляхетскихъ земскихъ судахъ, мы постоянно встрѣчаемъ ихъ въ качествѣ „стороны“ (понятыхъ) при возномъ, хотя по Статуту такого рода обязанности возлагались только на шляхту [2]). Въ избирательныхъ собраніяхъ 1763—1780 г. не рѣдко участвовали сотенные писари и старшины, т. е. лица, стоявшія на служебной лѣстницѣ гораздо ниже сотниковъ, коими, по мнѣнію составителей „Правъ“, долженъ былъ заканчиваться кругъ козацкихъ чиновъ, имѣющихъ право на шляхетское достоинство. [3]) Высшее краевое правительство этого времени жаловалось, что въ Малороссіи, „вовсе въ противность арт. 1 розд. 4 Статута, выбираются въ земскіе уряды и изъ людей козачьей и поселянской породы“ [4]). Въ такомъ же неопредѣленномъ положеніи былъ и вопросъ о шляхетскихъ правахъ духовенства. Мы видѣли уже, что составители „Правъ“ причисляли его къ шляхетству. За это былъ не только обычай, но, повидимому, и кой-какія законныя основанія. Не говоря уже о Статутѣ, равняющемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ духовенство съ шляхетствомъ, духовенство для подкрѣпленія своихъ притязаній ссылалось обыкновенно на указъ 1734 г., которымъ велѣно: „поповскихъ дѣтей, кои пожелаютъ Е. И. В. отправлять службу, опредѣлять для отправленіи той службы въ значковые товарищи [5]), а значковые товарищи были уже членами командующаго класса, значитъ шляхетствомъ. На

[1]) „Собраніе рѣдкостей“, рукописный сборникъ библіотеки Харьковск. унив., стр. 834—835.

[2]) Архивъ Мал. Кол. №№ 3364 и 8821 и „Кіевск. Стар.“ 1884, № 12, стр. 694.

[3]) Архивъ Мал. Кол. № 20639.

[4]) Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общ., т. 43, стр. 218.

[5]) „Кіевск. Стар.“ 1888 г., № 1, отд. 3, стр. 28—29.

практикѣ, однако, съ духовнымъ шляхетствомъ церемонились очень мало. Отъ того же 1734 г.,—въ которомъ состоялся благопріятный для духовенства указъ, до насъ дошло слезное прошеніе „велебному господину, ясне въ Богу преосвященному архіепископу Кіевскому, Галицкому и всея Малія Россіи“, подписанное восемью глуховскими священниками съ протопопомъ и намѣстникомъ во главѣ. Въ немъ духовные шляхтичи жаловались: въ здѣшней Глуховской протопопіи многихъ священниковъ и вдовствующихъ попадей въ самыхъ малыхъ челобитческихъ дѣлахъ мимо духовное правленіе берутъ насильно въ ратушь Глуховскую, посылая за оными нарочныхъ съ инструкціями и противно указовъ, въ Св. Синодѣ состоявшихся, въ оной ратушѣ допрошуютъ и держатъ подъ карауломъ, отчего въ церквахъ святыхъ чинится въ надлежащемъ священнослуженіи упущеніе, а приходскимъ людямъ въ духовныхъ обрядахъ не малая трудность и бѣдствіе. Къ тому жъ посылаемые съ оной ратуши нарочные съ инструкціями въ насильномъ священниковъ взиманіи дѣлаютъ имъ поруганіе и безчестіе... Причетниковъ, дьяковъ, пономарей, поповскихъ дѣтей,—которые живутъ на отчизныхъ грунтахъ, положено въ общій посполитскій окладъ и велѣно высылать на линію, почему они должны были нанимать за себя другихъ [1])... Тѣмъ не менѣе мы видимъ не рѣдкіе случаи признанія шляхетскихъ правъ и за духовенствомъ. Съ 1763 г. во время выборовъ по земству „духовные владѣльцы“ являлись такими же избирателями, какъ и прочее шляхетство. Со времени учрежденія Коллегіи избирательныя права духовныхъ, особенно „нижняго чина“, т. е. простыхъ поповъ и діаконовъ, подверглись сомнѣнію. По поводу однихъ выборовъ въ 1775 г. Малороссійская Коллегія издала даже указъ, коимъ участіе въ выборахъ нижнихъ чиновъ духовенства было признано не законнымъ. Однако, не смотря на такой взглядъ высшаго краеваго правительства, участіе духовенства въ шляхетскихъ выборахъ продолжалось до самаго введенія въ краѣ общерусскихъ порядковъ [2]). Нельзя сказать, чтобы среди самого командующаго класса

[1]) Архивъ Мал. Кол. № 30517.

[2]) Архивъ Мал. Колл. № 3932; „Кіев. Стар.“, 1884, № 12, стр. 693.

царило единодушіе въ вопросѣ о шляхетскихъ правахъ всѣхъ членовъ этого класса. Въ разсматриваемый нами періодъ этотъ щекотливый вопросъ вызывалъ массу недоразумѣній и споровъ. Потомки гербованныхъ шляхтичей, припрятавшихъ въ оные дни свои шляхетскіе документы, съ наступленіемъ лучшихъ временъ вытаскиваютъ ихъ на свѣтъ и съ особеннымъ удареніемъ подчеркиваютъ при каждомъ удобномъ случаѣ свое происхожденіе „не отъ здѣшней простонародной породы, а отъ благороднаго шляхетства полскаго". Въ судебныхъ процессахъ того времени мы очень часто встрѣчаемъ такъ наз. „збиванье позву" подъ предлогомъ сомнѣнія въ шляхетствѣ противника: какой-нибудь бунчуковый товарищъ отказывается отвѣчать по позву значковаго товарища, ссылаясь на то, что его противникъ не шляхтичъ, а мужичій сынъ [1]). По свидѣтельству Румянцева, при выборахъ депутатовъ въ коммиссію для сочиненія новаго уложенія „не обошлося безъ того ни одно собраніе, чтобы кто либо въ началѣ онаго не всталъ, укоряя другого не быть шляхтичемъ, а таковой раздраженный имѣлъ готовую генеалогію всѣмъ самознатнѣйшимъ вельможамъ, обыкновенно начиная родъ ихъ вести или отъ мѣщанина, или отъ жида".

Какъ бы то ни было, ко времени прекращенія автономной жизни Малороссіи, ея командующій классъ достигъ почти всѣхъ тѣхъ правъ, коими обладало настоящее шляхетство. Правда, процессъ дифференціаціи его еще не закончился, рѣзкая демаркаціонная черта между какимъ-нибудь значковымъ товарищемъ и простымъ козакомъ или поповичемъ не была еще установлена, но она и не могла установиться сама собою, безъ особаго распоряженія свыше. Такое распоряженіе, узаконяющее результаты столѣтнихъ стараній, и было чаяніемъ командующаго класса. Ему, повидимому, предстояло два исхода: или возвратиться въ настоящую шляхту со всѣми ея политическими правами, или стать русскимъ дворянствомъ. Первое, конечно, было далеко заманчивѣе второго; не даромъ же такъ мечтали о сеймикахъ и сеймахъ члены глуховскаго съѣзда 1763 г. Но и теперь, какъ и во времена Вы-

[1]) Архивъ Мал. Колл. № 870.

говскаго, мечты оказались мечтами. За спиной у новаго малороссійскаго шляхетства стояла не Польша, а монархическая Россія. Поневолѣ приходилось предпочесть синицу журавлю. Къ тому же и созерцать этого журавля въ небѣ былъ способенъ далеко не всякій, а только избранные.

Нельзя сказать, чтобы состояніе русскаго дворянина было особенно заманчивымъ для лицъ, пользовавшихся шляхетскими правами. Ни въ 17 столѣтіи, когда дворянъ били батожьемъ, ни потомъ, въ 18, когда ихъ отдали въ муштру къ нѣмецкимъ инструкторамъ и на всю жизнь запрягли въ государственное тягло, не видно со стороны украинцевъ большого желанія сопричаститься правамъ и обязанностямъ высшаго сословія имперіи. Даже въ первые годы Екатерининскаго правленія Малорусскій командующій классъ предпочиталъ свои права и преимущества правамъ русскаго дворянства. „Мы такіе имѣемъ законы, которые только вольный и благородный на свѣтѣ народъ имѣть можетъ“, восклицалъ въ 1763 году одинъ изъ ораторовъ глуховскаго съѣзда. „Когда малороссійскому шляхетству,—разсказываетъ А. И. Чепа,—сказали о сочиненныхъ новыхъ законахъ, изъ нихъ стародубовскіе и нѣжинскіе, опасаясь, повидимому, неосновательно, подвергнуться состоянію русскихъ дворянъ, сочли за лучшее быть въ оковахъ, нежели согласиться на оные“ [1]). Оно и не удивительно. Командующій классъ присваивалъ себѣ права шляхетства, а права эти были очень широки. Вспомнимъ хотя бы то краткое перечисленіе шляхетскихъ правъ и вольностей, какое сдѣлано было Г. Полетикой въ засѣданіи коммиссіи для составленія проекта новаго уложенія. „1) Правленіе дѣлъ въ Малой Россіи по силѣ высочайшей государевой власти должно зависѣть отъ шляхетства; 2) шляхетство имѣетъ право установлять, отмѣнять и поправлять свои законы и просить государя о подтвержденіи оныхъ; 3) отъ шляхетства и другихъ тамошнихъ чиновъ зависятъ дѣла всякія, внутреннія учрежденія, какъ то наложеніе и снятіе податей и всякаго званія поборовъ и проч.; 4) въ тамошніе гражданскіе и воинскіе чины выбираются чинов-

[1]) „Кіевск. Стар.“ 1893 г., № 1, стр. 54.

ники вольными голосами, каковые не могутъ быть производимы кромѣ природныхъ малороссійскихъ шляхтичей; 5) шляхтичъ, помѣстье свое имѣющій, не можетъ быть иманъ и въ заключеніе посаженъ въ какихъ бы то ни было преступленіяхъ, ниже самыхъ уголовныхъ, выключая, если онъ пойманъ на самомъ дѣлѣ, а во всѣхъ таковыхъ преступленіяхъ зовется въ судъ, судимъ бываетъ по предписанному въ законахъ порядку и по осужденіи уже, если онъ смерти или какого наказанія достоинъ, безъ всякаго пощадѣнія поступаемо бываетъ съ нимъ по законному положенію; 6) шляхетство надъ своими подданными во всѣхъ дѣлахъ имѣетъ свой судъ и расправу; 7) имѣетъ свободу выѣхать въ чужіе края безъ всякаго дозволенія и имѣніе, кому хочетъ, продать или записать можетъ; 8) распоряжаетъ при жизни своей своими движимыми и недвижимыми, родовыми и благопріобрѣтенными имѣніями по своей волѣ, такъ что и самыхъ ближайшихъ сродниковъ отъ оныхъ отдалять, а постороннихъ укрѣплять можетъ; 9) имѣетъ свободное употребленіе всѣхъ пользъ и прибылей, какія только въ имѣніи и изъ имѣнія своего получить можетъ, такъ что всякаго рода крупицы или руды, соляные растворы и другія пріобрѣтенныя принадлежатъ тому шляхтичу, чье имѣніе; 10) имѣнія шляхетскія не должны быть обложены никакими податьми и оброками, кромѣ самой малой подати съ земли, т. е. по два гроша польскихъ съ населенной волоки, которая составляетъ безъ мала 20 десятинъ, а гдѣ волокъ нѣтъ,—по одному грошу съ дыму; 11) имѣетъ вольность передѣлывать свои произращенія и безпошлинно оными, также скотомъ и всякими домашними вещьми, внутрь и внѣ государства торговать, такимъ же образомъ и нужныя для своего содержанія вещи и товары безпошлинно изъ другихъ земель выписывать можетъ; 12) если бы кто изъ иностранныхъ, живучи въ имѣніяхъ шляхетскихъ, безъ наслѣдниковъ умеръ, то всѣ его пожитки принадлежатъ шляхтичу, а не государственной казнѣ; 13) въ имѣніяхъ шляхетскихъ не можетъ имѣть постоевъ и квартиръ войско, а должно имѣть оныя въ городахъ и имѣніяхъ государственныхъ; 14) домъ шляхетскій предохраненъ отъ всякой наглости и насилія, такъ что и самые преступники въ голов-

ныхъ дѣлахъ безъ согласія хозяина изъ онаго взяты быть не могутъ, а должны быть позваны въ судъ; 15) шляхетство имѣетъ свободную рубку дровъ и ловленіе звѣрей въ лѣсахъ, а рыбъ въ рѣкахъ и озерахъ государевыхъ[1]).

Если отъ этого длиннаго перечня отбросить то, чѣмъ малорусскій командующій классъ никогда не пользовался въ дѣйствительности, то и тогда останется на его долю такое богатство правъ и вольностей, какое русскому столбовому дворянину, особенно до 1785 года, могло грезиться только во снѣ. Отъ добра добра не ищутъ, а потому и малорусскому пану не было никакихъ разумныхъ побужденій желать замѣны своихъ широкихъ правъ правами русскаго дворянства.

Правда, отдѣльныя личности среди командующаго класса, какъ, вѣроятно, и весь этотъ классъ, были очень не прочь получить дворянское достоинство, но только съ тѣмъ, чтобы не терять и своихъ „національныхъ“ шляхетскихъ правъ. Дворянскія права равняли ихъ съ гербованными шляхтичами, обезпечивали имъ болѣе спокойное „уживаніе“ ихъ добръ и маетностей, давали возможность владѣть не только подданными, но и крѣпостными и воспитывать дѣтей въ русскихъ привилегированныхъ учебныхъ заведеніяхъ: преимущества, конечно, очень завидныя, но за то и обязанности, сопряженныя съ дворянскимъ званіемъ, были далеко не легкими. Командующему классу, привыкшему къ болѣе свободному положенію, хотѣлось получить только права, не принимая на себя обязанностей.

Вотъ почему и во весь періодъ тяглаго состоянія русскаго дворянства мы не замѣчаемъ въ высшемъ классѣ малорусскаго общества стремленія къ превращенію въ дворянство. Въ теченіе этого періода мы встрѣчаемъ неоднократныя просьбы со стороны малорусскихъ козацкихъ старшинъ о сравненіи ихъ чиновъ съ русскими табельными чинами, но это вызывалось не желаніемъ превратиться въ дворянъ, а только стремленіемъ гарантировать себя отъ „всекрайнѣйшаго упослѣженія“ при столкновеніяхъ съ великорусскими военными и гражданскими властями. А это было

[1]) Собраніе рѣдкостей, стр. 465—469.

очень и очень необходимо. Бригадиръ Вельяминовъ кричалъ на Полуботка: „Я президентъ и бригадиръ, а ты что?“ А Полуботокъ былъ наказной гетманъ, первое по тому времени лицо въ Малороссіи. Минихъ ругалъ членовъ генеральнаго суда каналь-ями, которыхъ слѣдуетъ повѣсить или, бивъ кнутомъ, сослать въ Сибирь, а совсѣмъ уже не важная птица, подполковникъ Львовъ,не смотря на свою подчиненность гетману, знать не хотѣлъ гетманскихъ универсаловъ [1]). Г.г. россійскіе оберъ-офицеры при разныхъ командировкахъ не соглашались быть въ товарищахъ съ войсковыми канцеляристами, сыновьями знатныхъ чиновниковъ, „содержимыми въ всегдашней обсерваціи“, а считали таковыхъ не болѣе, какъ ротными писарями [2]). Во время турецкой Компаніи генералъ-поручикъ Загряжскій считалъ генеральнаго обознаго за полуполковника, бунчуковыхъ товарищей—вахмистрами [3]), а послѣдній драгунъ, по увѣренію автора „Замѣчаній до Малой Россіи принадлежащихъ“, гонялъ плетью лучшаго малороссійскаго чиновника [4]). Чтобы обезпечить себя отъ такого „упослѣженія“, малороссійскимъ старшинамъ необходимо было добиться точнаго, установленнаго закономъ, уравненія своихъ чиновъ съ русскими табельными. Вопросъ объ этомъ поднимался нѣсколько разъ.

Такъ, въ 1733 году, по прошенію гетмана Апостола, „въ Габинетѣ“ было постановлено на этотъ счетъ такое мнѣніе: гетманъ—генералъ полный; генеральному обозному надлежитъ имѣть рангъ генералъ-маіора или бригадира. Двое судей генеральныхъ, одинъ подскарбій, одинъ писарь, два эсаула, одинъ хорунжій, одинъ бунчучный имѣютъ быть въ рангахъ полковническихъ. Что касается 10 полковниковъ, то о нихъ „Габинетъ“ постановилъ: „понеже блаженной памяти Государь Императоръ Петръ I изволилъ опредѣлить въ тѣ полки изъ россійскихъ офицеровъ подполковниковъ, изъ которыхъ и нынѣ одинъ въ черниговскомъ полку Михайло Богдановъ въ Польшѣ при

---

[1]) Дневникъ Марковича, стр. 394.

[2]) Собраніе рѣдкостей, стр. 311—315.

[3]) Дневникъ Марковича, стр. 416.

[4]) Чт. Общ. И. и др. россійск. ч. 4, кн. 1, отд. 2, стр. 19.

командѣ, того ради, мнится, меньше того подполковника ранга полковникамъ малороссійскимъ быть не можно, понеже у нихъ въ полкахъ городовъ по десять и больше". Бунчуковыхъ товарищей въ то время числилось болѣе 100 человѣкъ. Принимая во вниманіе, что они „происходятъ изъ первостатейныхъ малороссійскихъ, братья и дѣти и внучата гетманскіе, обозныхъ и другой генеральной старшины, а иные—оставшіесь отъ польскаго владѣнія и россійскіе шляхтичи", „Габинетъ" постановилъ дать имъ рангъ маіорскій, или капитанскій. Полковникамъ компанейскихъ полковъ, эсаулу и хорунжему генеральной артиллеріи, полковымъ обознымъ, судьямъ, писарямъ, асауламъ и хорунжимъ рѣшено было дать рангъ капитанъ-поручика, сотникамъ быть противъ подпоручика или прапорщика, а сотенной старшинѣ (атаману, хорунжему, эсаулу и писарю)—быть противъ вахмистровъ [1]). Мнѣніе это было подписано канцлеромъ Головнинымъ, вице-канцлеромъ Остерманомъ, д. т. с. Курбатовымъ, т. с. Стефановымъ и совѣтникомъ Курбатовымъ, но утвержденія не получило.

По позднѣйшимъ разсказамъ, Апостолъ остался недоволенъ генералъ-аншефствомъ, а потому и не просилъ объ утвержденіи мнѣнія Габинета высочайшею властью. Въ 1742 г. встрѣчаемъ новую просьбу объ уравненіи чиновъ. Черезъ депутатовъ отъ малороссійскаго народа, отправленныхъ ко двору Елизаветы Петровны, малороссійскіе старшины подали въ сенатъ челобитье объ опредѣленіи имъ ранговъ противъ членовъ состоящихъ въ регулярствѣ [2]). Около того же времени работавшая въ Глуховѣ коммиссія по кодефикаціи малороссійскихъ правъ составила полную табель степеней малороссійской службы [3]). Коммиссія, какъ видно, желала, чтобы эта табель была принята во вниманіе при обсужденіи старшинскаго челобитья, однако ея работа

---

[1]) Собраніе рѣдкостей, стр. 211—212; „Экстрактъ изъ указовъ, инструкцій и учрежденій съ раздѣленіемъ по матеріямъ на 19 частей. Собрано при Правит. Сенатѣ, по малороссійской экспедиціи. 1786: ч. 14. (Изъ рукописей покойнаго проф. Кистяковскаго).

[2]) Права, по которымъ судится Малор. народъ; стр. 837.

[3]) Ibid. стр. 839.

пропала даромъ: ни челобитье, ни „прости“ правной коммиссіи ходу не получили.) Въ 1750 году мы застаемъ членовъ генеральной канцеляріи занятыми собираніемъ свѣдѣній о гетманскомъ достоинствѣ и о прочихъ малороссійскихъ чинахъ. Принимались во вниманіе не только архивныя справки, но и сказки старшинъ.

Этимъ дѣломъ, по порученію гетмана, занимались Горленко, Мих. Скоропадскій, Безбородко, Валкевичъ и Ханенко. Собираніе справокъ тормозилось дурнымъ состояніемъ архива, разбитаго по случаю пожара, и болѣзнью Ханенка. Въ концѣ концовъ, требуемыя свѣдѣнія все-таки собрали и изъ нихъ составили „Экстрактъ“ [1]).

(Въ 1751 году гетману было объявлено изъ Иностранной коллегіи о высочайшемъ соизволеніи на пожалованіе малороссійскимъ чиновникамъ ранговъ [2]), но, судя по всему, и на этотъ разъ желанія старшины не увѣнчались успѣхомъ, потому что уже въ 1756 году мы вновь встрѣчаемся съ ходатайствомъ объ уравненіи малороссійскихъ чиновъ съ табельными. На этотъ разъ гетманомъ была представлена центральному правительству цѣлая табель о рангахъ, съ подробнымъ перечисленіемъ всѣхъ малороссійскихъ чиновъ и указаніемъ ихъ класса. Всѣхъ классовъ въ табели, если считать козаковъ, жолдаковъ и пушкарей, отнесенныхъ къ послѣднему классу, 12. Гетманъ въ ней не упомянутъ, вѣроятно, потому, что ему хлопотать было не о чемъ: по именному указу государыни онъ былъ генералъ-фельдмаршаломъ. Къ первому классу въ табели 1756 года отнесенъ генеральный обозный, ко второму—судьи и подскарбій, къ 3-ему—писарь, хорунжій, асаулъ и бунчужный; полковники поставлены въ 4 классѣ, въ 5-мъ: бунчуковые товарищи, асаулъ генеральной артиллеріи, полковники охочекомонныхъ полковъ, писарь генеральнаго суда и старшій канцелярист генеральной канцеляріи; въ 6-мъ: хорунжій генеральной артиллеріи, полковые судьи и обозные охочекомонныхъ полковъ: въ 7-мъ: полковые писари, асаулы и хорунжіе и переводчикъ генеральной канце-

[1]) Собраніе рѣдкостей, стр. 213—214.

[2]) Сборникъ И. Р. И. Общ. т. 68, стр. 20[illegible]

ляріи; въ 8-мъ: сотники, войсковые канцеляристы, писари и атаманъ генеральной артиллеріи, асаулы, хорунжіе и писари охочекомонныхъ полковъ; въ 9-мъ: значковые товарищи, писари судовъ полковыхъ, капитанъ жолдацкій, атаманы сотенныхъ городовъ и сотники или ротмистры охочекомонныхъ полковъ; въ 10-мъ: атаманъ жолдацкій, сотенные асаулы, хорунжій и писари, полковые канцеляристы, хорунжій и атаманы полковыхъ артиллерій и сотенная компанейская старшина; въ 11-мъ: атаманы куринные, городничіе сотенныхъ городовъ и атаманы сельскіе; къ 12-му классу отнесены рядовые козаки, жолдаки, пушкари и компанейцы [1]).

Какъ ни благосклонно относились въ то время въ Петербургѣ ко всѣмъ представленіямъ, идущимъ изъ Глухова, тѣмъ не менѣе въ этомъ вопросѣ центральное правительство медлило и замѣтно колебалось сдѣлать рѣшительный шагъ. И при Елизаветѣ малорусскимъ старшинамъ не удавалось достигнуть сравненія своихъ чиновъ съ табельными, а ихъ шляхетскія права продолжали игнорироваться такъ же, какъ они игнорировались и раньше. Въ это, напр., время (1761 г.) было подтверждено, что малороссіяне не имѣютъ права поступать въ шляхетскій кадетскій корпусъ, потому что онъ учрежденъ для дворянъ, а въ Малой Россіи дворянъ нѣтъ [2]). Съ точки зрѣнія сената, дворянами были только тѣ немногіе изъ малороссіянъ, которые получили дворянскія права по Высочайшему пожалованію или дослужились въ русскихъ регулярныхъ полкахъ и въ канцеляріяхъ до чиновъ, дающихъ потомственное дворянство. Положеніе дѣлъ было таково, что малорусскому командующему классу приходилось только плакаться на покойнаго Апостола за то, что онъ не согласился съ мнѣніемъ „Габинета“.

А между тѣмъ, чѣмъ дальше шло время, тѣмъ чаще и чаще самимъ великороссамъ приходилось вступать въ тѣ или другія отношенія съ малороссами. Малороссійскому шляхетству

[1]) Собраніе рѣдкостей, стр. 235—239.

[2]) На практикѣ, впрочемъ, это распоряженіе не исполнялось. Для принятія малорусскаго ребенка въ кадетскій корпусъ требовались не документы о шляхетскомъ званіи, а только свидѣтельство двухъ „безсумнительныхъ шляхтичей“ о томъ, что онъ изъ природнаго малор. шляхетства.

приходилось встрѣчаться съ россійскими штабъ и оберъ-офицерами и генералитетомъ уже не только въ Малороссіи, но и въ Москвѣ и Петербургѣ. Многіе изъ украинцевъ попадали въ Великую Россію на постоянное жительство, многіе поступали на службу въ русскіе регулярные полки. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ неизмѣнно возникалъ вопросъ: какими правами должно пользоваться поступающее на службу лицо,—считать ли его шляхтичемъ, или, что тоже, дворяниномъ, или нѣтъ, да и какъ отличить шляхтича отъ не-шляхтича, если ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ никакихъ свѣдѣній объ этомъ доискаться не возможно? До сихъ поръ въ герольдіи имѣлись свѣдѣнія только о тѣхъ лицахъ изъ малороссійскаго шляхетства, которыя получили права русскихъ дворянъ. 18 января 1762 года графъ Романъ Воронцовъ докладывалъ сенату, что вслѣдствіе отсутствія въ герольдіи точныхъ свѣдѣній о малороссійскомъ шляхетствѣ, при пріемѣ малороссіянъ въ военную и штатскую службу простолюдины не рѣдко присваиваютъ себѣ шляхетское названіе и пользуется вслѣдствіе этого преимуществами, свойственными благородному дворянству. Для пресѣченія такого злоупотребленія Воронцовъ предлагалъ сосредоточить въ герольдіи свѣдѣнія о малороссійскихъ дворянскихъ фамиліяхъ съ точными доказательствами о ихъ шляхетствѣ и съ показаніемъ полученныхъ тѣмъ шляхетствомъ грамотъ отъ польскихъ королей или отъ россійскихъ государей. Предложеніе Воронцова было одобрено государемъ, вслѣдствіе чего гетману была послана особая грамота съ повелѣніемъ составить списки малороссійскаго шляхетства и вмѣстѣ съ доказательствами препроводить въ герольдію [1]). Имѣла ли эта грамота какія-нибудь послѣдствія и точно ли началось въ Малороссіи составленіе списковъ шляхетскихъ родовъ,—не знаемъ. Полагать надо, что вступленіе на престолъ „Семирамиды Сѣвера“ заставило забыть и это распоряженіе ея предмѣстника, точно такъ же, какъ были забыты и многія другія. Къ тому же и вспоминать о немъ для малороссовъ не было никакой выгоды: вѣдь дипломированныхъ дворянъ и шляхтичей

[1]) Собраніе рѣдкостей, стр. 420.

среди командующаго класса было не много. Насколько можно судить по позднѣйшему отзыву (наказу Старобудовскаго шляхетства), командующій классъ считалъ для себя это распоряженіе даже обиднымъ, такъ какъ де имъ „наведено о здѣшнемъ шляхетствѣ не малое сумнительство, которое тѣмъ для онаго тягостнѣе, что въ нынѣшнее время подлиннаго на то доказательства сыскать многотрудно“: „въ Малой Россіи,—объясняло шляхетство,—герольдіи не было, какія жъ у кого имѣлись привилегіи, онія, за происходившими въ послѣднихъ годахъ частими военними нахожденіями, между коими не токмо всѣ домы шляхетскіе, но и города подвержены были разоренію и сожженію, утеряны и истреблены и нынѣ весьма рѣдко въ кого сыскиваются, а паче что и Мазепа при забраніи всей архивы во время его измѣны, многіе также давніе привилегіи и грамоты да и другіе писменніе виды съ Малой Россіи зъ собою увезъ, и оные безвѣстно пропали; посля такихъ чрезъ нѣсколко лѣтъ продолжавшихся разныхъ военныхъ разореній едва найдется какая фамилія, которая понынѣ могла удержать стариннія свои владѣніи, но оныя отъ предковъ ихъ продажею и другими случаями отойшли, а съ нынѣшнихъ ихъ потомковъ иныи пріобрѣли себѣ другія добра, а протчіе остаются въ нищетѣ и переименованы“ [1]). Словомъ, положеніе дѣлъ было таково, что желать осуществленія распоряженій центральнаго правительства было совсѣмъ не въ интересахъ командующаго класса.

Во всякомъ случаѣ грамоту Петра Ѳедоровича слѣдуетъ отмѣтить, какъ первую попытку правительства регулировать сословный вопросъ въ Малороссіи.

Кратковременное правленіе Петра III имѣло громадное значеніе въ исторіи русскаго дворянства, освобожденнаго имъ отъ неудобоносимаго ярма обязательной службы государству, а вмѣстѣ съ тѣмъ оказало и свою долю вліянія на сближеніе съ дворянствомъ малорусскаго командующаго класса. Послѣ манифеста о вольности дворянской положеніе великорусскаго дворянина не могло уже казаться такимъ тяжелымъ, какимъ до сихъ

[1]) Сборникъ И. Р. И. О. т. 68, стр. 190—191.

поръ представлялось оно украинскому панству. Тѣмъ не менѣе и послѣ этого командующій классъ не обнаруживаетъ желанія перемѣнить свои шляхетскія права и вольности на преимущества русскаго дворянства: и теперь, какъ и раньше, въ просьбахъ малорусскаго шляхетства замѣтно желаніе воспользоваться только преимуществами дворянскаго званія, удерживая за собою всѣ права и привилегіи, свойственныя шляхетству.

А просьбы возобновились почти съ началомъ новаго царствованія. Въ 1763 году малороссійскіе старшины и шляхетство вмѣстѣ съ гетманомъ обратились къ новой государынѣ съ ходатайствомъ все о томъ же уравненіи малороссійскихъ чиновъ съ великорусскими. Говорятъ, царица, получивъ эту просьбу отъ малорусскихъ депутатовъ, много смѣялась, тѣмъ не менѣе дѣло не было оставлено втунѣ. Вопросъ объ уравненіи малороссійскихъ чиновъ былъ переданъ на разсмотрѣніе „собранія, въ коемъ происходилъ совѣтъ о вольности дворянской“ [1]). Довести его до конца, однако, и на сей разъ не удалось. Совѣтъ, какъ извѣстно, вскорѣ былъ распущенъ, и вопросъ о малороссійскихъ чинахъ опять сняли съ очереди.

Въ 1767 году командующему классу дали полную возможность высказать свои желанія и нужды. На этотъ разъ желанія высказаны были въ гораздо болѣе опредѣленной формѣ, чѣмъ въ предыдущихъ ходатайствахъ. Шляхетскіе наказы просятъ уже не только объ уравненіи малорусскихъ чиновъ съ великороссійскими, но и о предоставленіи всему командующему классу всѣхъ тѣхъ преимуществъ и выгодъ, какими пользовалось русское дворянство. Вмѣстѣ съ тѣмъ не менѣе опредѣленно выражается въ шляхетскихъ наказахъ и желаніе удержать за собой всѣ тѣ привилегіи и вольности, какими оно до сихъ поръ пользовалось на основаніи „правъ малороссійскихъ“. Отречься отъ этихъ правъ не согласно было даже черниговское шляхетство, а вѣдь извѣстно, что черниговцы могли написать въ своемъ наказѣ и то, чего имъ совсѣмъ не хотѣлось писать. Желаніе пользоваться привилегіями русскаго дворянства и въ тоже время

[1]) Собраніе рѣкостей, стр. 303—304.

не терять преимуществъ шляхетскаго званія усматривается почти въ каждомъ наказѣ. Глуховское шляхетство просило, чтобы „къ достиженію прославленія и въ чинахъ равенства“ его велѣли „присоединить къ россійскому дворянству и записать въ герольдію на вѣкы дворянамы“ и дозволили ему „на такомъ основаніи, какъ россійскому дворянству, гдѣ пожелаетъ, службу имѣть и пользоваться всѣми жалованными и купленными добрами“; въ то же время оно напоминаетъ о своихъ стародавнихъ правахъ и привилегіяхъ и проситъ имъ подтвержденія [1]).

Нѣжинское и Батуринское шляхетство, указывая на „сумнительство“ о породѣ малороссійскаго командующаго класса, просило „къ прекращенію таковыхъ сумнѣній и къ пресѣченію впредь простонароднымъ присваивать безъ заслугъ преимущества и выгоды, къ сему достоинству принадлежащія“, указать написать въ списокъ шляхетства всѣхъ тѣхъ, которые сами или предки ихъ въ чинахъ военныхъ и штатскихъ малороссійскихъ вѣрно предкамъ Е. В. или самымъ Е. В. служили и служатъ, и обще съ оставшимися здѣсь россійскими знатными фамиліями, такожъ съ получившими сіе достоинство отъ королей полскихъ и отъ царей всероссійскихъ, принять въ сообщество дворянъ россійскихъ, утвердивъ на вѣки имъ свободу въ покупкѣ, продажѣ, закладѣ и уступкахъ между собою недвижимыхъ имѣній, въ выходѣ въ иностраннія земли для службы, наукъ и житья тамо, въ принятіи и оставленіи военной и штатской службъ и во всѣхъ тѣхъ выгодахъ и преимуществахъ, которыми въ прочихъ просвѣщенныхъ областяхъ благородное шляхетство ползуется“. Не смотря на столь явно выраженное желаніе попасть „въ сообщество дворянъ россійскихъ“, шляхетство не думаетъ, однако, отказываться отъ тѣхъ вольностей и привилегій, которыми оно уже пользовалось „по силѣ правъ малороссійскихъ“. Это какъ нельзя лучше видно изъ перваго пункта его наказа: „предписываемъ вамъ,—поручаетъ оно своему депутату,—изъявить Е. И. В. нашу всеподданнѣйшую просьбу, чтобы мы, яко равніе къ равнимъ, свободніе къ свободнимъ и яко бывшій изъ древле истинній, главнѣйшій членъ россійскаго народа, къ первому его

[1]) Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общ. т. 68, стр. 128.

тѣлу въ сообщество единаго закона присовокуплены были, *оставляя намъ на вѣкы всѣ отмѣнныя выгоды и волности, которыми по прежнимъ правамъ и привилегіямъ мы до сего ненарушимо ползовались и ползуемся*, изобразивъ онія для вѣчнаго храненія и исполненія и въ новь сочиняемихъ законахъ, на мѣстахъ приличныхъ“ [1]). Переяславское шляхетство жалуется на пренебреженіе къ нему и на „вредительныя сумнительства“ о его породѣ, просить о составленіи шляхетскихъ списковъ и о уравненіи его съ великорусскимъ дворянствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не забываетъ напомнить и о сохраненіи за собою на вѣки „всѣхъ отмѣнныхъ волностей и выгодъ“ по прежнимъ правамъ и привилегіямъ. Въ кіевскомъ наказѣ читаемъ ту же просьбу объ уравненіи съ россійскимъ дворянствомъ и о сохраненіи за шляхетствомъ всѣхъ стародавнихъ отмѣнныхъ вольностей и выгодъ. Погорское шляхетство начинаетъ первый пунктъ своего наказа съ перечисленія шляхетскихъ правъ, а заканчиваютъ его просьбой „всѣхъ и во всякомъ чину и достоинствѣ нынѣ находячихся, въ потомство наше,... всемилостивѣйше пожаловать противъ россійскаго дворянства щытатся, а при томъ не обидными по чинамъ пожаловать классами“ [2]). Гадячское, Полтавское и Миргородское шляхетства не особенно безпокоились объ уравненіи съ великорусскимъ дворянствомъ, но за то энергично настаивали на утвержденіи своихъ „правъ, прежнихъ обыкновеній, вольностей и преимуществъ“ и просили „прежнія привилегіи и статьи Богдана Хмельницкаго, на которыхъ онъ съ народомъ малороссійскимъ приступилъ подъ державу Всероссійскую, внесть и напечатать въ генеральное уложенье ко извѣстію и непремѣнному содержанію на вѣчное время“ [3]). Прилуцкое шляхетство просило содержать его въ чести дворянской и въ тоже время хлопотало о подтвержденіи всѣхъ старинныхъ правъ и привилегій [4]), а черниговцы, желая присовокупиться, „яко равные къ равнымъ, свободніе къ свободнимъ“, къ великорусскому дворянству, все-таки настаивали на сохраненіи за ними всѣхъ отличныхъ выгодъ и воль-

[1]) Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общ., т. 68, стр. 136.
[2]) Ibid. 206.
[3]) Сб. Имп. Р. И. Общ., т. 68, стр. 217.
[4]) Ibid., стр. 224. 227.

ностей, которыми по прежнимъ правамъ и привилегіямъ они до сего ненарушимо пользовались, изобразивъ оныя для точнаго храненія и исполненія и въ новосочиняемыхъ законахъ на мѣстахъ приличныхъ [1]).

Стремленіе на всегда удержать за собою стародавнія вольности и привилегіи „по силѣ правъ малороссійскихъ“ рѣзко обнаружилось и въ засѣданіяхъ коммиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія. При обсужденіи въ коммиссіи проекта правамъ благородныхъ депутатъ Кіевскаго шляхетства Золотницкій требовалъ дополнить 43 статью проекта въ томъ смыслѣ, что малороссійское шляхетство, въ разсужденіи его мѣста, остается на прежнихъ своихъ правахъ и привилегіяхъ, но если кто изъ него будетъ въ великорусской службѣ, тотъ пользуется уже и преимуществами россійскаго дворянства [2]). Депутатъ Лубенскаго шляхетства Гр. Полетика, выслушавъ и обсудивъ проектъ правамъ благородныхъ, рѣшительно заявилъ, что онъ не можетъ согласиться на вновь сочиненныя дворянскія права, ибо они имѣютъ великія несходства и недостатки съ правами и преимуществами малороссійскаго шляхетства, и требовалъ дополнить 43 статью проекта примѣчаніемъ, что малороссійское шляхетство должно остаться при всѣхъ своихъ прежнихъ правахъ и привилегіяхъ, вольностяхъ и свободахъ [3]). Нѣсколько позже, убѣдившись, что имъ отъ коммиссіи ждать нечего, депутаты подали прошеніе царицѣ, въ которомъ уже не упоминали объ уравненіи съ россійскимъ дворянствомъ, а исключительно добивались подтвержденія старинныхъ правъ и привилегій [4]).

Шляхетскіе наказы свидѣтельствуютъ о полномъ развитіи у командующаго класса сознанія своей сословной обособленности отъ той среды, изъ которой онъ вышелъ. Кромѣ лубенскаго шляхетства, признававшаго шляхетскія права и за рядовымъ козачествомъ и не желавшаго никакихъ перегородокъ между старшиной и рядовиками [5]), весь командующій классъ выразилъ

[1]) Сб. И. Р. И. Общ. т. 68, стр. 235.

[2]) Сб. И. Р. И. О., т. 36, стр. 338.

[3]) Ibid., стр. 356.

[4]) Наказы малор. депутатамъ, изд. „Кіевск. Стар.“ стр. 177—8.

[5]) Ibid., стр. 163.

единодушное желаніе замкнуться въ отдѣльное сословіе, отгороженное отъ остального населенія высокимъ барьеромъ для устраненія „сумнительствъ“ о шляхетскомъ происхожденіи и къ „пресѣченію впредь простонароднымъ присваивать безъ заслугъ преимущества и выгоды сему достоинству принадлежащія“, шляхетство предлагало установить шляхетскіе списки [1]) и запись въ герольдію: сіе, по мнѣнію шляхетства, сходно будетъ съ договорами, постановленными съ гетманами Игнатіевимъ, Самойловичемъ и Мазепою. Само собою понятно, что на ряду съ гербованнымъ шляхетствомъ въ эти списки должны войти и всѣ козацкіе старшины [2]), которыхъ шляхетство просило пожаловать „необидными по чинамъ классами“.

Шляхетствомъ, по мнѣнію старогородцевъ, должны быть признаны: „1) которіе представять о шляхетствѣ своемъ грамоты, привилегіи и другія доказательства; 2) которимъ высочайшими грамотами пожалованы и гетманскими универсалами либо правительствующаго сената за службы войсковіе наданы деревни, мелницы, дворы и протчія угодья; 3) кои нынѣ въ чинахъ и старшинахъ за свои и предковъ своихъ войсковыя службы состоять, и коихъ предки въ чинахъ же здѣшнихъ прежде были и въ вѣрности жизнь свою окончили“. Въ нѣкоторыхъ наказахъ шляхетство намѣчало для себя и сословную организацію: оно желало организоваться въ шляхетскія общества съ предводителями во главѣ на случай, „если бы послѣдовали отъ верховной власти каковыя повелѣнія, принадлежащія до общаго дворянъ разсужденія и положенія“. Шляхетскія общества должны получить право принимать въ свою среду новыхъ членовъ или отвергать ихъ; безъ ихъ согласія никто не имѣетъ права пріобрѣсть деревню, мельницу или какое-нибудь угодье... [3]).

Желанія шляхетства касательно уравненія въ правахъ съ русскимъ дворянствомъ, записи въ герольдію, пожалованія козацкихъ старшинъ „классами“ шли на встрѣчу объединительнымъ планамъ центральнаго правительства. Семирамида Сѣвера пре-

[1]) Об. И. Р. И. Общ.. т. 68, стр. 128, 136, 148, 175, 191, 236.

[2]) Ibid. 136, 148, 175, 191, 236.

[3]) Ibid., стр. 144, 153, 238.

красно понимала, какую важную роль въ дѣлѣ объединенія могутъ играть эти „классы“ и уравненіе чиновъ и правъ, и не скупилась на уступки желаніямъ командующаго класса. Впослѣдствіи, съ учрежденіемъ малороссійской коллегіи, ея малорусскіе члены были пожалованы крупными табельными чинами. Въ 1767 году командующій классъ получилъ право выбирать себѣ предводителей точно также, какъ и великорусскіе дворяне, а въ коммиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія шляхетскіе депутаты заняли мѣсто на ряду съ русскимъ дворянствомъ. Въ томъ же году послѣдовало и другое важное распоряженіе, заслуживающее быть отмѣченнымъ, какъ шагъ по пути къ уравненію командующаго класса съ русскимъ дворянствомъ. Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 3 мая 1767 года на имя малороссійскаго генералъ-губернатора Румянцева было приказано доставить къ опредѣленію въ кадетскій корпусъ и общество благородныхъ дѣвицъ, дѣтей обоего пола изъ лучшихъ малороссійскихъ фамилій [1]). Шагъ очень замѣтный, особенно если вспомнить, что всего шесть лѣтъ назадъ, въ 1761 г., сенатъ запретилъ принимать малороссіянъ въ кадетскій корпусъ, поелику де въ Малороссіи дворянъ нѣтъ.

Выразителемъ объединительной политики Екатерины явился и главный представитель центральнаго правительства въ краѣ, гр. Румянцевъ. Онъ, какъ и государыня, очень охотно признавалъ за малорусскимъ командующимъ классомъ дворянскія права Отправляя по порученію Екатерины малорусскихъ паничей въ корпусъ, онъ не стѣснялся тѣмъ, что многіе изъ нихъ не могутъ доказать свое благородство никакими документами. „Въ прежнія времена господствовавшей здѣсь простоты,—писалъ онъ государынѣ,—когда всякаго состоянія житель искалъ имени козака, случалось и сіе, что самые генеральные старшины, оставя свои степени, становились въ войскѣ нижними начальниками, взирая на соединенныя съ тѣмъ выгоды, которыя предпочитаемы были всякой славѣ, то въ семъ общемъ смѣшеніи затмилось благородство многихъ фамилій. Выборъ изъ козаковъ во всѣ войско-

[1]) Чт. Общ. Ист. и др., 1861, кн. I, смѣсь, стр. 150—151.

вые чины подкрѣплялъ тѣмъ паче сей непорядокъ и препятствовалъ быть на сей случай когда либо лучшему разбору. Посему прародители нынѣшнимъ своимъ потомкамъ не тщились оставить доказательство своего происхожденія, не видѣвъ въ томъ никакой тогда пользы, хотя многіе изъ нихъ отъ польскаго шляхетства во время присоединенія сей земли къ Россіи и послѣ того уже подъ державу всероссійскихъ монарховъ пришли [1]). Подъ такимъ объясненіемъ охотно подписался бы любой изъ представителей командующаго класса: оно какъ нельзя болѣе отвѣчало его стремленіямъ къ уравненію „въ честяхъ и преимуществахъ" съ родовымъ дворянствомъ.

Изъ другого любопытнаго документа, „Записки о усмотрѣнныхъ въ Малой Россіи недостаткахъ, о исправленіи которыхъ въ Малороссійской Коллегіи трактовать должно", усматриваемъ, что Румянцевъ раздѣлялъ идеи шляхетства и относительно пожалованія малороссійскихъ старшинъ „классами". Онъ считалъ необходимымъ, чтобы всѣмъ „коронным служителямъ, а особливо военнымъ, опредѣлены были степени, а по тѣмъ жалованье, и въ произвожденіи въ чины, сходственно съ прочими Россійской имперіи, по заслугамъ, достоинству и старшинству, исключая земскихъ и магистратскихъ, поступаемо было" [2]). Въ то же время генералъ-губернаторъ считалъ нужнымъ произвесть и разборъ малороссійскаго шляхетства, отдѣливъ должнымъ образомъ овецъ отъ козлищъ. Козлища, какъ и въ шляхетскихъ наказахъ,—козаки и вообще люди простонародной породы. „Въ дворянское достоинство,—писалъ онъ въ той же „запискѣ",—по правамъ и установленіямъ, особливо по арт. 26 розд. 3, равнымъ образомъ и по гетманскимъ статьямъ, жаловать за знаменитыя услуги, по удостоеніямъ, оставлено единственно власти государевой, но здѣсь и самые козаки (не выключая тѣхъ, кои изъ мужиковъ, по пріобрѣтенному женитьбою или инымъ какимъ либо образомъ грунту, въ козаки выходятъ) въ семъ достоинствѣ почитаются, пользуясь въ судахъ однимъ правомъ и дво-

[1]) Чт. Общ. Ист. и др., 1861, кн. 1, смѣсь, стр. 151.

[2]) Чт. въ Общ. Нестора Лѣтоп., кн. V, отд. III, стр. 103.

рянамъ токмо свойственными преимуществами и будучи вездѣ по судамъ такъ, какъ и сами себя называя, шляхтичами. Нерѣдко же, къ сожалѣнію, оказывается, что въ Малой Россіи по временамъ и обстоятельствамъ люди простонародные перемѣняютъ себѣ названіе и присваиваютъ часто себя, по волѣ и желанію, къ знатнымъ и благороднымъ фамиліямъ,—поступокъ вездѣ индѣ не токмо недозволенный, но и непростительный". Въ виду этого, генералъ губернаторъ находилъ необходимымъ ,,разсмотрѣть и розыскать, откуда сіе злоупотребленіе взяло прямо свое начало, и потомъ разсудить, кому точно по правамъ симъ преимуществомъ пользоваться, въ чемъ оное состоитъ, кого, безъ предосужденія сей степени, по заслугамъ, тому удостоить можно и какимъ способомъ пресѣчь вышеобъявленныя самозванія"[1]).

Согласно желанію Румянцева, вопросъ о малороссійскомъ шляхетствѣ былъ трактованъ и въ Коллегіи. Мнѣніе свое по этому предмету Коллегія высказала въ наказѣ члену своему Натальину, бывшему представителемъ Коллегіи въ Коммиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія. Коллегія находила, что въ сходство правъ, въ дворянствѣ сочтены быть должны имѣющіе на то грамоты и по нынѣ сіе достоинство безъ преткновенія сохраняющіе, а достойными того, по мнѣнію Коллегіи, могутъ быть тѣ, кои заслужили отличныя государскія милости, пожалованіе деревнями и чинами генеральныхъ старшинъ и полковниковъ и тѣ, которыхъ предки въ тѣхъ и другихъ степеняхъ старшинскихъ отъ третьяго рода были; самозванія же ради разныхъ непозволительныхъ употребленій запретить, а всѣмъ прочимъ, дворянскаго достоинства не имѣющимъ, владѣльцамъ именоваться земствомъ[2]).

Возбужденный Румянцевымъ вопросъ, кто изъ малороссіянъ имѣетъ право пользоваться шляхетскими привилегіями, обсуждался и въ Коммиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія. Мнѣніе Коллегіи по этому вопросу вызвало здѣсь нѣсколько замѣчаній со стороны ,,патріота" Полетики. Соглашаясь въ

---

[1]) Чт. въ Общ. Нестора Лѣт., кн. V, отд. III, стр. 106.

[2]) Чт. Общ. Ист. и др. 1858, кн. III, отд. V, стр. 62.

принципѣ со взглядами Коллегіи, лубенскій депутатъ предлагалъ, однако, свой планъ разбора шляхетства, отличный отъ плана Коллегіи. По мнѣнію Полетики, шляхетствомъ въ Малороссіи должны быть признаны, во-первыхъ, тѣ, кто представитъ дипломъ на шляхетское званіе отъ польскихъ королей или привилегіи и крѣпости на шляхетскія свои имѣнія, а также грамоту русскихъ государей на дворянство или на недвижимыя имѣнія, которыя получены за знатныя службы въ вотчины; затѣмъ шляхетскія права должны быть признаны за выходцами изъ Польши, Литвы, Венгріи, Сербіи и Волошской земли, которые были у себя на родинѣ шляхтичами и могутъ утвердить свое шляхетство различными доказательствами; вся козацкая старшина, хотя бы она не имѣла ни грамотъ, ни дипломовъ, по мнѣнію Полетики, имѣетъ къ шляхетству неоспоренное право, ибо въ Зборовскихъ гетмана Хмельницкаго, учиненныхъ съ республикою Польскою, договорахъ, между прочимъ, заключено, чтобы помянутая старшина по мѣстамъ и повѣтамъ королевства польскаго жила яко шляхта. Затѣмъ Полетика находилъ необходимымъ допустить къ доказательству своихъ шляхетскихъ правъ всѣхъ, кто захочетъ, даже и простыхъ козаковъ: при польскомъ владѣніи въ Малороссіи было очень много шляхтичей, не имѣющихъ ни гербовъ, ни дипломовъ, да и теперь могутъ сыскаться между самыми бѣдными воинскаго чина людьми, которые родъ свой ведутъ отъ древнѣйшаго шляхетства. Всѣмъ имъ слѣдуетъ дать свободу по силѣ статутоваго права, розд. 3 арт. 10, доводить своего шляхетства представленіемъ двухъ сродственныхъ себѣ шляхтичей съ отцевской и двухъ съ материнской стороны, которые бы присягою утвердили, что ищущій шляхетства есть природный и настоящій шляхтичъ, а если сей родъ извелся, то чтобъ онъ могъ представить къ сему двухъ постороннихъ шляхтичей. „Сія справедливость,—говорилъ Лубенскій депутатъ,—тѣмъ меньше малороссійскому шляхетству отречена быть можетъ, что бывшія по земскимъ и гродскимъ судамъ шляхетскія доказательства въ воеводствахъ Кіевскомъ, Браславскомъ и Черниговскомъ во время бывшей у Поляковъ съ Хмельницкимъ войны, сожжены, что доказываетъ конституція сейма, бывшаго въ Вар-

шавѣ въ 1654 году, которая сей же самый доводъ о шляхетствѣ утверждаетъ [1]).

Разборъ шляхетства, задуманный Румянцевымъ, осуществился значительно позже, спустя почти 20 лѣтъ, а пока примѣнялись частичныя мѣры, способствующія фильтраціи благороднаго сословія и отдѣленію отъ него грубыхъ элементовъ. Мы уже видѣли, какъ неодобрительно относилось высшее краевое правительство къ участію въ земскихъ избирательныхъ собраніяхъ людей козачьей и поселянской породы, равно какъ и представителей духовенства нижняго чина. Добиться осуществленія своихъ желаній Глуховскому правительству не вполнѣ удалось, но за то его указы способствовали установленію болѣе строгихъ взглядовъ на породу и достоинство шляхетскаго сословія. Не удалось ему достигнуть сразу и уравненія малороссійскихъ урядниковъ съ табельными великороссійскими чинами, но за то удалось подготовить для этого почву путемъ частичныхъ производствъ отдѣльныхъ старшинъ въ тотъ или другой чинъ табели о рангахъ. Такія производства въ первый періодъ управленія Румянцева Малороссіей (до 1781 года) очень не рѣдки. Они незамѣтно, но вѣрно дѣлали свое дѣло къ обоюдному удовольствію какъ командующаго класса, такъ и центральнаго правительства.

Какъ смотрѣлъ на это Румянцевъ,—видно изъ письма его къ князю Вяземскому отъ 3 мая 1774 года. Здѣсь онъ доказывалъ, что пожалованіе малороссійскаго шляхетства „классами“ является не только актомъ справедливости, но и разумной политики: въ прежнее время,—объяснялъ онъ,—малороссійскіе чиновники пользовались за свою службу имѣніями, приносившими большіе доходы, и чинами, въ сей землѣ довольно почитаемыми, не имѣя надобности въ жалованьѣ; теперь они имѣній за службу уже не получаютъ, но служатъ также ревностно, а потому и награжденіе ихъ классными чинами является вполнѣ справедливымъ. Къ тому же въ послѣднее время они возъимѣли ревность о равенствѣ съ великороссійскими, а табельные чины могутъ при-

[1]) Чт. Общ. Ист. и др. 1858 г., кн. III, отд. V, стр. 91—92.

вязать ихъ къ Россіи и возбудить патріотизмъ къ общему отечеству [1]). А какъ смотрѣло на табельные чины само малороссійское шляхетство,—явствуетъ хотя бы изъ дневника С. И. Лашкевича. Этотъ богачъ, предводитель и важный по своей округѣ панъ, долго и усердно хлопочетъ о полученіи „россійскаго чина", предпринимаетъ даже спеціально съ этою цѣлью дорогую и трудную поѣздку въ Москву, настойчиво пробуетъ всѣ „Каналы" и, наконецъ, при назначеніи въ 1781 году на должность предсѣдателя Новгородъ-Сѣверскаго верхняго земскаго суда, добивается желаемаго и становится надворнымъ совѣтникомъ [2]).

Объединительная политика „малороссійскаго шефа" успѣшно дѣлала свое дѣло. Къ восьмидесятымъ годамъ прошлаго столѣтія мѣстный командующій классъ былъ уже достаточно подготовленъ къ превращенію въ благородное россійское дворянство. А когда правительство предоставило наконецъ ему всѣ преимущества дворянскаго званія, а само дворянство подняло на высоту привилегій командующаго класса, противиться превращенію не было уже никакихъ разумныхъ основаній.

Для малорусскаго командующаго класса наступилъ теперь послѣдній фазисъ его сословной эволюціи.

Д. Миллеръ.

(Продолженіе будетъ).

---

[1]) Книга о дворянахъ и старыхъ малороссійскихъ чинахъ, (рукописный сборникъ, принадлежащій библіотекѣ Харьковскаго университета), листъ 189.

[2]) „Кіевская Старина, 1887, № 12, стр. 701.

ПЕРЕДЪ БУРЕЙ.[1]

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ХМЕЛЬНИЩИНЫ.

I.

Безбрежная, дикая степь мертва и пустынна; укрылась она бѣлымъ саваномъ и раскинулась бѣлою скатертью кругомъ, во всю ширь глаза; снѣжный пологъ то мелкою рябью лежитъ, то вздымается въ иныхъ мѣстахъ небольшими сугробами, словно застывшими волнами въ разыгравшуюся погоду. Кое-гдѣ, на близкомъ разстояніи, торчатъ изъ-подъ снѣга засохшіе стебли „холодка“, „будяковъ“, „мышія“ или вырѣзываются волнистыя бахромки полегшей „тырсы“ и „ковыля“; между ними мелькаютъ вблизи легкіе отпечатки различныхъ звѣриныхъ слѣдовъ. А тамъ дальше, до конца края, однообразно и тоскливо бѣло. Сѣрое, свинцовое небо, кажется отъ этого мрачнымъ, а конецъ горизонта еще больше темнѣетъ, рѣзко выдѣляя снѣжный рубежъ. Ни пути, ни тропы, ни звука! Только вольный вѣтеръ свободно гуляетъ себѣ по вольной, незаполоненной еще рукою человѣка степи, да разыгрывается иногда въ буйную удаль — метель.

Ничтоженъ кажется человѣкъ среди этой безпредѣльной, нелюдимой пустыни! Чернѣющая, невѣдомая даль щемитъ ему сердце тоскою, низкое небо давитъ тяжелымъ шатромъ, а срывающіеся вздохи уснувшей на время метели леденятъ и морозятъ надежду; но на широкомъ лонѣ этой раздольной въ розмахѣ степи-пустыни воспитался и дерзкій въ отвагѣ сынъ ея — запорожскій козакъ; вольный, какъ вѣтеръ, необузданный, какъ буранъ, безстрашный, какъ туръ, онъ мчится по этому безбрежному — то бѣлому, то зеленому — морю, и любо ему перевѣдаться своею „выкованною“ силой и съ лютымъ

[1]) Этотъ романъ М. Старицкаго былъ напечатанъ въ газетѣ „Московскій Листокъ“, подъ заглавіемъ „Богданъ Хмельницкій“; теперь же онъ совершенно переработанъ и дополненъ для журнала М. П. Старицкимъ и Л. М. Старицкой.

звѣремъ, и съ татариномъ, и со всякимъ врагомъ его волюшки; ничто ему не страшно: ни желѣзо, ни вьюга, ни буря, ни самая смерть, а страшна ему лишь неволя, и ей то онъ не отдастся во вѣки живымъ; не поймать его, какъ буйнаго вѣтра въ степи, и не сковать его, какъ бурнаго моря...

По этой дикой пустынѣ, поздней осенью 1638 года ѣхало два всадника. Одинъ изъ нихъ, рослый и статный, широкій въ плечахъ, съ сильно развитою и выпуклою грудью, былъ одѣтъ въ штофный темно-малиноваго цвѣта жупанъ, плотно застегнутый серебряными „гудзиками“ и широко опоясанный шелковымъ поясомъ, за которымъ съ двухъ сторонъ торчало по богатому турецкому пистолету. Сверхъ жупана надѣтъ былъ на немъ кунтушъ, подбитый чернымъ барашкомъ и покрытый темно-зеленымъ фряжскимъ сукномъ. Широкіе, какъ море, синіе штаны лежали пышными складками и были вдѣты въ голенища сафьянныхъ сапогъ, съ серебряными каблуками и „острогами“. У лѣваго бока висѣла кривая въ кожаныхъ ножнахъ сабля. Сверхъ всей одежи у козака была на „опашъ“ накинута изъ толстой баи бурка-керея съ красиво расшитою „видлогою“, а на голову была надѣта высокая шапка изъ чернаго смушка съ краснымъ висячимъ верхомъ, украшеннымъ золотою кистью. Лицо у козака было мужественно и красиво: высокій, благородно изваянный лобъ выдѣлялся, отъ синѣющихъ на подбритыхъ вискахъ тѣней, еще рельефнѣе своею выпуклостью и бѣлизной; рѣзкими дугами лежали на немъ темныя брови, поднимаясь у переносья чуть-чуть вверхъ и придавая выраженію лица какую-то непреклонную силу; умные, каріе, узко прорѣзанные глаза горѣли мѣняющимся огнемъ, сверкая то дивною удалью, то злобой, то теплясь вкрадчивой лаской; нѣсколько длинный, съ едва замѣтною горбинкой носъ изобличалъ примѣсь восточной крови, а рѣзко очерченныя губы, подъ опущенными внизъ небольшими черными усами, играли шляхетскою нѣгой. Сквозь смуглый тонъ гладко выбритыхъ щекъ пробивался густой, мужественный румянецъ и давалъ козаку на видъ не болѣе 35—37 лѣтъ. Подъ всадникомъ выступалъ крупный, породистый аргамакъ, весь серебристо-бѣлый, лишь съ черною галкой на лбу.

Нѣсколько дальше за нимъ ѣхалъ другой путникъ на крѣпкомъ рыжемъ конѣ „бахематѣ“; съ могучей шеи его спадала почти до колѣнъ густая, волнистая грива; толстыя ширококопытныя ноги были опушены волохатою шерстью. На широкой спинѣ этого „румака“ сидѣлъ въ простомъ козачьемъ сѣдлѣ еще совсѣмъ молодой хлопецъ, лѣтъ 16—18 не больше. Одѣтъ онъ былъ сверхъ простого жупана въ „бай-баракъ“, покрытый синимъ сукномъ и отороченный сѣрымъ барашкомъ, подпоясанъ былъ кожанымъ ремнемъ,

а на головѣ у него надѣта была „сивая“ шапка. У молодого всадника, слѣва на поясѣ, висѣла тоже кривая сабля, а за спиною болтался въ чехлѣ длинный мушкетъ. Съ перваго же взгляда можно было хлопца признать за татарчонка. Смуглый цвѣтъ лица, вороньяго крыла вьющійся кольцами волосъ, узко прорѣзанные глаза и широкія скулы... но въ прямомъ, какъ струна, носѣ и тонкихъ губахъ была видна примѣсь украинской крови.

Начинало темнѣть. Вѣтеръ усиливался и срывалъ снизу снѣжную пыль, заволакивая темную даль бѣлесоватымъ туманомъ. Вдали поднялись тучею черныя точки и долетѣлъ отзвукъ далекаго карканья.

— Должно быть, батьку, жилье тамъ,—отозвался нѣсколько дрожащимъ голосомъ хлопецъ,—ишь, какъ „гайворонье“ играетъ.

— Надъ падалью или надъ трупомъ—строго взглянулъ въ указанную сторону козакъ,—а то, вѣрнѣе еще, на погоду: чуютъ „заверюху“.

— Куда же мы отъ нея укроемся?—робко спросилъ хлопецъ, оглядывая безнадежно темнѣющую, мертвую даль.

— А ты уже и струсилъ?—укорилъ старшій.—Эхъ, а еще козакомъ хочешь быть!

— Я, батько, не боюсь,—обидѣлся хлопецъ и молодцевато привсталъ на сѣдлѣ.—Развѣ подъ Старицею не скакалъ я рядомъ съ тобою, развѣ не перебилъ этою саблей вражье копье, что гусаринъ было направилъ въ кошевого, пана атамана Гуню?

— Вѣрно, вѣрно, мой сынку, прости на словѣ; ты уже познакомился съ боевою славой, попробовалъ этой хмѣльной браги и не ударилъ лицомъ въ грязь,—улыбнулся козакъ, и глаза его засвѣтились лаской.

— А чего мнѣ съ вельможнымъ паномъ страшиться? Вѣдь переправилъ же подъ Бужинымъ въ душегубкѣ на тотъ бокъ Днѣпра? И чорта пухлаго не испугаюсь, не то что! А за батька Богдана вотъ хоть сейчасъ готовъ всякому вырвать глаза!

— Спасибо тебѣ, „джуро“ мой вѣрный,—я знаю, что ты меня любишь, и тебѣ я вѣрю, какъ сыну.

— Да какъ же мнѣ и не любить тебя, батьку? Отъ смерти спасъ... свѣта далъ... пригрѣлъ, словно сына... Хоть и татарчукомъ меня дразнятъ, а татарчукъ за это и живымъ ляжетъ въ могилу.

— Что дразнятъ? Начхай на то! Развѣ у тебя не такая душа, какъ у всѣхъ насъ, грѣшныхъ? И мать у тебя наша, украинка, изъ Крапивной; я сестру ея старшую, твою тетку, Катерину, зналъ... Славная была козачка,—земля надъ нею пером,—не да-

лась живой въ руки татарину. Да и ты уже крещенъ Алексіемъ, только вотъ я все по старому величаю тебя Ахметкой.

— Ахметка лучше, а то я на Алексія и откликаться не сталъ бы,—весело засмѣялся „джура".

Лошади пошли шагомъ; козакъ Богданъ, какъ называлъ его хлопецъ, о чемъ-то задумался и низко опустилъ на грудь голову, а у молодого хлопца отъ похвалы и теплаго слова батька заискрились радостью очи и заиграла юная кровь.

— А у меня таки, признаться, батьку, ушла было тогда въ пятки душа, впервые вѣдь вотъ что:—началъ снова весело „джура", почтительно осаживая коня.—Какъ спустились мы по буераку къ Старицѣ рѣчкѣ, а за дымомъ ничего и не видно, только грохочетъ громъ отъ „гарматъ", ажъ земля дрожитъ, да раздаются вблизи гдѣ-то крики: „бей хлоповъ!" У меня, какъ будто мурашки побѣжали за шкурой, и холодъ приподнялъ чуприну .. А когда батько гукнулъ „на погибель ляхамъ", и кони наши, какъ бѣшенные, рванулись вихремъ впередъ, такъ куда у меня и страхъ дѣвался—въ ушахъ зазвенѣло, въ глазахъ пошли красные круги, а въ головѣ заходилъ чадъ... и я уже не чуялъ ясно, гдѣ я и что я, а только махалъ отчаянно саблей... Передо мной, какъ въ дыму, носились рейстровики и запорожцы, паны отоманы, Бурлій, Пешта... мелькали цѣлыя полчища латниковъ и драгунъ, какой-то хмѣльной разгулъ захватывалъ духъ и заставлялъ биться отвагою сердце!...

— Молодецъ юнакъ!—одобрительно улыбнулся козакъ и, осадивъ коня, потрепалъ по плечу своего „джуру",—будетъ съ тебя „лыцарь"... душа то у тебя козачья, много удали, только бы поучиться еще, да на Запорожьѣ побыть.

— Эхъ, кабы!—вздохнулъ хлопецъ и потомъ серьезно спросилъ:—Батьку Богдане, а чего мы помогли тогда нашимъ, а потомъ и оставили ихъ? Вѣдь, сказывали, что на нихъ шелъ еще князь Ярема?

— Все будешь знать, скоро состарѣешься,—буркнулъ подъ посъ козакъ, поправивъ рукою заиндивѣвшіе усы,—мы и такъ тамъ очутилились случайно, „ненарокомъ", не зная, что и къ чему,—сверкнулъ онъ пытливымъ взглядомъ на хлопца.

— Какъ не знали?— наивно изумился тотъ,—да помнишь-же, батько, какъ въ шинкѣ ты подбилъ запорожцевъ на „герцъ", чтобы помогли нашимъ? И не диво ль? Просто ажъ смѣхъ беретъ,—восторгался при воспоминаніи „джура",—всего на всего десять человѣкъ, а какъ гикнули, да бросились съ боку въ дыму, смѣшали къ черту лядскую конницу, а наши пиками пугнули ее... Кабы не ты, батько,

то кто его знаетъ, лядская сила больше была, одолѣла бы, а ты вотъ помогъ...

— Слушай, Ахметка!—ласковымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и внушительнымъ тономъ осадилъ Богданъ хлопца,—объ этомъ, объ нашемъ „герцѣ“, нужно молчать и никому, понимаешь, никому не признаваться: насъ не было тамъ сроду и баста!—уже повелительно закончилъ Богданъ.

Хлопецъ взглянулъ, недоумѣвая, на батька и прикусилъ языкъ.

— А что мы выѣхали изъ дому и плутаемъ по степи, такъ то по коронной потребѣ—понимаешь?—внушительно подчеркнулъ Богданъ.

— Добре, а куда же мы ѣдемъ, чтобъ знать?—тихимъ, почтительнымъ голосомъ, спросилъ „джура“,—послѣ рѣчки Орели третій день ни жилья, ни дубравы, а только голая, клятая степь...

— Увидишь, а степи не гудь: теперь-то она скучна, вѣрно, а вотъ поѣдешь лѣтомъ, не нарадуешься: море моремъ, такъ и играетъ зелеными волнами, а вездѣ-то—стрекотаніе, пѣніе и жизнь: косули, куропатки, стрепета и всякая дичь просто кишмя кишатъ... А духъ, а роскошь, а воля! Эхъ, посмотришь, распахнешь грудь, да такъ и понесешься на встрѣчу буйному вѣтру, либо татарину... И конца, краю той степи нѣтъ, тѣмъ-то она и люба, и пышна.

Между тѣмъ въ воздухѣ уже слышались тяжелые вздохи пустыни; вѣтеръ крѣпчалъ и, перемѣнивъ направленіе, сдѣлался рѣзкимъ. На всадниковъ слѣва понеслись съ силою мелкіе, блестящіе кристаллики и словно иглами начали жечь имъ лица.

— Эге-ге!—замѣтилъ старшій козакъ, потерши поблѣднѣвшую щеку,—никакъ поднялся „москаль“ (сѣверный вѣтеръ), этотъ заваритъ кашу и надѣлаетъ бѣдъ! И что за напасть! Отродясь не слыхивалъ, чтобъ въ такую раннюю пору да ложилась зима, да еще гдѣ? Эхъ, не къ добру! Стой ка, хлопче!—пересунулъ онъ шапку и остановилъ коня,—осмотрѣться нужно и сообразить.

Прикрывъ ладонью глаза, осмотрѣлъ онъ зорко окрестность; картина не измѣнилась, только лишь даль потемнѣла, да ниже насунулось мрачное небо.

Онъ нагнулся потомъ къ снѣжному пологу и началъ внимательно разсматривать стебли бурьяна и другихъ злаковъ, разгребая для этого руками и саблею снѣгъ.

— Ага!—замѣтилъ онъ радостно послѣ долгихъ поисковъ:—вотъ и „катранъ“ уже попадается: стало быть, недалеко или балка съ водою, или „гаекъ“, а то и Самара, наша любая рѣчка. Не журись, хлопче!—закончилъ онъ весело, отряхивая снѣгъ.

Кони тихо стояли и, опустивъ головы, глотали снѣгъ да вздрагивали всею шкурой.

— Постой-ка! Нужно еще слѣды разсмотрѣть,—прошелъ нѣсколько дальше Богданъ и смелъ своею шапкой верхній, недавно припавшій снѣжокъ.—Такъ, такъ, всѣ туда пошли, гдѣ и гайворонье: значитъ, тамъ для нихъ лазъ,—тамъ и спрятъ, значитъ, туда и примовать,—порѣшилъ козакъ и вернулся къ „джурѣ".

— Ну, вотъ что, хлопче!—обратился онъ къ нему,—достань-ка фляжку, отогрѣть нужно козацкую душу, да и коней подбродить,—промерзли; намъ вѣдь до полныхъ сумерокъ нужно быть тамъ, гдѣ каркаетъ проклятое воронье.

Хлопецъ досталъ солидную фляжку и серебряный „штучный" стаканъ; но козакъ взялъ только фляжку, замѣтивъ, что душа мѣру знаетъ.

Отпивъ изъ фляги съ добрый ковшъ „оковитой" горилки, Богданъ добросовѣстно крякнулъ, отеръ рукавомъ кунтуша усы, приказалъ джурѣ выпить тоже хотя бы стаканъ.

— Не много ли, батьку?—усумнился было хлопецъ, мѣряя глазами посудину.

— Пустое. Подъ заверюху еще мало,—успокоилъ его Богданъ—нужно же запастись топливомъ. А теперь вотъ передай сюда фляжку, нужно и коней подбодрить хоть немного. Охляли и промерзли добряче. Да вотъ еще что, достань-ка изъ „саквовъ" краюху хлѣба да сало; побалуемъ свою душу, да и въ путь!

Хлѣбъ и сало были поданы, и Богданъ, раздѣливъ послѣднее поровну между собою и хлопцемъ, отрѣзалъ для обоихъ по доброму куску хлѣба, а остальную краюху разломилъ пополамъ.

Онъ налилъ потомъ стаканъ водки и, задорно присвистнувъ, крикнулъ: Бѣлашъ!

Благородное животное вздрогнуло, весело заржало и, подбѣжавъ къ козаку, вытянуло голову и мягкія губы.

— Горилки хочешь? Что-жь, и слѣдъ: заслужилъ!—ласково потрепалъ онъ лѣвою рукой коня по шеѣ, а потомъ, взявши за удила, раскрылъ ему ротъ; хотя животное и мотало немного головой, но тѣмъ не менѣе проглотило стаканъ водки и начало весело фыркать, да бить копытомъ снѣгъ. Давши такую же порцію и другому коню, Бахмету, Богданъ намочилъ водкою полу своей бурки и протеръ ею обоимъ конямъ и ноздри, и морды, и спины, а потомъ уже далъ каждому по краюхѣ хлѣба.

— Ну, поджившись, хлопче,—бодро поправилъ поясъ и заломилъ шапку Богданъ,—а теперь закурить нужно „люльку", чтобъ дома не „журились".

Отвязалъ онъ отъ пояса богато расшитый кисетъ, набилъ маленькую трубочку и, пустивъ клубъ дыма, поставилъ ногу въ широкое стремя.

— А ну, хлопче, въ сѣдло и гайда въ перегонку съ вѣромъ!

Козаки сѣли на коней, пригнулись къ лукамъ своихъ сѣделъ, гикнули и понеслись въ мрачную даль, сверля ее по безграничной снѣжной равнинѣ; слышался среди сближающихся завываній только тяжелый храпъ лошадей, да мѣрный хрустъ ломавшагося подъ копытами снѣга.

Вѣтеръ, усиливающійся ежеминутно, дулъ имъ теперь уже въ спину; впереди и по бокамъ лихихъ всадниковъ, опережая, неслись вихри снѣжной крутящейся пыли; мелькавшіе сугробы сливались въ неопредѣленную муть, даль покрывалась тьмою, а вѣтеръ крѣпчалъ и крѣпчалъ.

Какъ ни были неутомимы кони козачьи, но есть и предѣлъ для напряженія силы. Метель съ каждымъ мгновеніемъ свирѣпѣла сильнѣй и сильнѣй, глубокіе пласты рыхлаго снѣгу ложились съ неимовѣрною быстротой одинъ на другой, образовывая цѣлыя горы наносовъ, по которымъ уже невозможно было бѣжать измученнымъ конямъ; они брели въ нихъ по колѣни, проваливались въ иныхъ мѣстахъ и по брюхо; бока у нихъ тяжело ходили, дымясь, ноги дрожали.

— Нѣтъ, баста,—крикнулъ Богданъ и слѣзъ съ своего Бѣлаша,—не пересилишь, пусть хоть вздохнутъ, да и мы, кажись, не туда, куда слѣдуетъ, ѣдемъ. Вѣтеръ дулъ, вѣдь, сначала въ затылокъ, а теперь въ правую щеку, или онъ, бѣсовъ сынъ, водитъ, или мы сбились.

— Ничего не видно,—послышался дрожащій голосъ хлопца,—бьетъ и въ глаза, и въ ротъ, дышать не даетъ; я рукъ и ногъ уже не чую.

— Пройтиться нужно,—подбодрялъ хлопца козакъ,—ты не плошай, не поддавайся, а то эта клятая вьюга „заразъ“ сцапаетъ, вѣдь она, что вѣдьма съ Лысой горы...

И козаки, держа за узды коней и перекликаясь, побрели по снѣгамъ.

— Не журись, не печалься, хлопче, скоро будетъ и балка,—покрикивалъ громко Богданъ,—а въ каждой балкѣ уже не безъ лозы и не безъ вербы... а подъ ними во вьюгу чудесно, тепло, да уютно и „люльку“ даже закурить будетъ можно...

Но „джура“ не могъ уже двигаться.

— Не могу больше идти,—схватилъ онъ за полу Богдана,—силъ нѣтъ, ноги подкашиваются, лечь хочется, отдохнуть...

— Что ты, дурень?—удержалъ его за руку Богданъ,—околѣешь такъ; вотъ лучше что,—остановился онъ, тяжело дыша и обирая рукою съ усовъ цѣлыя горсти снѣга,—правда, что дальше идти какъ будто и не подъ силу; разозлилась здорово степь, вѣрно за то, что позволяемъ топтать ее татарамъ да „бузувѣрамъ“,—не хочетъ насъ защитить, такъ сдѣлаемъ мы себѣ сами „халабуду“ козачью, пересидимъ въ ней погоду—вотъ кстати и маленькая балочка,—побрелъ онъ по небольшому уклону въ сугробы и остановился у занесенныхъ кустовъ, затѣмъ притянулъ къ себѣ поникшую голову Бѣлаша, обнялъ ее и поцѣловалъ въ заиндивѣвшую щеку:

— Ну, товарищъ мой вѣрный, сослужи-ка мнѣ службу!

Онъ распустилъ подпруги своему Бѣлашу и Бахмету, такъ какъ хлопецъ окоченѣвшими руками ничего не могъ уже сдѣлать, ударилъ широкою ладонью коней по спинамъ и какъ-то особо присвистнулъ; привычные и послушные козачьи друзья сразу согнули колѣни и улеглись мордами внутрь. Богданъ снялъ съ себя широчайшую бурку, укрылъ ею животныхъ, немного приподнявъ по срединѣ и тѣмъ образовавъ небольшой импровизированный шатерчикъ. Снѣгъ сразу же набилъ съ тылу высокій бугоръ, подъ которымъ у лошадиныхъ брюхъ и улеглись наши путники.

Въ закрытой отъ вѣтра и непогоды снѣжной берлогѣ, обогрѣтой еще дыханіемъ, путникамъ нашимъ стало сразу тепло. Морозъ впрочемъ и въ степи былъ не великъ; но рѣзкій сѣверный вѣтеръ пронизывалъ тамъ насквозь, билъ цѣлыми тучами жгучихъ иглъ, обледенялъ лице, руки и насыпалъ за шею морозную пыль: здѣсь-же, напротивъ, было затишье, и дыру наполнялъ теплый паръ; только за сугробомъ слышались дикія, визгливыя завыванія разгулявшейся метели.

— Ты только не дремай, хлопче,—дергалъ джуру Богданъ,—вотъ хлебни еще „оковитой“, согрѣешься... да знай двигай и руками и ногами—не то окоченѣютъ.

— Тутъ, батьку, тепло,—укладывался кределемъ хлопецъ,—только вотъ руки „подубли“.

— Ты ихъ за пазуху... а на тепло не очень-то обезпечайся: обманчиво, одуритъ; а вотъ хлебни лучше,—протянулъ онъ ему фляжку,— сразу дрожь пройдетъ, только не спи!

Выпили „оковитой“ и батько, и джура; побѣжала она по жиламъ теплой струй и размягчила коченѣвшіе члены.

Кони тожо почувствовали себя недурно: перестали судорожно вздрагивать и, принявъ удобныя позы, похрапывали отъ удовольствія.

— Не спи-же, не спи! дергалъ за плечо Ахметку Богданъ:—да дай сюда руки! И онъ принялся тереть до боли до криковъ

пальцы хлопца.—Вотъ это и „гораздъ“, что кричишь... это разчудесно!—усердствовалъ Богданъ,—а ноги вотъ сюда подложи, подъ брюхо коню, вотъ такъ... да обвернись хорошо буркой, а я еще приналягу „сбоку“.

— Хорошо, хорошо... шепталъ Ахметка, потягиваясь и чувствуя, какъ сладкая истома обвивала все его тѣло.

Долго еще подталкивалъ Богданъ локтемъ хлопца, прижимаясь къ нему; но потомъ и его руку начала сковывать лѣнь: усталость брала свое... вѣки тяжелѣли... мысли путались... Сквозь черную тьму мерцало какое-то мутное пятно, то расширяясь кругами до громаднаго щита, то съуживаясь до точки. Что это? Мерещится ему или въ явь? Нѣтъ, онъ ясно видитъ цѣлую анфиладу роскошныхъ залъ, съ литыми изъ серебра сводами, со стѣнами, разубранными въ глазетъ и парчу, съ сотнями тысячъ сверкающихъ каменьевъ, съ зеркальными полами, отражающими въ себѣ сказочное великолѣпіе... Это должно быть палацъ канцлера—мелькаетъ въ головѣ Богдана,—и онъ осторожно идетъ по этому стекляному льду и любуется своимъ изображеніемъ. Вонъ онъ, опрокинутый внизъ, статный, молодой, полный расцвѣтающихъ силъ, словно собрался подъ вѣнецъ! Только нѣтъ, улыбнулся онъ, и изображеніе ему ласково подмигнуло: теперь онъ красивѣе, пышнѣе, нарядней: бархатъ, парча, златоглавъ, перья, самоцвѣты, а съ плечъ спускается не то мантія, не то саванъ. За нимъ такая блестящая свита... Богданъ оглянулся; но пышные покои были пусты, и только его королевская фигура отражалась въ боковыхъ зеркалахъ.

Дивится онъ и не понимаетъ, что съ нимъ? И жутко ему стоять одиноко въ этомъ волшебномъ дворцѣ и какое-то сладкое чувство подступаетъ трепетомъ къ сердцу. Изъ дальнихъ залъ доносятся звуки чарующей музыки,—плачутъ скрипки, жемчугами переливаются флейты. Богданъ идетъ на эти звуки... Прозрачныя тѣни плывутъ тихо за нимъ...

Вотъ и конецъ залы, рядъ мраморныхъ блестящихъ колонъ, а за ними волнуется, черная бархатная съ серебряными крестами занавѣсь. Прислушивается онъ—музыка уже не музыка, а какой-то заунывный стонъ, безконечные переливы дикихъ рыданій...

Богданъ невольно задрожалъ и повернулся, чтобы уйти, убѣжать назадъ; но вмѣсто сверкающей огнями залы, за нимъ лежалъ теперь гробовой мракъ, а ноги словно приросли къ полу.—Нѣтъ, ты не уйдешь „лайдакъ!“—кричитъ откуда-то рѣзкій пронзительный голосъ:—попался, „пся кревъ“, въ мои лапы!

Богданъ догадывается, кому принадлежитъ этотъ голосъ, и его охватываетъ леденящій ужасъ.

Вдругъ занавѣсь заколыхалась и взвилась: передъ Богданомъ открылась мрачная комната съ тяжелыми сводами; красноватый свѣтъ падалъ откуда-то сверху и ярко освѣщалъ высокое возвышеніе, на которомъ сидѣли „ясноосвѣщонные“ сенаторы; посреди ихъ возсѣдало какое-то ужасное чудовище. Богданъ взглянулъ и задрожалъ съ ногъ до головы: онъ узналъ его!

Сморщенное, изношенное лицо чудовища было зелено, глаза горѣли, какъ карбункулы, во рту двигался раздвоенный языкъ. Богданъ догадался, что это должна быть „посольская изба“...

— Куда ты, песъ, ѣздилъ, а?—уставилось въ него глазами чудовище; кровавыя искры отдѣлились отъ нихъ и впились въ его сердце: —отвѣчай, бестія!

Обида глубоко уязвила Богдана. Онъ порывается обнажить саблю, но рука виситъ неподвижно, какъ плеть; онъ хочетъ бросить въ глаза чудищу дерзкое слово, но языкъ его потерялъ гибкость, одеревенѣлъ и произноситъ оборваннымъ, глухимъ голосомъ лишь слово—Кодакъ! Кодакъ! Кодакъ! Хохочетъ чудовище и сенаторы, закаменѣвшіе на своихъ мѣстахъ, тоже хохочутъ, не вздрогнувши ни однимъ мускуломъ; но нѣтъ, это не хохотъ... это какіе-то дикіе, клокочущіе звуки.

— Какъ-же ты, шельма,—кричитъ чудовище,—ѣхалъ въ Кодакъ, а попалъ назадъ къ Старицѣ, къ этимъ бунтарямъ?!

Богданъ чувствуетъ, что подъ нимъ шатается земля; но собравъ всѣ усилія, еще надменно спрашиваетъ:—кто-же меня тамъ видѣлъ?

— Позвать!—взвизгнуло чудовище. Страшный визгъ его голоса ударилъ плетью въ уши Богдана и помутилъ мозгъ.

Отворилась потайная дверь и глянула на всѣхъ чернымъ зѣвомъ; послышалось бряцанье цѣпей, и изъ мрачной дыры, вслѣдъ за повѣявшимъ оттуда промозглымъ холодомъ, начали появляться блѣдныя изможденныя фигуры, забрызганныя кровью, съ отрубленными руками, съ выколотыми глазами, съ висячими вокругъ шеи кровавыми ремнями... Попарно выходили эти ужасныя тѣни и становились вокругъ Богдана. И диво! Здѣсь стояли не только его друзья: Гуня, Остряница, Филоненко, Богунъ, Кривоносъ, но и давно сошедшіе въ могилу страдальцы: Наливайко, Косинскій, Тарасъ.

— А ну, отрекись! —зашипѣло раздвоеннымъ языкомъ позеленѣвшее еще больше чудовище:—друзья это твои, или нѣтъ?

Какое-то новое жгучее чувство вспыхнуло въ груди Богдана: въ немъ была и страшная ненависть къ засѣдавшимъ этимъ врагамъ, и безконечная жалость къ страдальцамъ, и отчаянная рѣшимость.

— Да, это мои друзья, мои братья,—произнесъ онъ громко и окинулъ вызывающимъ взглядомъ засѣдающихъ гадинъ.

— Досконально!—потерло съ змѣинымъ шипѣньемъ руки чудовище,—на колъ его!

— На колъ!—отозвались глухо сенаторы.

— Что жъ, хоть и на колъ!—выступилъ Богданъ дерзко впередъ:—всѣхъ не пересадишь! А за каждымъ изъ насъ встанутъ десятки, тысячи, и польется тогда рѣкой ваша шляхетская кровь! Вы пришли къ намъ, какъ разбойники, ограбили людъ, забрали вольный край и истребить желаете наше племя... но жертвы не падаютъ даромъ:—за ними идетъ возмездіе!

— На колъ! На пали!—неистово закричало и забрызгало пѣной чудовище, топая ногами.

— На колъ! На пали!—зарычали сенаторы.

Вдругъ среди поднявшагося гама раздался чей-то мелодическій голосъ:—на Бога! На святую Матерь!

Всѣ оглянулись.

Въ темной нишѣ направо стояло какое-то дивное граціознѣйшее созданіе. Ожила ли это высѣченная изъ нѣжнаго мрамора статуя, слетѣлъ ли въ этотъ вертепъ свѣтозарный ангелъ небесный,—Богданъ не могъ понять: онъ сознавалъ только одно, что такой красоты, такой обаятельной прелести не видѣлъ никогда и не увидитъ во вѣки.

Блѣдное личико ея было обрамлено волнистыми пепельными волосами; тонкія, темныя брови лежали изящной дугой на нѣжноматовомъ лбу; изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ смотрѣли большія, синія очи. Черты лица дышали такой художественной чистотой линій, такимъ совершенствомъ, какое врѣзывается сразу даже въ грубое сердце и не изглаживается до смерти.

Неизъяснимо-сладкое чувство наполнило грудь Богдана, сжало упоительнымъ трепетомъ сердце и смирило пылавшую ярость.

— На колъ! и ее на колъ!—бросилось чудовище къ паннѣ.

— Ай!—вскрикнула она и протянула руки къ Богдану.

— За мною, братья! Бей ихъ, изверговъ!—гаркнулъ онъ страшнымъ голосомъ и бросился съ саблей на чудовище.

Сорвали мертвецы съ себя цѣпи и кинулись, скрежеща зубами, вслѣдъ за Богданомъ.

Все закружилось въ борьбѣ. Брызнула горячая кровь и наполнила весь покой липкими лужами... Раздалось дикое ржаніе, вотъ оно перешло въ страшные удары грома: засверкали молніи, упали разбитыя окна, и сквозь черныя отверстія ворвался холодный леденящій вѣтеръ. Пошатнулись стены палаца и со страш-

ной тяжестью упали на голову плавающаго въ крови Богдана. Онъ вскрикнулъ предсмертнымъ, отчаяннымъ крикомъ и... проснулся.

Богданъ дѣйствительно чувствовалъ въ головѣ боль и не могъ подвинуть рукой, чтобы ощупать болѣвшее мѣсто; ноги тоже не слушались его и лежали какими-то деревяшками; самочувствіе и сознаніе медленно возвращались.

Неподвижно лежа, замѣтилъ только онъ, что чрезъ протаявшее отъ дыханія отверстіе проглядывало уже блѣдное небо, и вся ихъ берлога свѣтилась нѣжнымъ, голубовато-фіолетовымъ тономъ... Бѣлашъ, поднявши голову, силился привстать на переднія ноги и нетерпѣливо ржалъ; Бахметъ протягивалъ къ нему заиндивѣвшія, толстыя губы...

Богданъ скользилъ по спинѣ этихъ знакомыхъ фигуръ соннымъ взглядомъ, не отдавая еще себѣ отчета: и образы, и впечатлѣнія сна переплелись у него въ какія-то смутныя арабески, въ которыхъ дремлющее сознаніе разобраться еще не могло: то рисовался ему прозрачными, волнующимися линіями чудный, улетающій образъ, то проносилось тѣнью блѣднѣвшее уже воспоминаніе о чудовощномъ судѣ и о неклѣ... наконецъ, брошенный взглядъ на Ахметку заставилъ очнуться Богдана. Онъ сдѣлалъ неимовѣрное усиліе и приподнялся, присѣлъ, а потомъ началъ двигать энергичнѣй и чаще руками: оказалось, что они только окоченѣли, а не отмерзли.

Богданъ бросился къ Амхеткѣ и началъ тормошить его; послѣдній, защищенный еще лучше отъ холода, только потягивался и улыбался сквозь дрему.

— Вставай, вставай, хлопче!—трясъ Богданъ его за плечо...

— А что, батьку?—открылъ широко „джура“ глаза и присѣлъ торопливо.

— Ну, живъ, здоровъ?—осматривалъ его тревожно Богданъ.

— А что мнѣ, батьку? Выспался всласть...

— А ну-ка, задвигай руками и ногами...

— Ничего... дѣйствуютъ!—вскочилъ онъ и сдѣлалъ нѣсколько энергичныхъ пируэтовъ.

Нѣжный потолокъ шалаша разлетѣлся и обдалъ обоихъ путниковъ сыпучимъ снѣгомъ.

— Да ну тебя... годи! И безъ того продрогли, а онъ еще за шею насыпалъ добра... Ну, молодцы мы съ тобой, Ахметка,— ударилъ онъ его ласково по плечу,—ловко пересидѣли ночь, да еще какую клятую—шабашъ вѣдьмовскій! Таки изъ тебя будетъ добрый козакъ, ей-Богу!

— Возлѣ батька всякъ добрымъ станетъ...

— Ну, ну, молодецъ! Славный „джура“,—притиснулъ его къ груди Богданъ.—А стой, братецъ, стой...—обратилъ онъ теперь вниманіе на совсѣмъ побѣлѣвшія уши у хлопца,—болятъ?—дотронулся до нихъ онъ слегка.

— Ой, печетъ!—ухватился и Ахметка за ухо.

— Неладно... отморозилъ...,—покачалъ головою Богданъ,—вчера бы снѣгомъ растереть, а теперь поздно... такъ и останешься значенный.. мороженый...

— Что-жъ онѣ, отпадутъ, батько?—огорчился „джура“.

— Нѣтъ, пустое... только бѣлыми останутся... а „загоимъ“ то мы ихъ „заразъ“... Вали эту халабуду, выводи коней... да отряхни и перекинь мнѣ керею!

Вывели изъ этого сугроба козаки коней, обмахнули имъ спины отъ снѣга и пробѣгали ихъ взадъ и впередъ.

— А ну, хлопче, разрѣжь теперь подушку въ моемъ сѣдлѣ,—улыбнулся Богданъ,—тамъ у меня хранится такой запасъ, который только можно тронуть въ минуту смертельной нужды... Голодали мы и кони въ пути, да нѣтъ,—его я не тронулъ, а вотъ теперь насталъ часъ,—выбились изъ послѣднихъ силъ: смертельная нужда подкрѣпиться, чтобы двинуться въ путь... А и путь теперь не малый: загнала насъ „заверюха“ чортъ его знаетъ куда?...

Ахметка распоролъ подушку; она была набита отборной пшеницей, а на самомъ днѣ, въ сверткѣ лежали тонкіе ломти провяленной свинины и кусокъ сала... Богданъ имъ сейчасъ вытеръ Ахтеткѣ уши.

Дали потомъ козаки конямъ по доброй „гелетка“ пшеницы, выпили сами по кухлику „оковитой“, закусили свининой и, подбодрившись, отправились въ путь.

Небо было чисто; отъ вчерашнихъ снѣжныхъ, свинцовыхъ тучъ не осталось на немъ ни клочка, ни пряди. Вѣтеръ совершенно упалъ, и въ тихомъ, слегка морозномъ воздухѣ плавала да сверкала алмазными блестками снѣжная пыль.

Когда Богданъ, сдѣлавши нѣсколько круговъ, остановился и началъ всматриваться въ даль, чтобы выбрать вѣрное направленіе, солнце уже было довольно высоко и обливало косыми лучами просторъ, блиставшій теперь дорогимъ серебромъ, усѣяннымъ самоцвѣтами да брилліантами; на волнистой поверхности и наносныхъ холмахъ лежали прозрачныя голубыя и свѣтло-лиловыя тѣни, освѣщенныя же части блистали легкими розовыми тонами, отливавшими на изломахъ нѣжною радугой; ближайшія кусты и деревья оврага увѣшаны были гроздями матоваго серебра, а стебли нагнувшихся

злаковъ сверкали причудливымъ кружевомъ, унизаннымъ яхонтами и хризолитами. Вся глубокая даль отливала алымъ заревомъ, а надъ этой безбрежной равниной, полной сказочнаго великолѣпія и дивной красы, высоко подымался чистый небесный сводъ, сіявшій при сочетаніяхъ съ серебромъ еще болѣе яркой лазурью. Вѣтеръ, истомленный дикою удалью, теперь совершенно дремалъ. Въ воздухѣ, при легкомъ морозѣ, уже чуялась мягкость. Онъ былъ такъ прозраченъ, что дальніе горизонты, не покрытые мглой, казались отчетливыми и яркими; при отсутствіи выдающихся предметовъ для перспективы, разстояніе скрадывалось; только широкій размахъ порубежной дуги этой площади давалъ понятіе о необъятной шири очарованной волшебнымъ сномъ степи.

Богданъ осмотрѣлся еще разъ внимательнѣе кругомъ; въ одномъ мѣстѣ справа, на краю горизонта онъ замѣтилъ вмѣсто алаго отблеска едва замѣтный для глазъ голубоватый рефлексъ.

— Да, это такъ,—подумалъ онъ вслухъ,—это приднѣпровскія горы—вѣрно! Правѣй держи!—обратился онъ къ джурѣ, показывая рукою въ даль.—Вонъ, гдѣ нашъ батько Славута!

Хлопецъ повернулъ за Богданомъ и удивился, что его батько ни „люльки“ не закурилъ, ни пришпорилъ коня.

А Богданъ тихо ѣхалъ, свѣсивши на грудь голову, погрузясь въ глубокія думы. Зловѣщій сонъ снова вставалъ передъ нимъ неясными обликами...

„Что-то теперь Гуня,—думалось ему,—уйдетъ ли отъ силъ короннаго гетмана? Позиція у него важная—съ одной стороны Днѣпръ, съ другой Старица, да и окопался хорошо; а ко всему и голова у моего друга Дмитра не капустяная,—боевое дѣло знаетъ досконально, не бросится, очертя голову, въ огонь, а хитро да мудро разсчитаетъ, а тогда уже и ударитъ съ размаху. Третій уже мѣсяцъ Потоцкій о его таборъ зубы ломаетъ и не достанетъ, ждетъ на помощь Лубенскаго волка Ярему, а ужь и лютъ-же за то: всѣ неповинныя села кругомъ миль на пять выжегъ и вырѣзалъ до души, не пощадивъ ни дитяти, ни старца. Охъ, обливается кровью родная земля, а небо такъ вотъ и горитъ отъ пожаровъ, а спасенія не даетъ. Добре, что Филоненко прорвался, такъ теперь Гунѣ подвезено и припасовъ, и снарядовъ, и пороху,—отсидится съ мѣсяцъ смѣло, а какъ только росталь пойдетъ, а она непремѣнно будетъ, да еще какая послѣ ранняго снѣга—весна вторая,—такъ и Потоцкій увязнетъ, и Вишневецкій утонетъ,—вотъ этимъ временемъ нужно воспользоваться, чтобъ подготовить знатнѣйшую помощь, поширить дѣло. Эхъ, кабы одна только рѣшительная удача, и рейстровики пристали-бъ, и „поспольство“; а то вѣдь всякъ, послѣ та-

кихъ славныхъ вспышекъ борьбы, закончившихся кровавою расправой, какъ съ Павлюкомъ, Скиданомъ, Томиленкомъ,—всякъ опасается: страшна и несокрушима вѣдь мощь вельможной нашей Рѣчи Посполитой; всѣ сосѣди: и Швеція, и Семиградія, и Молдавія, и расшатанное Московское царство не смѣютъ противъ нея не то руки, а и голоса поднять,—такъ какъ же козакамъ одинокимъ съ нею справиться? Еще, если бы было межъ ними единство, если-бы единодушно всѣ встали, то помѣрались бы; а то рейстровые изъ-за личныхъ выгодъ, изъ-за панскихъ „обицянокъ“ подымаютъ руки на своихъ братьевъ, а черезъ то и погибли въ нечеловѣческихъ мукахъ лучшія души козачьи—Лобода, Наливайко, Тарасъ Трясыло, Сулима... Эхъ, мало ли ихъ, нашихъ мучениковъ! Можетъ и мнѣ предстоитъ скоро или на колъ угодить, или на „колесо катовое“! Ускользну-ли?... „Будьте хитры и мудры, какъ зміи“,—иначе противъ неборимой силы и дѣйствовать нельзя... Но трудно, охъ какъ трудно иной разъ бываетъ и скрыть слѣды! Ужь сколько разъ на меня сыпались тайные доносы, подымались подозрѣнія; но Господь мой хранитъ меня во вся дни смятеній и бурь,—и козакъ поднялъ къ ясному небу горящія радостнымъ умиленіемъ очи.—Да будетъ и теперь надо мною десница Твоя!.. Многіе вельможные паны за меня руку держатъ... И правда, развѣ бы я не хотѣлъ, чтобъ въ краѣ родномъ былъ для всѣхъ миръ? Но за то, сколько есть и злобныхъ завистниковъ!... Находятся же такіе, что меня именуютъ „обляшкомъ“!... Дурни, дурни! Не подставлять же мнѣ зря подъ обухъ голову, а если отдавать ее, такъ хоть недаромъ... Теперь вотъ надежда на Гуню: смѣлѣй можно дѣйствовать, sine timore, рискуя конечно, съ оглядкой.—Богданъ нервно вздрогнулъ; опять пронесся въ его гололовѣ допросъ звѣря...—Вздоръ! произнесъ онъ вслухъ:—„Сонъ мара, а Богъ—вира!“ Порученіе къ Конецпольскому оправдываетъ мой выѣздъ,—а „заверюха“—промедленіе... А вотъ, если бы изъ Кодака удалось завернуть въ Сѣчь; тамъ вѣдь только черезъ пороги... при оттепели это плевое дѣло, а запоздаю обратно—опять та же оттепель да разливы рѣкъ виноваты!... Дома то на всякій случай Золотаренко предупрежденъ... Эхъ, если бы удалось еще поднять хоть съ пять „куреней“, да отразить первый натискъ, важно бы было! Что же? Все въ рукѣ Божьей.. Мы за Его святую вѣру стоимъ,—неужели же Онъ отдастъ насъ на разореніе панскому насилію, на погибель? Неужели исчезнетъ и доблестное имя козачье?

Богданъ почувствовалъ щемящую тяжесть въ груди, словно не могъ въ его сердцѣ помѣститься приливъ страшной тоски и обиды. Да, вездѣ теперь, куда ни глянь,—одно горе, одно ненавистничество, и давнихъ свѣтлыхъ радостей уже не видать!

Ему вдругъ вспомнилось далекое дѣтство. Словно изъ тумана вынырнула низкая комната, вымазанная гладко, выбѣленная чисто, съ широкимъ дубовымъ „сволокомъ“ на срединѣ. На этомъ „сволокѣ“ висятъ длинныя нитки вяленыхъ яблокъ и грушъ; отъ нихъ въ свѣтлицѣ стоитъ тонкій духъ, смѣшанный съ запахомъ меду; гдѣ то жужжитъ уныло пчела. Въ небольшія два окна, сквозь зеленоватыя круглыя стекольца, въ оловянныхъ рамахъ, пробиваются цѣлымъ снопомъ золотые лучи; вся свѣтлица горитъ отъ нихъ и улыбается весело, а сулеи и фляги играютъ радужными пятнами на „лежанкѣ“. У окна сидитъ молодая еще, но согнутая отъ горя „господыня“, въ атласномъ голубомъ уборѣ — „корабликѣ“; съ головы ея до самаго полу спускается легкими, дымчатыми волнами „намитка“ или фата; на худыхъ плечахъ виситъ, словно ряса, длинный адамашковый „кунтушъ“, а на колѣняхъ лежитъ кудрявая головка молодого, кароокаго хлопца. Пани, нагнувшись, гладитъ сухой рукой по кудрямъ; солнечный свѣтъ лежитъ яркимъ пятномъ на ея блѣдной щекѣ, а на кроткія и безконечно-добрыя очи набѣгаютъ слеза за слезой и скатываются хлопцу на шею.

— Дитятко мое! Богдасю мой любый! Уѣдешь ты далеко, далеко отъ своей матери, отъ „неньки“: кто тебя приласкаетъ на чужбинѣ, кто тебѣ головку расчешетъ, кто тебя накормитъ, одѣнетъ? Охъ, сынку мой, единая утѣха моя!

Хлопецъ упорно молчитъ, нахмуривши брови; только порывистыя лобзанія рукъ и колѣнъ у своей дорогой „неньки“ обличаютъ его внутреннее волненіе.

— Не давай, коли жалко, меня въ бурсу. Не пускай изъ нашего хутора, изъ Субботова.

— Развѣ моя воля, сыночку мой, соколе ясный? Цѣлый вѣкъ прожила въ тоскѣ да одиночествѣ: батько твой, панъ Михайло, то въ бояхъ то на „герцахъ“, то на охотахъ, на добычничествѣ... Ты только, дитя мое дорогое да любое, и былъ единой мнѣ радостью, а вотъ и ту отнимаютъ

Разливается мать въ тоскѣ да печали, и сына тоже начинаетъ одолѣвать горе, а въ дверяхъ уже стоитъ отецъ, привлеченный вздохами да причитаніями; изъ-подъ нависшихъ бровей глядятъ угрюмые, черные, пронзительные глаза; пышные съ просѣдью усы висятъ на самой груди; чуприна откинулась назадъ, открывъ широко спереди лобъ и подбритую кругомъ голову.

— Что ты, баба, хлопца смущаешь? — крикнулъ онъ, притопнувъ ногой.—А ты, „мазунъ“, уже и раскисъ? Что же тебѣ хотѣлось бы вѣкъ дурнемъ быть, да сидѣть у пазухи сосуномъ?

Заслышавъ грозный голосъ отца, хлопецъ сейчасъ же оправился и, смотря внизъ, угрюмо отвѣтилъ:

— Я козакомъ хочу быть, а не дьякомъ.

— Дурней въ козаки не принимаютъ, дурнями только „тыны", подпираютъ,—возразилъ ему батько, а потомъ обратился снова къ женѣ, что стояла покорно, сдерживая всѣми силами слезы:—ты бы, какъ мать, должна была радоваться, что въ твоемъ болванѣ принимаютъ лестное участіе такіе вельможи, какъ князь Сангушко, его крестный батько; ты бы должна еще стараться, чтобы крестникъ не ударилъ лицомъ въ грязь, а выросъ бы такимъ разумнымъ да удалымъ, чтобъ въ носу имъ всѣмъ закрутило, чтобъ всякаго шляхтича за поясъ заткнулъ, чтобы и свой, и чужой кричали: ай, да сотниковъ сынъ!"

— Изведется онъ отъ этой науки,—пробовала возразить мать,—безъ присмотру, безъ материнскаго глазу.

— Э, что съ бабою толковать! Правда, сынку,—улыбнулся старый козакъ,—будешь учиться добре, на злость всѣмъ гордымъ панамъ?... Я еще тебя послѣ бурсы и въ Ярославль отдамъ Галицкій, въ высшую школу, и въ Варшаву свезу, знай молъ нашихъ! Что-жь? Одинъ сынъ, а достатки, слава Богу, есть. А потомъ и въ Сѣчь, до „батька Луга". Такимъ лыцаремъ выйдешь, что ну! Атаманомъ будешь... кошевымъ!

— Лыцаремъ хочу быть, тато,—бросился къ отцу хлопецъ,—только вотъ матери жаль!

И вновь эта давняя жалость и жажда нѣжной, любящей ласки острою болью отозвались въ груди Богдана.

И опять перенесли его думы въ далекую юность. Мрачное зданіе... Стрѣльчатыя, высокія окна... Готическіе своды... На партахъ, въ жупанахъ, кунтушахъ и кафтанахъ, засѣдаютъ молодыя, надменныя лица... За каѳедрой стоитъ въ сутанѣ высокая, строгая фигура, съ худымъ, бритымъ совершенно лицомъ и пробритою кругло макушкой; широкія, грязнаго цвѣта брови сдвинуты, на тонкихъ губахъ змѣится улыбка.

— Единая каѳолическая вѣра есть только правдивая и истинная вѣра на свѣтѣ,—отчеканиваетъ фигура отчетливымъ, сухимъ голосомъ по латыни,—она только есть спасеніе, она только возвышаетъ умъ и наше сердце, она только облагораживаетъ душу. Вѣрные сыны ея призваны въ міръ совершенствоваться, духомъ возвышаться надъ всѣми народами и властвовать надъ міромъ; имъ только и предопредѣлены Всевышнимъ Зиждителемъ власть и господство, имъ только и отмежованы наслажденія и блага земныя, сообразно усердію и безусловной преданности святѣйшему папѣ и его служителямъ.

Всѣ же остальные народы погружены въ мракъ язычества, а особливо еретики, именующіе себя въ ослѣпленіи христіанами; они Богомъ отвержены и обречены нести вѣчно ярмо невѣжества и рабства...

На партѣ, прямо противъ лектора, сидитъ стройный юноша, съ едва темнѣющимъ пухомъ на верхней губѣ; глаза его сверкаютъ гнѣвнымъ огнемъ, щеки пылаютъ отъ страшнаго усилія сдержать себя и скрыть боль и обиду; онъ кусаетъ себѣ до крови ногти и все-таки, не выдержавъ, спрашиваетъ лектора дрожащимъ голосомъ:

— Какъ же, велебный наставникъ, милосердный Богъ можетъ обречь цѣлые народы на погибель, коли Всевышній—„Богъ любы есть?“

— „Тасе“, несчастный!—раздается съ каѳедры шопотъ,—твои ослѣпленныя схизмою очи не могутъ прозрѣть божественной истины.

— Еще смѣетъ разсуждать, хлопъ! —замѣтилъ кто-то презрительно-тихимъ шопотомъ сзади.

— Тоже, пускаютъ межь вельможную шляхту схизматское „быдло“!...—откликнулся сдержанный ропотъ.

— Снисхожденія, благородные юноши, нужно больше къ заблудшимъ овцамъ,—кротко улыбается, поднявши очи „горѣ“, велебный наставникъ,—величіе истины, разливающей благо, само побѣдитъ непокорнаго.

У оскорбленнаго юноши выступаютъ на глаза слезы; но онъ съ неимовѣрнымъ усиліемъ сдерживаетъ ихъ, бросивъ на товарищей вызывающій, ненавистливый взглядъ.

— Да, гордое панство,—заволновался снова козакъ,—ужь такое гордое, какого нѣтъ и на свѣтѣ! Ужь, коли ясный король почитается только, какъ стражъ ихъ своеволія, такъ что же для него козаки? Наша рыцарская доблесть, наши заслуги отечеству ему ни во что! Вельможное шляхетство считаетъ насъ такими же хлопами, какъ „поспольство“, какъ чернь... не даетъ намъ правъ держать поселянъ на землѣ... ненавидитъ еще насъ, какъ схизматовъ... хочетъ стереть съ лица земли. А простому люду еще того хуже! Не за рабовъ даже, за „быдло“, считаетъ его всесильное панство! Отнимаетъ не только волю, а и послѣднюю предковскую „спокон-вѣчную“ землю. Муки, казни, пытки повсюду.—И нѣтъ краю этой ненависти, а гордости сатанинской—предѣла! Чтобы добиться ласки шляхетской, нужно отступиться отъ народа, измѣнить вѣрѣ отцовъ своихъ и стать гонителемъ благочестія... Ахъ, и неужели нельзя найти исхода этой кровавой враждѣ, нельзя водворить хоть какого-либо мира, порядка? Вѣдь безъ насъ имъ не защитить ни границъ, ни себя отъ грабежа и разгрома татарскаго, а они, безумные слѣпцы, хотятъ отсѣчь себѣ правую руку! Разумные дальнозорцы,

какъ Ланскоронскій, Данкевичъ и Дмитро Вишневецкій, байда нашъ любый, тѣшились козачествомъ, множили его на славу и силу отечества, а вотъ черезъ этихъ клятыхъ іезуитовъ и пошли на насъ гоненія со временъ Жигмонта, все больше черезъ вѣру да черезъ алчность пановъ, которымъ мы пугаломъ стали!

Давняя обида опять зажгла давнюю рану и вернула мысль Богдана къ дѣйствительности; теперь они, эти вельможи, королевичи, еще стали необузданнѣе и въ высокомѣріи, и въ злобѣ—даже сами себя готовы грызть ради наживы...

А меня, если бы поймали они въ моихъ завѣтныхъ желаніяхъ, если бы догадались... о, растерзали бы съ адскимъ хохотомъ, съ пѣной у рта; но нѣтъ, будетъ же нашимъ бѣдамъ конецъ, надежда шевелится въ груди и крѣпнетъ въ помощь Господнюю вѣра.

— Батько, смотри!—прервалъ вдругъ у козака теченіе мыслей Ахметка, указывая пальцемъ впередъ.

Богданъ вздрогнулъ отъ этого оклика, отрезвился отъ мечтаній и думъ и обвелъ глазами окрестность.

По діагонали, черезъ взятый ими путь, пролегала хотя и присыпанная свѣжимъ снѣжкомъ, но замѣтная широкая полоса, сбитая копытами коней, а въ дали, на протяженіи этого „шляха“, виднѣлась какая-то вѣха; она, словно игла, темнѣла на фіолетовой лентѣ, облегавшей уже съ правой стороны горизонтъ; заходящее солнце розовыми бликами выдѣляло неровности горъ.

— Кто бы это проѣхалъ по направленію къ Днѣпру?—вскрикнулъ изумленно Богданъ, присматриваясь къ слѣдамъ,—татары? Нѣтъ, копыта у ихъ коней пошире и не кованы... да и чего бы имъ держать путь къ крѣпости? Наши? Уходили, можетъ быть... прорвались? Такъ нѣтъ; наши не такою „батавой“ идутъ. Кто же это? Что за напасть?

Тяжелое предчувствіе сжало сердце козака и побѣжало холодомъ по спинѣ; онъ нахмурилъ брови, подумалъ еще съ минуту и, крикнувъ „гайда!“, помчался къ зловѣщей вѣхѣ.

Бѣлашъ летѣлъ, отбрасывая задними ногами комья пушистаго снѣга. Чернѣвшая вдали на бѣломъ фонѣ игла видимо увеличивалась и принимала форму булавки; на вершинѣ ея вырѣзывалось какое-то темное яблоко... Богданъ устремилъ на него встревоженный взглядъ и затрепеталъ, предугадывая роковую дѣйствительность... Съ каждымъ скачкомъ лошади глаза у козака расширялись отъ напряженія, и онъ, наконецъ, угадалъ, убѣдился... Да, это была дѣйствительно вздернутая на шестѣ голова запорожца, еще хорошаго Богданова товарища въ Сѣчи, Грицка Косыря. На блѣдномъ,

замерзшемъ лицѣ застыла презрительная улыбка; мертвыя очи смотрѣли мутно въ безбрежную степь.

Богданъ остановился у шеста, какъ вкопаный, и снялъ передъ головою своего „побратыма“ высокую шапку; Ахметка сдѣлалъ тоже, осадивъ за батькомъ коня.

— Такъ вотъ какъ, друже, встрѣтились мы!—облегли тяжелыя думы Богдана,—а давно ли разстались подъ Старицей? Значитъ, все погибло: таборъ разграбленъ, разбитъ, и Потоцкій развозитъ свои трофеи—буйныя запорожскія головы по селамъ, по шляхамъ, да по перекресткамъ. Несомнѣнно теперь, что прошедшій отрядъ—не какой другой, какъ лишь польскій—гусары либо драгуны... и направляются, вѣроятно, къ Кодаку съ радостною вѣстью, чтобы съ этого чортоваго гнѣзда громить Запорожье... Конецъ, конецъ и мечтамъ, и нашей замученной волѣ! Всѣ усилія истощены; истинные герои, славные рыцари или пали на кровавомъ пиру, или истерзаны на пыткахъ... а народъ, несчастный, забитый народъ, безропотно, безпомощно пойдетъ теперь въ ярмѣ „орать“ не свою, а чужую землю...

А друзья—Богунъ, Чарнота, Кривоносъ, Нечай?... спаслись, или погибли? Повернуть домой, развѣдать, помочь имъ,—кружились вихремъ въ головѣ его мысли,—а тутъ Конецпольскій... А, будьте вы прокляты! Помочь, но какъ?... Рвется на куски сердце... Сотня ножей впилась въ грудь—и нѣтъ исхода... О, это роковое безсиліе, этотъ рабскій позоръ! Да разбить себѣ башку легче... Только... только не даромъ!—глянулъ онъ свирѣпо, вызывающе въ серебристую даль, и снова приливъ отчаянія охватилъ его:—неужели же всѣ надежды поблекли и, какъ листья, развѣялись вѣтромъ?—опустилъ козакъ голову на богатырскую грудь и уставился неподвижно глазами въ широкое стремя. Заходящее солнце, какъ огромный яхонтъ, опускалось за алѣющую полосу дали и обливало багрянцемъ контуръ могучей фигуры всадника и нѣкоторыя мѣста торчавшей головы на шестѣ. Застывшія на ней темно-красныя пятна теперь горѣли подъ лучами заходящаго солнца кровавымъ огнемъ и призывали товарища къ мести.

Богданъ вздрогнулъ въ порывѣ подступившаго остраго чувства и, сдвинувши сурово брови, повернулся къ Ахметкѣ, а тотъ стоялъ въ ужасѣ, вперивъ глаза въ мертвую голову.

— Слѣзай, хлопче, съ коня!—сказалъ Богданъ глухимъ, надтреснутымъ голосомъ,—выроемъ вонъ тамъ, подальше, яму, да похоронимъ честно голову добраго, славнаго козака, положившаго ее за край родной, за народъ и за вѣру!

Шагахъ въ пятидесяти разгребли снѣгъ козаки и выбили саблями въ мерзлой землѣ глубокую ямку, а потомъ, поваливъ шестъ, сняли почтительно съ него голову; съ мрачною торжественностью принесъ ее къ могилкѣ Богданъ и, поцѣловавъ въ занѣмѣвшія уста, произнесъ растроганнымъ, дрожавшимъ отъ внутреннихъ слезъ голосомъ:

— Прощай, товарищъ, на вѣки! Разскажи Богу тамъ, какъ знущаются надъ нами паны!—и, перекрестивъ голову, бережно опустилъ ее въ глубь и засыпалъ землею, а Ахметка утопталъ ее и все мѣсто забросалъ толстымъ слоемъ снѣга.

Молча вернулись козаки къ своимъ конямъ, молча сѣли въ высокія сѣдла и молча двинулись въ путь.

Богданъ пустилъ Бѣлаша вольно и съ напряженнымъ челомъ рѣшалъ существеннѣйшій для него въ данную минуту вопросъ: куда ѣхать? Возвратиться скорѣе въ Субботовъ, домой, такъ какъ тамъ, при разгулѣ и своеволіи побѣдителей, всякая бѣда можетъ стрястись... но явиться, не исполнивши порученія, опасно: не будетъ возможности доказать, гдѣ находился, а слѣдовательно не будетъ возможности и опровергнуть доносы. Но и въ Кодакъ явиться теперь,— такъ, пожалуй, угодить можно въ волчью пасть... Не дернуть-ли прямо на Запорожье? Извѣстить братчиковъ о постигшемъ ударѣ и предупредить возможное со стороны враговъ нападеніе? Во всякомъ случаѣ нужно воспользоваться наступающею ночью, доскакать до Днѣпра, а тамъ густыя лозы да камыши дадутъ уже „пораду“— совѣтъ... Гайда!—крикнулъ козакъ и помчался вихремъ впередъ, а за нимъ двинулся съ мѣста въ карьеръ и Ахметка.

Ночь медленно уже наступала; вся даль покрывалась сизыми, мутными тонами; на лиловато-розовомъ небѣ къ закату блестѣлъ уже свѣтлый серебряный серпъ, а на темной синевѣ купола начинали робко сверкать блѣдные, дрожащіе огоньки.

Прошелъ часъ, а козаки все еще бѣшено мчались впередъ, измѣнивъ нѣсколько первоначальное направленіе. Мѣстность изъ совершенно гладкой равнины начала переходить въ холмистую плоскость, пересѣкаемую продольными балками.

Козаки поѣхали шагомъ; нужно было дать передохнуть взмыленнымъ лошадямъ и осмотрѣть внимательнѣе мѣстность; но послѣдняя ничего новаго не представляла: вездѣ было безлюдно, безслѣдно, безмолвно; небо только начало крыться какимъ-то бѣлесоватымъ туманомъ; козаки пустили наконецъ рысцой коней и даже закурили „люльки“. Показалась впереди глубокая впадина.

— Рѣчка Самара, хлопче! Теперь уже все равно, что и дома!

И Богданъ направилъ туда коня; но не успѣлъ онъ еще спуститься въ оврагъ, какъ вдали, между какими-то темными очертаніями, показались огоньки.

Богданъ поворотилъ коня и шепнулъ Ахметкѣ: „назадъ“, но уже было поздно: съ двухъ сторонъ изъ-за сугробовъ приближались къ нашимъ путникамъ всадники и отрѣзывали отступленіе.

— Кто ѣдетъ?—окрикнулъ ближайшій.

— Войсковой писарь рейстровиковъ,—отвѣтилъ Богданъ.

— А! Козакъ! Бунтовщикъ! Берите его, шельму!—крикнулъ „намѣстникъ“ драгунскій,—и того и другого „лайдака“!

Ахметка было выхватилъ изъ ноженъ саблю, но Богданъ остановилъ его.

— Брось, сопротивляться не къ чему; мы королевскіе слуги, насъ тронуть не посмѣютъ.

— Если пану угодно меня арестовать,— поднялъ голосъ Богданъ,— то вотъ моя сабля; но я думаю, что посолъ короннаго гетмана, а слѣдовательно и Рѣчи Посполитой, есть неприкосновенная особа и для враговъ, а не то, что для своихъ же согражданъ.

— Ахъ, онъ быдло! Еще о правахъ заговорилъ!—подъѣхалъ второй всадникъ.—Дави ихъ всѣхъ, собакъ, сади ихъ на колъ! На морозѣ это выйдетъ важно; а если у него есть какія бумаги—отнять.

— Нѣтъ только здѣсь, въ этой проклятой степи, никакого дерева, чтобы вытесать колъ, вотъ что досадно!—осмотрѣлся кругомъ всадникъ въ драгунскомъ ментикѣ съ откидными рукавами.

— Такъ отрубить головы и псу, и щенку, да и концы въ воду,—замѣтилъ подъѣхавшій третій,—а то надоѣло по морозу ѣхать дозоромъ.

— Да, пора бы до „венгржины“,—подхватилъ первый.

— У князя Яремы ее не потянешь,—вздохнулъ второй,— „ни вина, ни женщинъ“! Развѣ у пана Ясинскаго.

— Найдется, панове!—кивнулъ головою первый „намѣстникъ“:—только скорѣй!... А ну, слѣзай съ коня и подставляй башку, хлопъ!

Ахметка, блѣдный, съ искаженными чертами лица, дрожалъ, какъ осиновый листъ; но Богданъ спокойно сидѣлъ на конѣ, ухватясь за эфесъ сабли. Простившись мысленно со всѣмъ ему дорогимъ и поручивъ Богу грѣшную душу, онъ рѣшился дорого продать свою жизнь.

— Опомнитесь, панове,—попробовалъ было онъ еще въ послѣдній разъ образумить безумцевъ,—вѣдь ясновельможный гетманъ Конецпольскій не потерпитъ насилія надъ своимъ личнымъ посломъ и отомститъ своевольцамъ жестоко.

Подъѣхавшіе вновь всадники при этомъ имени нѣсколько смутились и осадили коней назадъ, но запальчивый и подвыпившій панъ „намѣстникъ“ вспылилъ еще больше.

— А, сто чертей тебѣ въ глотку съ вѣдьмой въ придачу! Еще грозить вздумалъ! Долой съ коня! Рубить ему, собакѣ, и руки, и ноги, и голову!—уже кричалъ, размахивая саблей, драгунъ.

Но любитель кола пріостановилъ это распоряженіе.

— Нѣтъ, братъ, жаль такъ легко съ ними покончить,—на колъ посадить интереснѣе; я уже для этой потѣхи пожертвую дышло отъ моей походной телѣги.

— А коли на колъ, на „палю“, такъ согласенъ; тащите ихъ къ табору!

У Богдана мелькнула теперь, хотя и слабая, надежда на спасеніе, а потому онъ и допустилъ повести свою лошадь за поводъ; Ахметка и не думалъ уже о сопротивленіи, а тупо коченѣлъ на сѣдлѣ.

II.

Таборъ былъ недалеко за снѣжнымъ, высокимъ сугробомъ. Два „жолнера“ поспѣшили отцѣпить дышло отъ крайняго воза и начали изъ него приготовлять колья. Слухъ о поимкѣ козаковъ распространился быстро по табору, а предстоящая казнь привлекла любопытныхъ. Но между одобрительными отзывами послышались и такіе: „Что же, панове, не въ диковину намъ этихъ псовъ мучить, а заставить бы ихъ лучше показать прежде дорогу, а то мы изъ этой проклятой степи и выбраться не сможемъ!“

— Да, такъ; пусть покажутъ дорогу!—спохватились и другіе.

Въ таборѣ поднялась суета.

Плѣнники сидѣли все еще на коняхъ, окруженные увеличивающейся толпой. „Намѣстникъ“ съ товарищами завернулъ въ палатку подкрѣпиться „венгржиной“, а „жолнеры“ приготовили два кола, вбили ихъ въ мерзлую землю и ждали дальнѣйшихъ распоряженій. Наконецъ, подбодренный „намѣстникъ“ крикнулъ изъ палатки.

— Тащите съ сѣделъ „быдло“! Сорвать съ нихъ одежу и въ мою палатку отнесть, а ихъ, голыхъ на колъ!

Но не удалась бы палачамъ надъ козаками такая потѣха; Богданъ уже выхватилъ было правою рукой саблю, а лѣвою кинжалъ, какъ вдругъ прибѣжавшій гайдукъ прекратилъ готовую вспыхнуть послѣднюю смертельную схватку.

— „Ясноосвѣцоный“ князь требуетъ немедленно взятыхъ плѣнныхъ къ себѣ и гнѣвенъ за то, что ему о нихъ не доложено!—крикнулъ онъ громко.

Наступило молчаніе; смущенная толпа мгновенно отхлынула, и у храбраго „намѣстника“ зашевелилась чуприна.

— Ведите ихъ, отобравши оружіе,—распорядился онъ уже пониженнымъ тономъ,—а я самъ объяснюсь.

Богданъ съ достоинствомъ отдалъ свою саблю и пошелъ за гайдукомъ впередъ, а Ахметку повели „жолнеры“.

Походная палатка князя Іереміи Вишневецкаго отличалась царственною скромностью; зимній пологъ ея былъ покрытъ грубымъ сукномъ и подбитъ лишь горностаемъ, а сверху замыкала его золотая корона. У входа на приподнятыхъ полахъ были вышиты чистымъ золотомъ и шелками великолѣпные княжескіе гербы (на красномъ фонѣ золотой полуторный крестъ и на красномъ же фонѣ всадникъ); тамъ же у входа водружена была и хоругвь, при которой на стражѣ стояли съ саблями на голо латники.

Обнаживъ голову передъ княжьей палаткой, Богданъ вошелъ въ нее съ подобающею почтительностью и съ нѣкоторымъ волненіемъ: его какъ-то коробило предстать предъ грозныя очи уже прославившагося своею необузданною лютостію магната, а вмѣстѣ съ тѣмъ и желательно было ближе увидѣть доблестнаго, храбраго воина, красу польскихъ витязей.

Въ глубинѣ обширной палатки, освѣщенной высокими консолями въ двѣнадцать восковыхъ свѣчей, на походной складной деревянной „канапѣ“, покрытой попоной, сидѣлъ молодой еще, худой и невысокій мужчина; по внѣшнему виду въ немъ съ перваго взгляда можно было признать скорѣе француза, а не поляка. Продолговатое, сухое и костлявое лицо его было обтянуто плотно темною съ желтыми пятнами кожей, придававшей ему мертвую неподвижность; надъ выпуклымъ, сильно развитымъ лбомъ торчалъ посрединѣ клокъ черныхъ волосъ, образуя по бокамъ глубокіе мысы; вся же голова, низко остриженная, была менѣе чернаго, а скорѣе темно-каштановаго тона. Изъ-подъ широкихъ, прямыхъ, почти сросшихся на переносьѣ бровей смотрѣли пронизывающимъ взглядомъ холодные, неопредѣленнаго цвѣта глаза, въ которыхъ мелькали иногда зеленые огоньки; въ очертаніяхъ глазъ и бровей лежали непреклонная воля и безстрастное мужество; правильный съ легкораздувающимися ноздрями носъ обличалъ породу, а нафабренные и закрученные высоко вверхъ усы, вмѣстѣ съ острою черною бородкой придавали физіономіи необузданную дерзость; но особенно непріятное впечатлѣніе производили тонкія крѣпко сжатыя губы, таившія въ себѣ что-то зловѣщее.

Молодой вождь былъ одѣтъ въ простую боевую одежду. Сверхъ кожанаго, изъ лисьей шкуры, съ шнурами, камзола надѣта была

дамасской стали кольчуга, стянутая кожанымъ поясомъ; на плечахъ, вокругъ шеи, лежалъ тарелочкой холщевый воротникъ, отъ бѣлизны котораго цвѣтъ волосъ казался еще болѣе чернымъ; у лѣваго бока висѣла драгоцѣнная „карабела“, а ноги, обутыя въ желтые сафьянные сапоги, тонули въ роскошной медвѣжьей шкурѣ, разостланной у „канапы“; огромная голова звѣря съ оскалившейся пастью грозно смотрѣла стеклянными глазами на входъ.

Возлѣ князя на небольшомъ складномъ столикѣ стоялъ золотой кубокъ съ водою. Два молодыхъ шляхтича, „товарищи“ панцырной хоругви, въ дорогихъ драгунскихъ костюмахъ, Грушецкій и Заремба, стояли почтительно позади. Тамъ же водружены были и два бунчука.

Въ лицѣ и во всей фигурѣ Іереміи Вишневецкаго разлито было безграничное высокомѣріе и презрительная надменность. Онъ вонзилъ пронзительный взглядъ въ вошедшаго козака и молчалъ. Богданъ, застывши въ глубокомъ поклонѣ, съ прижатою у груди правой рукой и съ нѣсколько откинутой съ шапкою лѣвой, стоялъ неподвижно и изъ-подъ хмурыхъ бровей изучалъ зорко противника.

Длилось томительное молчаніе.

— Кто есть? — наконецъ прервалъ его сухимъ и непріятнымъ голосомъ Вишневецкій.

— Войсковой писарь, ясноосвѣцоный княже, — отвѣтилъ съ достоинствомъ и полнымъ самообладаніемъ козакъ.

— Откуда, куда и зачѣмъ?

— Изъ Чигирина въ Кодакъ, съ бумагами къ ясновельможному пану гетману.

— Доказательства?

— Вотъ онѣ, ваша княжья милость! — подалъ ему Богданъ съ поклономъ пакетъ.

Вишневецкій сломалъ восковую печать на пакетѣ, предварительно изслѣдовавъ ее опытнымъ взглядомъ, и внимательно началъ просматривать бумаги.

— Однако, девятый день въ пути. Развѣ Чигиринъ такъ далеко? — ожегъ онъ козака зеленымъ огнемъ своихъ глазъ.

— Два раза вьюга сбивала съ дороги и кони изъ силъ выбились, — отвѣтилъ тотъ спокойнымъ тономъ, совершенно овладѣвши собой.

— Пожалуй, возможно, — согласился князь, — насъ тоже она ужасно трепала и загнала проводниковъ безъ вѣсти. А „вацпанъ“ знаетъ путь? Можетъ провесть и насъ тоже въ Кодакъ?

— О, степь, ясный княже, мнѣ отлично знакома и Кодакъ отсюда долженъ быть не далеко.

— О? Досконально!—вскинулъ на Грушецкаго и Зарембу князь глазами и заложилъ ногу на ногу:—Такъ войсковой писарь его мосць,—пробѣгалъ глазами онъ по строкамъ, —а, Хмельницкій... Хмельницкій? Знакомая фамилія... Да! Какой-то Хмельницкій убитъ, кажись, подъ Цецорою, при этой позорной битвѣ, гдѣ безвременно погибъ и гетманъ Жолкѣвскій...

— Это мой отецъ, ясный княже, Михаилъ Хмельницкій. Я самъ былъ въ дыму этой битвы, позорной развѣ по измѣнѣ или трусости венгровъ, но славной по доблести и удали войскъ коронныхъ. Какъ теперь вижу благороднаго раненаго гетмана: блѣдный, обрызганный кровью, съ пылающимъ отвагою взоромъ, онъ крикнулъ: „Намъ измѣнили, но мы умремъ за отчизну, какъ подобаетъ вѣрнымъ сынамъ!“—и ринулся въ самый адъ бушующей смерти. Мой отецъ желалъ удержать его, принималъ на свой мечъ и на свою грудь сыпавшіеся со всѣхъ сторонъ удары. Я былъ тутъ-же и видѣлъ, какъ за любимымъ гетманомъ бросились всѣ съ безумной отвагой и ошеломили отчаяннымъ натискомъ даже многочисленнаго врага; но что могла сдѣлать окруженная горсть храбрецовъ? Она прорѣзала только кровавую дорогу въ безконечной вражьей толпѣ и полегла на ней съ незыблемой славой. Я помню еще, какъ мой отецъ изрубленный палъ, открывъ грудь благороднаго гетмана, а дальше стянулъ мнѣ шею арканъ, и я очнулся въ турецкой неволѣ...

Богданъ проговорилъ это искреннимъ, взволнованнымъ голосомъ, воскресая врѣзавшуюся въ память картину, и видимо даже тронулъ стальное сердце князя-героя. Въ его взглядѣ изчезли зеленые огоньки.

— Въ неволѣ?—переспросилъ Вишневецкій:—Гдѣ же и долго ли?

— Два года. Сначала въ Скутари, а потомъ въ Карасубазарѣ. Меня выкупилъ изъ неволи крестный отецъ, князь Сангушко; хлопоталъ и канцлеръ коронный, ясновельможный панъ Осолинскій.

— Вотъ что! Такъ панъ писарь былъ при Цецорѣ и сражался за славу нашей отчизны? Завидно! Но сталъ ли бы онъ и теперь съ такимъ же пыломъ сражаться за ея мощь?

— За мою родину и отечество я беззавѣтно отдамъ свою голову,—сказалъ съ чувствомъ, поднявши голосъ, Богданъ.

— Къ чему же здѣсь родина?—прищурилъ глаза Вишневецкій.

— Родина есть часть отечества, а цѣлое безъ части немыслимо,—отвѣтилъ Богданъ.

— Вацпанъ, какъ видно, силенъ въ элоквенціи. Гдѣ воспитывался?

— Сначала, княже, въ кіевскомъ братствѣ, а потомъ въ іезуитской коллегіи.

— То то, видно сразу и въ словахъ, и въ манерѣ нѣчто шляхетское, „эдукованное“, а не хлопское. Я припоминаю и самъ теперь пана,—перемѣнилъ онъ вдругъ рѣчь съ польскаго языка на латинскій,—встрѣчалъ въ Варшавѣ у великаго канцлера литовскаго Радзивилла и даже, помнится, за-границей.

— Да, я имѣлъ честь быть по порученіямъ яснѣйшаго короля въ Парижѣ,—отвѣтилъ тоже по-латыни Богданъ.

— По порученіямъ личнымъ или государственнымъ?

— Найяснѣйшій король свои интересы сливаетъ съ интересами Посполитой Рѣчи.

— Дай Богъ!—задумался на минуту Вишневецкій и потомъ, какъ бы про себя, добавилъ:—Во всякомъ случаѣ, это доказываетъ довѣріе къ его мосцѣ и короля, и сената, что заслуживаетъ большой признательности.

— Клянусь Святою Дѣвой, что эта сабля...—ударилъ въ лѣвый бокъ по привычкѣ Богданъ, и, ощутивъ пустоту, смѣшался и покраснѣлъ.

— А гдѣ-же твоя сабля?—спросилъ, изумясь, Вишневецкій.

— Арестована, ясный княже.

— Кѣмъ и за что?

— Княжьимъ подвластнымъ... для приспособленія меня къ колу.

— Вотъ какъ! Безъ моего вѣдома? Подать мнѣ сейчасъ саблю пана писаря!—крикнулъ по-польски князь, и Заремба бросился къ выходу.—Да доложить мнѣ,—добавилъ онъ вслѣдъ,—кто тамъ безъ меня дерзаетъ распоряжаться?

Черезъ минуту влетѣлъ Заремба и, подавая князю саблю, сообщилъ, что распорядился панъ „намѣстникъ“ Ясинскій и что онъ хочетъ объясниться.

— Поздно! Исключить его изъ хоругви!—сухо сказалъ, разсматривая саблю, князь Ярема.—Добрая „карабела“, дорогая и по рукояткѣ, и по клинку.

— Для меня она безцѣнна,—замѣтилъ Богданъ:—это почетный даръ всемилостивѣйшаго нашего короля Владислава, когда онъ еще былъ королевичемъ, за мои боевыя заслуги подъ Смоленскомъ и подъ Москвою.

— Такъ храни-же эту драгоцѣнность,—передалъ князь саблю Богдану,—и обнажай ее честно на защиту отчизны противъ всѣхъ враговъ, гдѣ-бы они ни были.

— Богъ свидѣтель,—поцѣловалъ Богданъ клинокъ сабли, дотронувшись рукой при низкомъ поклонѣ, до полы княжьяго кунтуша:—я обнажу ее безъ страха на всякаго врага, кто-бы онъ ни былъ, если только посягнетъ на нашу свободу и благо...

— Свобода Рѣчи Посполитой незыблема!—перебилъ Іеремія, возвысивъ свой голосъ, зазвучавшій непріятными высокими нотами: — Бунтовщики теперь уничтожены; гидрѣ срѣзана голова, и я размечу всѣ корни козачества — этого безумнаго учрежденія моего безумнаго предка... Я размечу, прахомъ развѣю,—ударилъ онъ по столу кулакомъ,—и заставлю забыть это проклятое имя!... Но я и вельможи, карая измѣнниковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ съ особеннымъ удовольствіемъ желаемъ отличить, наградить и выдвинуть вѣрныхъ коронѣ и отчизнѣ сыновъ, желаемъ лучшіе роды преданнѣйшихъ слугъ возвысить даже и до шляхетства, если, конечно, они поступятся своею дикостью и заблужденіями... Надѣюсь, что панъ писарь, при своей „эдукаціи“, потщится заслужить эту честь.

Богданъ отвѣтилъ глубокимъ поклономъ, не проронивъ ни одного слова.

— Еще только остается разгромить и уничтожить это волчье логовище—Запорожье,—продолжалъ Вишневецкій, отхлебнувъ изъ кубка воды:—тогда только можно будетъ спокойно уснуть.

— Тогда-то, осмѣлюсь возразить, ясноосвѣщонный княже,—вздохнулъ Богданъ глубоко,—и не будетъ ни на минуту покоя: орда безвозбранно будетъ врываться въ предѣлы отечества, будетъ терзать окраины, обращать въ пепелъ панскія „добра“ и въ концѣ концовъ дерзнетъ посягнуть и на самое сердце обездоленной Польши.

— Мы воздвигли твердыню Кодакъ, и невѣрные „азіаты“ не посмѣютъ переступить этотъ порогъ,—надменно сказалъ Вишневецкій.

— Твердыня имѣетъ значеніе лишь для своихъ, а низовья Днѣпра и границы въ широкой степи беззащитны,—убѣдительнымъ тономъ поддерживалъ Богданъ свою мысль,—только буйные шибайголовы—запорожцы, сыны этой дикой пустыни, могутъ противостать быстротой и отвагой такимъ-же дикимъ степовикамъ.

— А мою карабелу и мои хоругви ваціанъ забываетъ?—раздражаясь, брязнулъ саблею князь.—Объ эту скалу,—ударилъ онъ рукою въ свою грудь,— разобьются всѣ полчища хана.

— Да, ясноосвѣщоный князь—единый Марсъ на всю Польшу; такъ неужели же знаменитѣйшій вождь и сынъ славы, имя котораго можетъ потрясти и самую Порту, согласится стать только сторожемъ для спокойствія завидующихъ ему магнатовъ.

— Ваціанъ не глупъ,—прищурился и искривилъ улыбкою ротъ Вишневецкій,—но пора; мы отдохнули довольно... Въ походъ!—крикнулъ онъ, и Заремба полетѣлъ передать распоряженіе.—На-

дѣюсь, ты и ночью не собьешься съ пути?—обратился онъ къ Богдану.

— Пусть ваша княжеская милость будетъ спокойна,—поклонился козакъ.

— Ну, ступай и распорядись,—ударилъ его по плечу дружески Вишневецкій,—а—когда благополучно возвратимся, то я предлагаю тебѣ у себя службу.

— Падаю до ногъ за честь, ясный княже!—приложилъ сердцу руку Богданъ и, наклонивъ почтительно голову, вышелъ изъ палатки.

Весь лагерь былъ въ суетѣ и движеніи;—палатки укладывались, въ телѣги запрягали коней, драгуны подтягивали подпруги у сѣделъ, гусары строились, пушкари хлопотали возлѣ „арматы"... все снималось съ мѣста торопливо, но безъ крику и замѣшательства, а въ строжайшемъ, привычномъ порядкѣ.

Не успѣлъ Богданъ сѣсть на своего Бѣлаша и ободрить Ахметку, какъ раздался крикъ вскочившаго на коня князя—„гайда",—и все войско стройно двинулось за нимъ.

Богданъ долженъ былъ ѣхать впереди, между приставленными къ нему латниками. Всѣ послѣднія событія совершились такъ быстро, что онъ еще не могъ ни разобраться въ мысляхъ, ни оцѣнить своего положенія, ни уяснить, отчего у него въ груди стояла тупая, давящая боль? Одно только поднимало въ немъ силы: сознаніе, что пока отъ кола онъ ушелъ.

Вдругъ, проѣзжая мимо обоза, онъ увидѣлъ козаковъ, прикованныхъ къ повозкамъ цѣпями; между ними онъ узналъ и своихъ двухъ товарищей по многимъ сѣчамъ и по послѣдней—Бурлія и Пешту. Облилось кровью отъ жалости сердце козака, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сжалось отъ подступившаго холода.

— Ба! Смотри, Хмель здѣсь!—отозвался Бурлій.

— Вѣрно, онъ—и въ почетѣ!—прошипѣлъ Пешта.

— Вотъ такъ штука! Ловкачъ!—засмѣялся первый.

— Удеру и я ему штуку!—крикнулъ второй.

Ни живъ, ни мертвъ, ударилъ Богданъ „острогами" коня и вынесся съ отрядомъ впередъ... Нѣсколько мгновеній онъ не могъ прійти въ себя, пораженный этой новой, неотвратимой опасностью; но движеніе окружавшихъ его войскъ, стукъ конскихъ копытъ, шорохъ оружія заставили его скоро вернуться къ дѣйствительности, и весь ужасъ его положенія всталъ передъ нимъ съ новой силой.

Что дѣлать?.. Что предпринять?!. Сквозь скрипъ телѣгъ и стукъ конскихъ копытъ до слуха Богдана доносилось мѣрное позвякиваніе цѣпей, и этотъ мрачный, зловѣщій лязгъ, словно погребаль-

ный колоколъ, аккомпанировалъ движенію его мыслей. Онъ зналъ, безъ сомнѣнія, какая участь ожидаетъ завтра его братьевъ, друзей; онъ зналъ, что вѣсть о его появленіи въ лагерѣ Вишневецкаго, не въ цѣпяхъ, а на свободѣ и даже съ нѣкоторымъ почетомъ, облетѣла уже всѣхъ плѣнниковъ, и что всѣ товарищи объясняютъ это его измѣной. „Но тѣ, всѣ остальные? – думалось ему,—пусть... пусть кричатъ, и бранятъ и проклинаютъ!... Хотя это и тяжко, охъ, какъ тяжко; но пожалуй, на руку: такой взрывъ негодованія будетъ лучшею рекомендаціей для Яремы. Но если Пешта и тотъ вздумаютъ исповѣдаться передъ смертью, да разсказать, какой неизвѣстный воинъ помогъ и Гунѣ, и Филоненку? А!“—передвинулъ Богданъ шапку и почувствовалъ, что волосы начинаютъ у него на головѣ шевелиться.

Умереть такъ рано и такъ глупо, смертью позорной, безславной... и это ему, когда онъ чувствуетъ въ груди столько энергіи и силы, когда у него еще столько жизни впереди! Необоримое желаніе жизни охватило все его существо... Нѣтъ, онъ долженъ выгородить себя!.. Но какъ? Не шепнуть ли Яремѣ, чтобъ покончилъ съ опасными плѣнниками скорѣе? Что значитъ день жизни... не лишнія ли мученія?—Но нѣтъ, нѣтъ! Retro satanos, retro satanos!—прошепталъ онъ поспѣшно, крестясь подъ „кереей“.—О, до какихъ звѣрскихъ мыслей можетъ довести это безсильное, униженное состояніе! Однако, надо же рѣшаться на что-нибудь: время идетъ и разсвѣтъ недалеко... Уйти? Нѣтъ, мнѣ не дадутъ сдѣлать и шагу... А, можетъ быть, удастся спасти,—сверкнула у него надежда,—хотя тѣхъ двухъ? Попробовать, но какъ? Единый Господь, прибѣжище мое и защита!—задумался Богданъ и началъ исподволь замедлять шаги своего коня и отставать къ обозу. Люди сидѣли и дремали въ сѣдлахъ, такъ что маневровъ его не замѣтилъ никто; наконецъ, послѣ томительнаго получаса Богдану удалось поравняться съ одной изъ первыхъ телѣгъ.

— Ты тутъ, Пешто?—тихо обозвалъ онъ одного изъ сидѣвшихъ въ возу.

Опущенная голова поднялась, и на Богдана взглянула пара узкихъ и косо прорѣзанныхъ глазъ; взглядъ этотъ былъ полонъ затаенной ненависти и презрѣнія.

— А что, братъ „зрадникъ“,—громко произнесъ онъ,—полюбоваться пріѣхалъ, какъ товарищей на колъ сажать будутъ?

И Богданъ замѣтилъ въ темнотѣ, какъ блеснули желтые бѣлки Пешты и тонкія губы искривились подъ длинными усами.

— Тише, молчи!—прошепталъ Богданъ.—Самъ попался... чуть на колъ не угодилъ... Пощадили, чтобъ указалъ дорогу...

ѣдемъ въ Кодакъ... все сдѣлаю, чтобъ спасти... Надѣюсь; только молчи, ни слова!

— А какъ сбрешешь, обманешь?—переспросилъ Пешта.— Смотри, погибнемъ мы, такъ и тебѣ не уйти.

На другихъ телѣгахъ, которыя медленно двигались въ темнотѣ, не слышали переговоровъ Богдана. Подъ мрачнымъ и низкимъ небомъ онѣ тянулись на фонѣ бѣлесоватаго снѣга смутною, громыхающею цѣпью; кое-кто изъ козаковъ сидѣлъ, опустивши голову, кое-кто лежалъ, а кое-кто, прикованный цѣпью за шею, шелъ за телѣгой... Не раздавалось ни стоновъ, ни криковъ, ни воплей, а какое-то холодное, молчаливое равнодушіе царило надъ ними... Казалось, что это тянулась передъ ними не прощальная, послѣдняя ночь, а медленно разворачивалась ихъ безрадостная, горькая жизнь, такая-же мрачная и суровая, какъ эта холодная, темная степь.

Богданъ тихо вздохнулъ.

— А что панъ дѣлаетъ здѣсь?—раздался у него за спиной непріятный и рѣзкій голосъ Ясинскаго.

Богданъ вздрогнулъ, но отвѣтилъ спокойно:

— А бунтарей хотѣлъ посмотрѣть.

— Удивляюсь пану; я думаю, онъ видѣлъ ихъ ближе и чаще, чѣмъ мы, а, можетъ, нашлись и соратники?

— Панъ шутитъ, конечно, какъ шутилъ и съ коломъ,—уязвилъ его, овладѣвая собою, Хмельницкій,—вѣдь, я не такъ глупъ, чтобъ подъѣзжалъ для улики, если бы таковые тутъ были,—вѣдь иначе меня бы исключили сейчасъ изъ хоругви!

— У, сто двадцать чертовскихъ хвостовъ и пану-ехидѣ, и всѣмъ вамъ въ зубы!—прошипѣлъ ему вслѣдъ Ясинскій, закусывая усъ.— Погоди, ужь я тебя выслѣжу, доѣду!

Между тѣмъ ночь близилась къ концу. Фигуры всадниковъ вырѣзывались яснѣе и яснѣе; посвѣтлѣло и свинцовое, низко нависшее небо. Предразсвѣтный холодъ пробиралъ до костей. Лица казались грязными и желтыми. Сырой, противный вѣтеръ подымалъ гривы лошадей и пробирался подъ плащи и въ рукава. Кое-гдѣ среди всадниковъ слышалось короткое проклятіе... а тамъ, въ концѣ обоза, раздавался все тотъ же однообразный, томительный лязгъ.

— „Ясноосвѣщоный“ князь требуетъ къ себѣ пана—раздался около Хмельницкаго голосъ молодого оруженосца.

Богданъ выѣхалъ изъ толпы, пришпорилъ коня и черезъ минуту почтительно остановился подлѣ князя.

— Ну, что же, вацпане,—обратился къ нему въ полуоборотъ Вишневецкій,—скоро ли до Днѣпра?

— Какъ ѣхать, ясный княже?—поклонился Хмельницкій.

— По-Яремовски.

— Черезъ часъ ваша княжья милость остановится на берегу.

— А скажи мнѣ, откуда ты степь такъ хорошо знаешь?— спросилъ его какъ-то отривисто Вишневецкій, бросая изъ-подъ бровей стальной взглядъ.

— По порученіямъ ѣздилъ не разъ.

— Но... конечно, ваціанъ и въ Сѣчи бывалъ, и съ „дьяблами“ якшался?

— Не былъ бы иначе козакомъ, ясный княже.

— Люблю, кто говоритъ правду смѣло.

Князь продолжалъ двигаться впередъ; за нимъ въ почтительномъ разстояніи слѣдовалъ и Хмельницкій, приближаясь при разговорѣ и отставая при молчаніи.

Теперь, при совсѣмъ уже разсвѣтшемъ небѣ, эти двѣ фигуры выдѣлялись совершенно ясно. Рыжій, сухощавый арабскій конь князя нервно выступалъ впереди,—казалось онъ ежеминутно готовился подняться впередъ; самъ всадникъ выражалъ признаки живѣйшаго нетерпѣнія; онъ то подергивалъ рукою вверхъ опускавшійся отъ сырости усъ, то бросалъ по сторонамъ пытливые взгляды. Бѣлый конь Хмельницкаго выступалъ спокойно и величаво; осанка всадника дышала такою же увѣренностью, лицо, казалось, застыло въ сосредоточенномъ выраженіи, но въ глазахъ, въ глубинѣ, горѣлъ такой острый и жгучій огонь, что если бы холодный взоръ Іереміи встрѣтился съ нимъ, онъ бы позеленѣлъ отъ злобы. Эта холодная зимняя ночь запала въ душу Богдана, и ему казалось, что звукъ козацкихъ оковъ будетъ звучать въ ней теперь навсегда.

— А!—спохватился вдругъ Іеремія,—Отъ Кодака далеко-ль до Сѣчи?

— Сухимъ путемъ, пане княже, въ обходъ—дня два, а то и больше,—приблизился Богданъ, сдавивъ шенкелями коня,—дорогъ нѣтъ... овраги... горы... болота... А если Днѣпромъ, черезъ пороги, то десять часовъ только ходу.

— Сто „дьябловъ“! Это бѣшеная скачка по бѣшенымъ волнамъ.

— Да, бѣшеная и опасная... и то только въ половодье, а въ прочее время года она почти невозможна: подводныя скалы и камни на каждомъ шагу сторожатъ дерзкую „чайку“.

— „Пекельное“ мѣсто! Оттого его вѣрно черти и выбрали?

— Но эти черти могутъ быть страшны для враговъ Посполитой Рѣчи, а не для отечества.

— Надѣюсь, теперь не страшны,—зло засмѣялся князь скрипучимъ, сухимъ хохотомъ,—я сбилъ имъ рога.

— Они могутъ быть преданы, клянусь, пане княже,—душевнымъ голосомъ пробовалъ тронуть князя Богданъ,—сердце козачье признательно и благородно ..

— Лживо, вѣроломно!—перебилъ Вишневецкій.

— Если и бывали такіе печальные случаи, ясный княже, то козаки въ этомъ брали примѣръ у своихъ вельможныхъ наставниковъ.

— Что-о?—вскипѣлъ князь.

— Ваша княжеская милость проститъ... Я грубъ, быть можетъ, и не умѣю прикрасить правды притворною лестью; но почему же все козачество и весь нашъ народъ не повѣритъ никакимъ клятвамъ кононниковъ, ни ихъ цѣлованью креста, а повѣритъ лишь одному слову князя Яремы? Потому что князь Ярема никогда въ жизни его не ломалъ, потому что его слово и на землѣ, и у Бога святыня!

— Такимъ и должно быть шляхетское слово!—сказалъ торжественно мягкимъ тономъ Ярема, польщенный и покраснѣвшій даже отъ удовольствія. Слова козака помазали его душу нѣжнымъ, душистымъ елеемъ, и у него промелькнула невольная мысль: однако, мнѣ не приходило въ голову, что между хлопами могутъ быть такіе цѣнители!

— Но таково ли оно у другихъ вельможныхъ пановъ,—ясноосвѣщоный князь хорошо знаетъ... потому-то, хотя всякъ изъ насъ трепещетъ при имени князя Яремы, но за то—за одно его ласковое слово всякъ отдастъ и жизнь... Пусть попробуетъ ваша княжья милость оказать милосердіе, и онъ пріобрѣтетъ такихъ вѣрныхъ слугъ, какихъ ему не купить за деньги.

— Можетъ быть; твоя прямота мнѣ по сердцу; но пощадить этихъ гнусныхъ хлоповъ, бутовщиковъ и измѣнниковъ—это невозможная жертва.

— Римъ только тогда окрѣпъ въ своемъ величіи, когда началъ щадить плебеевъ,—тихо и вкрадчиво вставилъ Хмельницкій.

Вишневецкій угрюмо молчалъ и всматривался въ яснѣвшую даль, гдѣ виднѣлись уже сизою лентой въ туманѣ луга. Хмельницкій не спускалъ съ него испытующихъ глазъ; надежда начинала шевелиться въ душѣ.

— Нѣтъ, этихъ мерзавцевъ... это рабское племя... servum pecus... истребить нужно,—буркнулъ какъ бы самъ себѣ Ярема,—да и можетъ ли изъ этихъ гадюкъ выбраться преданный?

— Ваша княжеская милость можетъ убѣдиться... Я головой ручаюсь за Бурлія, за Пешту,—началъ было Богданъ, но прикусилъ языкъ, замѣтивъ зловѣщее выраженіе глазъ у Яремы.

Не долго, впрочемъ, продолжалось грозное молчаніе. Вишневецкій обернулся назадъ и крикнулъ:

— А, ну, гайда по-Яремовски!

Этому приказу обрадовался Хмельницкій; онъ безъ словъ вонзилъ „остроги“ въ бока коню и быстро помчался впередъ.

Начиналъ падать мелкій дождикъ; снѣгъ покрывался тонкою, блестящею корой, которая проламывалась подъ копытами, но, не смотря на трудность движенія, Бѣлашъ несъ своего хозяина все впередъ и впередъ.

— Племя рабовъ! Племя рабовъ! — слетѣло нѣсколько разъ со сжатыхъ устъ Богдана. — Но если встанутъ рабы, — горе патриціямъ тогда!

Уже глазъ его различалъ между сизыхъ и бѣлыхъ тоновъ темную полосу рѣки, уже начали направо и налѣво попадаться торчащіе камни, путь становился неровнымъ, обрывистымъ и требовалъ большой осторожности при движеніи, — а вотъ и крутой спускъ. Богданъ поѣхалъ шагомъ и черезъ нѣсколько минутъ остановился на обрывистомъ берегу. У ногъ его развернулась величественная картина. Могучая рѣка, сдавленная каменными берегами, дѣлала въ этомъ мѣстѣ рѣзкій поворотъ на югъ и съ дикимъ ропотомъ билась о заступавшія ей преграды. Тамъ, вверху, гдѣ за колѣномъ она сливалась съ горизонтомъ, виднѣлось поле вздувшагося, посинѣвшаго льда, здѣсь же клокотали и вздымались холодныя, сѣрыя волны, стремясь бѣшено на югъ; неуклюжія льдины сталкивались другъ съ другомъ, и ихъ зловѣщее шуршаніе доносилось ясно до слуха.

На противоположномъ берегу угрюмой рѣки вырѣзывалась на выдававшемся скалистомъ берегу такая же угрюмая, какъ свинцовыя волны, и такая же мрачная, какъ нависшее небо, каменная громада. Богданъ сразу узналъ крутой берегъ, но это выросшее на немъ каменное страшилище?... Откуда оно? Какъ появилось? Какъ посмѣло усѣсться здѣсь на порогѣ къ ихъ вольной волѣ?

Конечно, онъ слыхалъ не разъ объ этой воздвигнутой вновь твердынѣ; но видъ ея здѣсь, воочію, поразилъ его до глубины души.

Молча стоялъ Богданъ, какъ окаменѣлый, — и глаза его не могли оторваться отъ грозныхъ стѣнъ: онѣ подымались, словно изъ воды, волны набѣгали и бились о нихъ, но плескомъ своимъ не достигали ихъ подножія; только клочки грязной пѣны и спутанныхъ водорослей покрывали скалистые берега этой твердыни. Грозный четыреугольникъ острымъ ребромъ врѣзывался въ пучину и мрачно смотрѣлъ своими бойницами на оба колѣна рѣки; громадныя, темныя четыреугольныя же башни подымались надъ нимъ высоко и

сурово господствовали надъ окрестностью; флаги ихъ, теребимые вѣтромъ, кичливо развѣвались надъ массой бушующей воды, а издали съ юга доносился глухой, угрожающій рокотъ,—это ревѣлъ Кодацкій порогъ.

Прискакалъ и князь Іеремія; онъ осадилъ своего коня и также застылъ въ восторгѣ; но не широкая картина плѣнила его, а мрачныя башни-твердыни.

— Ну, что?—обратился онъ, наконецъ, къ Богдану,—залюбовался вацпанъ фортецей?

— Заслушался рева пороговъ, ясноосвѣцоный княже,—отвѣтилъ Богданъ.

— Ха, ха, ха!—коротко усмѣхнулся Вишневецкій.—Всѣ пороги твои передъ этимъ порогомъ—ничто!—показалъ онъ рукою на крѣпость.—Попробуй-ка, вацпанъ, мимо пройти.

Богданъ молчалъ.

— Однако,—вскрикнулъ Вишневецкій,—какъ намъ переправиться?

— Черезъ Днѣпръ здѣсь невозможно, ясный княже, а полагаю вверхъ за милю, у старой Самары, или паромомъ, или, быть можетъ, по льду.

— А! Двѣсти перуновъ! Тащиться кругомъ, когда здѣсь рукою подать!

— Другого способа не вижу,—замѣтилъ Хмельницкій,—здѣсь паромовъ нѣтъ, а какъ же переправиться возамъ, войскамъ, арматѣ?

— Ну, обозъ... но я?—нетерпѣливо и рѣзко воскликнулъ Вишневецкій,—неужели здѣсь не сыщется ни одной дырявой лодки?

— Я поищу; смѣю увѣрить княжью мосць, что, если хоть одна притаилась здѣсь, я приволоку ее сюда!

Богданъ слѣзъ съ коня, отдалъ его Ахметкѣ и спустился внизъ.

Приблизился и обозъ и, получивъ приказаніе, отправился вверхъ по берегу Днѣпра.

А Іеремія все стоялъ, ожидая появленія Богдана. Черезъ нѣсколько минутъ показался послѣдній въ сопровожденіи дѣда-рыбака.

— Я привелъ къ вашей княжеской милости вотъ „дила рыбалку“; у него есть здѣсь у берега два челна: одинъ—негодная душегубка, а другой—небольшой „дубокъ“ на три гребки, человѣкъ на двадцать; но дѣдъ говоритъ, княже, что въ такое время и въ такой вѣтеръ безумно-опасно перерѣзать Днѣпръ у самого носа порога.

— Такъ, такъ, вельможный пане,—кивнулъ головою и дѣдъ съ длинными сѣдыми усами и однимъ лишь клокомъ серебристыхъ

волосъ на совершенно обнаженномъ черепѣ,—сердитъ сегодня нашъ „дидъ“, ажъ пѣнится, да лютуетъ.

— Почему? — усмѣхнулся Іеремія, обратясь къ Хмельницкому.

— Порогъ реветъ, — понизилъ голосъ Богданъ.

— Реветъ? И думаетъ испугать Іеремію?—вскинулъ тотъ на Богдана холодные, надменные глаза и крикнулъ громко и непріятно:—Гей, хлопцы, готовьте „дубокъ“!

— Ой, пане,—закачалъ головою старый рыбакъ,—какъ бы бѣды не приключилось! Вѣдь тутъ нужно на весла такихъ сильныхъ, да опытныхъ рукъ, какія врядъ ли у пана найдутся, а на корму нужно знающаго, да крѣпкаго человѣка, съ немалой отвагой.

— Ахъ, ты, старый песъ, хамское быдло! Чтобы у князя Яремы не было такихъ храбрецовъ? А, я покажу тебѣ!.. Гей,— обратился онъ къ подъѣхавшимъ латникамъ и драгунамъ,—кто изъ васъ сядетъ на весла со мной въ лодку? Мнѣ нужно отважныхъ силачей.

Всадники смѣшались, начали перешептываться, указывая на клокочущую стремнину, и нерѣшительно топтались на мѣстѣ.

— Ну!—крикнулъ, побагровѣвши, нетерпѣливо Ярема:—Я жду, или ихъ нѣтъ?

Выѣхали впередъ шесть всадниковъ; видъ ихъ былъ по истинѣ богатырскій и вселялъ довѣріе къ ихъ силамъ; за первыми шестью двинулись смѣло и остальные, но Вишневецкій остановилъ ихъ грознымъ жестомъ.

— Назадъ! Ненужно и поздно!—презрительно крикнулъ онъ и началъ осматривать шестерыхъ.—Ты и ты, да товарищъ панцырной хоругви на весла!—указалъ онъ на двухъ здоровенныхъ жолнеровъ и на пана Зарембу.—Коня къ обозу—соскочилъ онъ съ сѣдла,—и за мною къ этому „дубку“! А вацпанъ, вѣроятно, не желаетъ дразнить свой порогъ?—обратился Вишневецкій къ Богдану, прищуривъ глаза.

— Напротивъ, я хотѣлъ предложить княжьей милости быть рулевымъ,—поклонился Богданъ:—гдѣ пройдетъ князь Іеремія, тамъ безопасны всѣ пути.

— Такъ,—сжалъ брови Вишневецкій и, протянувъ величественно руку въ ту сторону, откуда доносился глухой ревъ Кодака, произнесъ рѣзко и злобно:—клянусь своимъ патрономъ, мы сметемъ всю эту сволочь, какъ буря сметаетъ придорожную пыль!

— Я бы просилъ мосци князя,—замѣтилъ сдержаннымъ голосомъ Хмельницкій,—не слишкомъ отягчать „дубокъ“.

— Насъ поѣдетъ только пятеро,—кивнулъ князь головою,— да вотъ шестого захватить нужно—этого стараго пса! Взять его и выбросить за бортъ посреди нѣ! Ѣдемъ!

Молча двинулись всѣ за княземъ къ Днѣпру, поручая души свои единому Господу Богу.

Когда челнъ стоялъ у берега, разстояніе до Кодака казалось недалекимъ, но когда отчалилъ „дубокъ", и смѣлые пловцы очутились среди рвущихся, бушующихъ волнъ, Кодакъ показался такимъ далекимъ, а Днѣпръ такимъ безконечно широкимъ, что холодный ужасъ сжалъ не одно сердце. Не испытывали страха только два человѣка: князь Іеремія и Богданъ.

Іеремія стоялъ на носу. Его короткій сѣрый плащъ развѣвалъ вѣтеръ; руки были скрещены на груди. Лица его не было видно; онъ стоялъ спиною, но по увѣренной и безпечной осанкѣ видно было, что опасность пути даже не приходила ему на умъ.

Богданъ сидѣлъ на кормѣ, опираясь на весло. Въ безстрашномъ взорѣ его горѣлъ мрачный огонь; у ногъ козака помѣщался дѣдъ и подслѣповатыми глазами равнодушно смотрѣлъ въ темную бездну. Громадныя льдины ежеминутно грозили опрокинуть челнъ, и требовалась рѣдкая смѣлость и умѣнье, чтобы лавировать среди нихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ подвигаться впередъ. А снизу доносился грозный ревъ и, казалось, онъ подавалъ дружескій голосъ Богдану, и этотъ голосъ твердилъ козаку все одно и одно: „спусти челнъ, отдай мнѣ мою добычу... я вашъ вѣрный другъ... я вамъ помогу"... и отъ этой мысли кровь приливала къ лицу козака и въ головѣ раздавался неотвязный шумъ.—Да, видѣть ужасъ смерти на этомъ холодномъ, блѣдномъ, безстрастномъ лицѣ, услыхать этотъ металлическій голосъ съ жалкимъ воплемъ о помощи и крикнуть ему надменно: „ты, что народы сметаешь, неужели не можешь пороговъ смести?"—О, за такое мгновенье можно полъ-жизни отдать! Но самъ онъ? Эхъ, разъ мать родила, разъ и умирать въ жизни... да можетъ еще и смилуется батько... Но прочь, прочь, безумныя мысли,—провелъ Богданъ рукою по лбу,—онѣ достойны лишь юноши, а не зрѣлой козацкой головы! Однимъ несдержаннымъ взмахомъ порвать сразу такъ долго возводимое зданіе и утерять на вѣки довѣріе шляхты... Нѣтъ нѣтъ! Пока здѣсь крѣпокъ разсудокъ—въ ножны мой гнѣвъ!

Между тѣмъ двигаться дальше становилось все опаснѣе и опаснѣе. Вѣтеръ крѣпчалъ; льдины взбирались одна на другую, волны подымались и падали съ глухимъ и затаеннымъ ревомъ, и сѣдая щетина подымалась на нихъ. Лодка шаталась и трещала, гребцы оказались хотя и сильными, но совершенно неумѣлыми людьми. Весла подымались и опускались не разомъ, перескакивали, путались; не получая равномѣрныхъ и вѣрныхъ толчковъ, лодка двигалась какими-то зигзагами. Кромѣ того, съ каждымъ ударомъ разъяренной

волны покидало гребцовъ и мужество. У одного изъ нихъ отъ неумѣлаго усердія переломалось весло: — Насъ сноситъ, — крикнулъ онъ, полный ужаса, держа въ рукѣ круглый обломокъ.

— Нѣтъ силы бороться съ теченьемъ!—крикнулъ другой.

И въ тонѣ этого крика храбраго жолнера было столько ужаса, что самъ Іеремія обернулся. Дѣйствительно, у выбившихся изъ силъ гребцовъ весла выпадали изъ рукъ; одинъ только Заремба, зажмуривъ глаза, все еще старался грести, но теченіе съ неудержимою силой уносило челнокъ внизъ. Козацкая крѣпость оставалась уже высоко за нимъ.

— Клянусь св. Папой,—крикнулъ Іеремія,—намъ угрожаетъ гибель! Ваціане, что это значитъ?—обратился онъ къ Богдану, сжимая брови, хватаясь за эфесъ.

— Теченіе сноситъ, устали гребцы, — коротко отвѣтилъ Богданъ.

— Я ихъ вышвырну за бортъ и самъ сяду на весла!—двинулся, пошатнувшись, Іеремія.

— Напрасно, ясный княже: здѣсь отвага не пособитъ горю.

— Но что-же дѣлать?

— Напрячь всѣ силы и хладнокровіе,—прищурилъ глаза Богданъ, налегая на весло; но, не смотря на всѣ усилія, ему не удавалось повернуть лодку: вода за кормою и пѣнилась, и вставала грозной волной.

Благодаря послѣднимъ усиліямъ рулевого, они еще держались на одномъ уровнѣ; но каждое мгновенье теченіе грозило снести ихъ, какъ соринку, внизъ на порогъ.

— Нѣтъ, сноситъ, сноситъ! — позеленѣлъ Вишневецкій, и желтыя пятна на щекахъ его стали бѣлыми.—Спускайтесь внизъ... къ берегу... мы бросимся вплавь! —крикнулъ онъ, скидая панцырь на дно.

— Стой, княже! Погибнешь!—раздался вдругъ металлическій голосъ Хмельницкаго. Онъ стоялъ во весь ростъ, передавая „диду“ рулевое весло. Шапку его сорвалъ вѣтеръ; лицо было блѣдно; на лбу между бровей легла глубокая складка; глаза изъ-подъ черныхъ рѣсницъ горѣли отважнымъ огнемъ. Во всей осанкѣ его было столько гордой смѣлости и силы, что Іеремія не узналъ въ немъ того дипломата-козака, который такъ почтительно разговаривалъ съ нимъ. Прекрасенъ былъ козакъ въ это мгновенье, и Вишневецкій невольно воскликнулъ въ душѣ: „король!“—и въ то же самое мгновенье въ глубинѣ ея шевельнулась какая-то смутная вражда.

А голосъ Богдана раздавался, между тѣмъ, коротко и рѣзко:— Гребцы долой! Пересѣсть на корму! На весла пусти!

Этотъ увѣренный, могучій голосъ, казалось, ободрилъ гребцовъ. Весла дружно поднялись въ воздухѣ и упали въ лодку. Передовые гребцы перешагнули въ кормѣ. Богданъ распахнулъ свой кунтушъ, однимъ движеніемъ сбросилъ его на дно челна, поднялъ глаза къ свинцовому небу, перекрестился широкимъ козацкимъ крестомъ и опустился на переднюю скамью.

— Ну, батько-Славута, не выдавай!—крикнулъ онъ громко и поднялъ весла.

Какъ крылья могучей птицы, широко взлетѣли длинныя весла и съ шумомъ упали на кипящую поверхность рѣки. Съ силою откинулся козакъ, затрещали гребки, вздрогнулъ „дубокъ“, и покачнулись всѣ отъ короткаго толчка. Еще и еще разъ поднялись и ударили по кипящей водѣ весла; не брызги, а сѣдая пѣна клочьями полетѣла съ нихъ, — и „дубокъ“ со стономъ двинулся впередъ.

— Гей, пане Заремво,—раздался снова зычный голосъ Богдана,— на вторую гребку! Наляжь!...

Вѣтеръ рванулъ высокую волну и обдалъ ею гребцовъ.

— Добре!—раздался одобрительный крикъ дѣда съ кормы,— добре, козаче, такъ добре, что ажъ весело!

— Гей, кто тамъ, распахните мнѣ грудь!—махнулъ Богданъ головою ближайшему жолнеру.

Отъ чрезмѣрныхъ усилій на лбу у Богдана выступили капли крупнаго пота, могучая грудь подымалась сильно и тяжело, но лицо было блѣдно и спокойно, а голосъ, и сильный, и рѣзкій, какъ звонъ металла, раздавался сквозь ревъ бури, сквозь грозный шумъ Кодака...

Изъ крѣпости между тѣмъ замѣтили безстрашныхъ пловцовъ. На широкихъ валахъ столпились изумленные воины, слѣдя за отчаянною борьбой челнока... Порывы вѣтра доносили къ нимъ ободряющіе крики Богдана; изъ глубины пѣнящихся волнъ раздавалось увѣренно и смѣло: „Гей, пане, наляжь!“ Вотъ налетѣла волна, скрылся на мгновенье челнокъ и снова взлетѣлъ на ея вершину. Прошло нѣсколько тягостныхъ минутъ, и лодка перелетѣла бурную середину рѣки и понеслась наискось къ Кодаку.

Когда „дубокъ“ ударился носомъ о кручу, и Іеремія вышелъ на берегъ, его встрѣтила тамъ цѣлая процессія.

Подъемныя ворота замка были спущены. Впереди всѣхъ стоялъ старикъ наружности видной и величавой. Сѣдая борода обрамляла полное и свѣжее лицо; изъ-подъ сѣдыхъ бровей глаза глядѣли разумно и гордо. На брови была надвинута соболья шапка со страусовымъ перомъ; кунтушъ, подбитый соболями, спускался съ плечъ.

За магнатомъ стояли отдѣльно еще двѣ фигуры, обратившія на себя вниманіе прибывшихъ. Одна изъ нихъ была въ одѣяніи ксендза; на головѣ ея была обыкновенная черная, іезуитская шляпа съ широкими полями. Возраста этой личности нельзя было опредѣлить потому, что, хотя въ жидкихъ черныхъ волосахъ, выбивавшихся изъ-подъ шляпы, не виднѣлось сѣдины, но желтая кожа, покрывавшая худое, бритое лицо, была вся въ морщинахъ. Носъ іезуита напоминалъ носъ птицы, а глаза, быстрые и желтые, пытливо разсматривали изъ-подъ полей широкой шляпы новоприбывшихъ гостей.

Другой спутникъ магната былъ среднихъ лѣтъ и средняго роста мужчина, въ сѣромъ суконномъ кафтанѣ; бѣлый воротникъ лежалъ вокругъ его шеи; въ рукѣ онъ держалъ сѣрую шляпу съ такимъ же пером. И по лицу, и по костюму, въ немъ можно было сразу признать иностранца. За ними стройною стѣной стоялъ гарнизонъ крѣпости, съ комендантомъ во главѣ.

— Te Deum laudamus! — напыщенно воскликнулъ іезуитъ, воздѣвая въ небу руки, когда нога Іереміи коснулась земли.

— Привѣтствую тебя, побѣдителя побѣдителей! — обратился къ Вишневецкому сѣдой магнатъ и остановился на мгновенье: магнатъ заикался и выговаривалъ слова съ трудомъ. — Отнынѣ ты сталъ побѣдителемъ не однихъ только смертныхъ, но и грозныхъ стихій!

Іеремія надменно поклонился, обнажилъ голову и отвѣтилъ коротко и сурово, показывая на Богдана:

— Но нынѣ побѣда принадлежитъ по праву не мнѣ, а ему.

Всѣ оглянулись и увидѣли стоявшаго во весь ростъ въ лодкѣ могучаго козака; лицо его пылало отъ жара, а глаза горѣли гордымъ огнемъ.

III.

Въ чистой комнатѣ комендантскаго дома ярко горѣли въ очагѣ сухія, огромныя дрова. Не смотря на денную пору, въ ней не было свѣтло, потому что небольшія, узкія окна, пробитыя почти подъ потолкомъ, пропускали немного мутнаго свѣта; за то отблески громаднаго пламени играли на сѣрыхъ стѣнахъ, и живительная теплота огонька наполняла всю комнату. Убранство ея такъже было сурово и строго, какъ и внѣшній видъ комендантскаго дома. Неуклюжіе, дубовые стулья съ высокими дубовыми спинками, усаженными мѣдными гвоздями, стояли вокругъ стола. Нѣсколько кабаньихъ и лосьихъ головъ да нѣсколько кривыхъ сабель и „гаковницъ“ - пищалей

украшали сѣрыя каменныя стѣны. Небольшая компанія сидѣла у стола. Во главѣ всѣхъ помѣщался вельможный магнатъ, великій коронный гетманъ, главнокомандующій и вмѣстѣ военный министръ, Конецпольскій. Шапки теперь не было на его головѣ, и сѣдые волосы волнисто падали кругомъ, обрамляя высокій и умный лобъ; хотя лицо было все въ морщинахъ, но щеки гетмана покрывалъ сомнительно-тонкій румянецъ, а борода его была тщательно завита и надушена. Гетманъ спокойно поглаживалъ ее, больше слушая, чѣмъ говоря. Князь Іеремія сидѣлъ въ полъ-оборота, закинувши ногу за ногу, и нетерпѣливо подкручивалъ вверхъ свой черный усъ.

Остальные собесѣдники сидѣли почтительно и молчаливо; это были—шляхтичъ въ иноземной одеждѣ—французъ Боплапъ, іезуитъ и панъ Грундзинскій, комендантъ Кодака. Со стола были убраны всѣ блюда, и только металлическіе кувшины да высокіе кубки стояли на немъ.

Разговоръ велся горячо.

— Такъ,—говорилъ отрывисто Іеремія,—козаковъ мы разбили,—мало!—уничтожили, стерли съ лица земли! Все же справедливость отдать имъ надо: подлы, измѣнчивы, но дерутся, какъ дикое звѣрье! Побѣда досталась не дешево. Если-бъ не мои гусары, не знаю, не сидѣлъ ли бы теперь гетманъ Потоцкій у Острянина на колу?

Вишневецкій понизилъ голосъ, и лицо его искривила презрительная гримаса:

— Вѣчно пьяный, разрушающійся старикъ!

— Однако,—замѣтилъ Конецпольскій,—панъ гетманъ польный храбръ и свою доблесть свидѣтельствовалъ не разъ.

— Такъ, панъ гетманъ храбръ,—усмѣхнулся гадливо Іеремія,—но только съ женщинами, а доблесть свою выказалъ лишь въ томъ, что выжегъ всѣ села въ окрестности на семь верстъ и тѣмъ самымъ лишилъ насъ фуража и припасовъ.—Князь отбросилъ голову.—Ха, ха! За такую храбрость я и хорунжаго не хвалю! Подъ Голтвою,—продолжалъ онъ,—они нагоняютъ Острянина. Открыли огонь, заготовили планъ двойного нападенія,—и что же думаетъ коронный гетманъ? Поляки разбиты, во всемъ войскѣ громадный уронъ, семь хоругвей и двѣ нѣмецкихъ роты уничтожены въ лоскъ.

Іеремія остановился, окинувши всѣхъ присутствующихъ короткимъ взглядомъ.

— А мнѣ доносили совсѣмъ иначе,—заговорилъ, запинаясь, гетманъ.

— Ха, ха, ха!—разсмѣялся рѣзко и презрительно Іеремія, отбрасываясь на спинку своего стула:—Доносили!... Я панству скажу

еще лучше! Остряниnъ ушелъ. По дорогѣ къ нему спѣшилъ Путивлецъ, ведя вспомогательное войско и припасы. Перехватываютъ его, осаждаютъ, принуждаютъ къ сдачѣ, рубятъ головы всѣмъ до единаго—и все-таки не рѣшаются ударить на безпомощнаго Острянина! А?!—вскинулъ онъ снова на всѣхъ свои свинцовые глаза и ударилъ тяжелою рукой по столу.—Іеремію зовутъ! Гетманъ безъ Іереміи не рѣшается открыть битвы.

— Не знаю, чему дивится княжья мосць: мужество князя извѣстно по всей Польшѣ,—замѣтилъ сдержанно Конецпольскій.

— И не только въ Рѣчи,—вставилъ иноземецъ,—но и въ другихъ государствахъ.

— И мы оправдали эти слухи!—самодовольно усмѣхнулся князь, прикасаясь къ кубку губами.—Только что прибыли въ обозъ, сейчасъ и двинулись на Острянина. Узнаемъ, что къ нему тянутся еще вспомогательныя войска. Разсылаемъ повсюду ватаги. Гетману удается наскочить на отрядъ Сикирявого. Ну, и что-жь думаетъ панство? Гетманъ оказывается такимъ вѣжливымъ магнатомъ, что хлопъ отбивается отъ поляковъ и въ глазахъ его уходитъ къ Острянину.

Іеремія промолчалъ мгновенье и продолжалъ снова съ возрастающимъ ядомъ въ словахъ:

— Но мы, тысяча дьябловъ, мы не были такъ милосердны! Другой отрядъ натолкнулся на насъ. Загоняемъ въ болото и затѣмъ вытягиваемъ каждаго хлопа по одиночкѣ и рѣжемъ, какъ добрый поваръ цыплятъ.

— Да, князь-то кулинаръ извѣстный,—вставилъ съ ѣдкимъ смѣхомъ гетманъ.

Усмѣхнулись и присутствующіе, а князь продолжалъ, воодушевляясь все больше:

— Подъ Жовниномъ настигаемъ его... оказывается,—становится таборомъ. Начинаемъ битву, успѣхъ на нашей сторонѣ. Что-жъ дѣлаетъ гетманъ? Ха, лучшаго предводителя нельзя было избрать! Три хоругви, три его лучшихъ хоругви, попадаютъ въ козацкій таборъ; полковники сомкнули кругъ, и они остаются тамъ... въ западнѣ. Кто выручай? Іеремія! И клянусь честью,—вскрикнулъ онъ, тяжело опуская кубокъ на столъ,—мы ихъ выручили; но это досталось намъ не легко. Два раза налеталъ я на таборъ, и дважды отбивали меня козаки; но въ третій разъ собралъ я всѣ свои силы и ударилъ въ самое сердце. Не выдержали они, расчахнулись: врываемся въ таборъ и выводимъ польскія хоругви назадъ.

— Хвала достойному рыцарю!—воскликнулъ Конецпольскій.—Твое здоровье, княже!—добавилъ онъ, подымая высоко полный кубокъ.

Князь чокнулся своимъ.

— Да будетъ трижды благословенно небо, за то, что посылаетъ отчизнѣ такого сына!—съ пафосомъ произнесъ іезуитъ.

Всѣ кубки потянулись къ князю. Когда поднявшійся звонъ и заздравныя восклицанія умолкли немного, гетманъ снова обратился къ князю:

— Однако, продолжай, пане-княже: твой разсказъ интересенъ.

— Такъ, настаиваю назначить рѣшительную битву; моментъ прекрасный... въ лагерѣ хлоповъ безпорядки... смѣна атамана. Гетманъ не согласенъ, рѣшается выждать. Мои воины теряютъ терпѣніе. Чего ждемъ? Подкрѣпленій, которыя ведетъ осажденнымъ Скиданъ. Наконецъ, перехватываемъ его, уничтожаемъ, и все-таки битва не назначается! А на слѣдующій день новый атаманъ, хлопъ Гуня,—тысяча и двѣ вѣдьмы ему въ зубы,—вскрикнулъ Іеремія, ударяя кулакомъ по столу,—уходитъ при нашихъ глазахъ. Да какъ уходитъ? Такому отступленію поучиться и нашимъ панамъ. Словно ежъ, поднявшій тысячу иглъ. Бѣшенство охватываетъ меня. Рѣшаюсь дѣйствовать самъ. Мои драгуны узнаютъ, что къ Гунѣ приближается Филоненко, ведетъ много силъ. Поджидаемъ его и встрѣчаемъ на берегу Днѣпра добрымъ фейерверкомъ изъ мушкетовъ и пушекъ. Но прорывается, шельма! Какой-то дьяволъ тайно помогалъ ему. Уходитъ изъ моихъ рукъ... Ну, если бы я нашелъ только этого „доброчинца“,—сверкнулъ Іеремія глазами,—о, посидѣлъ бы онъ у меня на колу! Осаждаемъ козацкій лагерь, томимъ ихъ штурмами, налетами и, разгромивши въ конецъ, заставляемъ сдаться и тѣмъ кладемъ возстанію конецъ.

— Слава, слава вельможному князю!—зашумѣли присутствующіе, наполняя снова высокіе кубки.

— Во всѣхъ тѣхъ слезныхъ бумагахъ, которыя хлопы присылали намъ, они просили возвращенія старыхъ правъ и водворенія греческой вѣры. Гетманъ сказалъ: victor dat leges! А я скажу: пока живъ князь Іеремія, этому не бывать никогда! Бунтовщиковъ не защищаютъ законы! Греческой схизмѣ не торжествовать.

— Сынъ мой,—поднялся іезуитъ, простирая руки надъ княземъ,—благословеніе Господне на тебѣ! Ты—истинный сынъ католической вѣры.

— Такъ, отецъ мой,—отвѣтилъ съ дикимъ восторгомъ князь, и лицо его засвѣтилось какою-то фанатическою ненавистью.—Клянусь, что по крайней мѣрѣ въ моихъ владѣніяхъ схизмѣ не бывать!

— Но мосци-князю обратить ихъ не удастся,—возразилъ Конецпольскій.—Хлопы упорны и за свою схизму держатся больше, чѣмъ за свою жизнь.

— О,—поднялъ глаза къ потолку іезуитъ,—панъ гетманъ правъ: обратить заблудшихъ схизматовъ тяжело и трудно, но за то, какая побѣда для неба, какая награда на небесахъ!

— И оно такъ будетъ!—крикнулъ Іеремія, подымаясь съ мѣста.—Будетъ, именемъ своимъ клянусь!...

Между тѣмъ изъ другой, менѣе парадной избы комендантскаго дома раздавались также военные крики и заздравные тосты; тамъ, по приказу гетмана, комендантъ крѣпости угощалъ начальниковъ княжескихъ хоругвей и Богдана. За дубовымъ столомъ, обильно уставленнымъ яствами и винами, сидѣла веселая компанія. Изъ подозрительнаго козака Богданъ сдѣлался въ глазахъ ихъ преданнѣйшимъ героемъ. Всѣ наперерывъ старались показать ему свое расположеніе и восторгъ передъ его отвагой. Пили за здоровье коронаго гетмана, за здоровье князя, за славу Рѣчи Посполитой и за здоровье спасителя-козака. Но большихъ усилій стоило Богдану скрывать свое волненіе. Однако ни по его веселой улыбкѣ, ни по удачнымъ и тонкимъ отвѣтамъ никто бы не могъ судить о томъ, какая тревога терзала сердце козака, а въ головѣ его неотвязно, неотразимо стояла все одна и та же грозная мучительная мысль: „еще часъ-другой, и плѣнныхъ ввезутъ въ замокъ, и, если ему не удастся вырвать тѣхъ двухъ изъ рукъ князя, онъ пропалъ навсегда“.

Когда пирующіе совершили достодолжныя возліянія Бахусу и нѣкоторые изъ нихъ уже успѣли заснуть на лавкахъ, Богданъ вышелъ незамѣтно изъ избы въ широкій проѣздъ, который раздѣлялъ домъ коменданта на двѣ половины. Изъ парадной хаты слышался рѣзкій голосъ князя: „О, если-бъ я зналъ, какой это „доброчинецъ“ помогалъ Филоненку, посидѣлъ-бы онъ у меня на колу!“ Эту фразу ясно услышалъ Богданъ; невольная дрожь пробѣжала по тѣлу козака, и онъ вышелъ поспѣшно на замковый дворъ. Кругомъ небольшого пространства, занимаемаго дворомъ, подымался высокій земляной валъ, увѣнчанный зубчатою каменною стѣной; она была на столько широка, что четверка могла свободно проѣхать на ней. Вдоль всего вала пробиты были въ стѣнѣ узкія амбразуры, и неуклюжія мѣдныя пушки просовывали въ нихъ свои длинныя жерла. Подъ валами съ внутренней стороны устроены были длинныя и низкія зданія,—конюшни, склады пороховые и помѣщенія для гарнизона.

По четыремъ угламъ крѣпости подымались четыре грозныя башни, сложенныя изъ сѣрыхъ каменныхъ глыбъ. Каждая изъ нихъ дѣлилась на четыре яруса; изъ узкихъ бойницъ вытягивались все тѣ же зеленоватыя жерла пушекъ. Часовые стояли у подъемныхъ мостовъ, на башняхъ и на валахъ.

Грозно глядѣли на Богдана бойницы и башни; грозно подымались неприступные валы и зубчатыя стѣны, и все это, казалось, говорило надменно: „Довольно, оставьте! Вамъ уже не подняться никогда!“

Нѣсколько минутъ Богданъ стоялъ неподвижно, погруженный въ свои тревожныя думы: здѣсь своя жизнь на волоскѣ,—правда, услуга князю даетъ еще надежду; но если онъ не захочетъ помиловать? Если Пешта и Бурлій... А!—провелъ Богданъ по головѣ, словно хотѣлъ прогнать изъ нея эти ужасныя мысли,—А тамъ-то, тамъ что теперь дѣлается? Лютуетъ Потоцкій: казни, муки, кары... Несчастный людъ въ когтяхъ этого изверга... А товарищи—Богунъ, Кривоносъ, Нечай, Чарнота? Ахъ поскорѣе-бы выбраться отсюда туда... въ Чигиринъ...

Громкій голосъ, раздавшійся надъ самимъ ухомъ, заставилъ его очнуться.

— Ба!—услыхалъ онъ,—да никакъ это ты, сватъ Хмельницкій?

И дородный, щеголеватый шляхтичъ весело опустилъ руку на его плечо.

Богданъ вздрогнулъ отъ неожиданности; но, взглянувъ на шляхтича, также постарался вызвать на своемъ лицѣ улыбку.

— Сватъ Чаплинскій! А ты какимъ образомъ здѣсь въ Кодакѣ? Какой бѣсъ дернулъ тебя колесить по степи въ этакую непогодь?

— Я съ гетманомъ; состою въ свитѣ его ясновельможности... Однако, Фортуна и Викторія, какъ я слышалъ, думаютъ, кажется, избрать тебя своимъ возлюбленнымъ! Но,—подмигнулъ шляхтичъ бровью,—двумъ женщинамъ, сватъ, угодить тяжело! Сто тысячъ чертей! Такая услуга князю! Теперь проси только милостей: Іеремія скупиться не любитъ!

— А какихъ мнѣ милостей?—гордо усмѣхнулся Богданъ.—Хвала Богу, все имѣю, добра на козацкую душу хватитъ.

— Вѣрно, счастье, счастье тебѣ, сватъ, — ударилъ его снова по плечу Чаплинскій; но завистливое выраженіе мелькнуло на мгновенье въ его глазахъ.—Что и говорить, знаютъ тебя всѣ, на всю округу, да и гетманъ, сказываютъ, довѣряетъ тебѣ много своихъ дѣлъ.

— Благодареніе Богу, довелось совершить нѣсколько маловажныхъ услугъ его ясновельможности, и онъ, дай Богъ ему вѣкъ здравствовать, не забываетъ меня.

— О, такъ, такъ!—воскликнулъ съ преувеличеннымъ чувствомъ шляхтичъ, подымая къ небу зеленоватые, выпученные глаза.—

Его милость коронный гетманъ — первый рыцарь нашей отчизны! — воскликнулъ онъ умышленно громко и затѣмъ, перемѣнивши сразу голосъ, продолжалъ веселымъ и фамиліарнымъ тономъ: — Однако, что же мы стоимъ съ тобою сватъ, на холодѣ? Я тебя за тѣмъ и искалъ, чтобы угостить славнымъ медкомъ, какого ты врядъ-ли отвѣдывалъ. А, думаю, вкуса къ нему панъ-писарь не потерялъ съ тѣхъ поръ, какъ сталъ приближеннымъ Фортуны? Вѣдь женщины и вино такъ же неразрывно связаны между собою, какъ объятія и поцѣлуи. Ха, ха! — разразился онъ самодовольнымъ смѣхомъ, — и, какъ второе порождаетъ первое, такъ и первое ведетъ ко второму, — ergo, будемъ счастливы для того, чтобы пить, и будемъ пить для того, чтобы быть счастливыми... — и, не дожидаясь отвѣта Богдана, шляхтичъ подхватилъ его подъ руку и пошелъ по направленію къ одной изъ замковыхъ избъ.

Когда кубки были уже два раза осушены и подняты, панъ Чаплинскій откашлялся, отеръ свои торчащіе усы бархатнымъ рукавомъ кунтуша и обратился съ заискивающею улыбкой къ Богдану:

— Да, такъ ты, сватъ, вошелъ теперь въ милость и дальше пойдешь. Чѣмъ Фортуна не шутитъ? Она вѣдь женщина, а законы писаны не для нихъ. Еще и наказнымъ гетманомъ станешь.

— Богъ съ тобою, сватъ, — усмѣхнулся Богданъ, расправляя усы, — куда намъ безправнымъ козакамъ: это вамъ, пышной шляхтѣ!

— Хе, хе! — кивнулъ головой Чаплинскій, — какой ты тамъ, пане-свате, козакъ? Знаю я тебя, знаю! Да ты только шепни теперь князю Яремѣ и нобилитацію получишь. Да вотъ я, хотя и шляхтичъ, да еще такого высокаго герба, а — рыцарское слово, — нѣтъ у меня лучшаго друга, какъ ты...

— Хитрая лиса! — подумалъ Богданъ и отвѣтилъ вслухъ: — И ты въ этомъ не ошибаешься, сватъ, — нѣтъ той услуги, которую я бы не оказалъ тебѣ.

— Во-во-во! — вскрикнулъ шляхтичъ съ оживленнымъ лицомъ, — словно былъ со мною въ пеклѣ! Я только что хотѣлъ просить тебя помочь мнѣ въ маленькомъ дѣлѣ.

— Жалѣю, что оно небольшое.

— Тѣмъ лучше: ловлю товарища на словѣ. Вотъ видишь-ли, у гетмана много новыхъ пустошей, такъ я-бы хотѣлъ того, дозорцей... ну, а ты, сватъ... того... при случаѣ замолви вельможному слово за меня...

— Тысячу словъ для друга, — протянулъ Богданъ Чаплинскому руку.

— Ну, а я тебѣ, сватъ, тоже услужу когда-нибудь въ дѣлѣ, знаешь, manus manum, — подмигнулъ Чаплинскій, и, потрясши руку

Богдана, наполнилъ снова оба кубка,—ну, а теперь, выпьемъ еще, сватъ!

Богданъ чокнулся съ своимъ уже развеселившимся шляхтичемъ и произнесъ вскользь небрежнымъ тономъ: —Эхъ, досада мнѣ, пане свате, такая досада, что, кажись, коня своего любимаго отдалъ-бы, чтобы избавиться отъ нея...

— А что тамъ сталось? Какая досада?! Edite, bibite, да и все тутъ!—стукнулъ Чаплинскій кубкомъ по столу.

— Вотъ видишь-ли, среди плѣнныхъ князя попались два товарища моихъ, людей нашихъ, знаешь... ужь какъ они, сердечные, въ лагерь Гуни забрались,—дивиться надо. Только князь, накрывши ихъ сѣтью, рѣшилъ прикончить всѣхъ. А мнѣ эти два—во, какъ нужны! Думаю просить за нихъ князя. Такъ не скажешь-ли ты тоже за нихъ словечко? Вѣрные люди, ручаюсь за нихъ головой!

— О, всенепремѣнно!.. Росъ съ ними, жилъ съ ними, козаковъ подлыхъ вмѣстѣ локшили, слово гонору, какъ честный дворянинъ! —заговорилъ уже заплетающимся языкомъ Чаплинскій.

Вдругъ дворъ крѣпости наполнился сильнымъ шумомъ; раздался сухой грохотъ колесъ по замерзлой землѣ и звонъ желѣзныхъ цѣпей. При этомъ звукѣ въ глазахъ Богдана мелькнулъ какой-то затаенный огонекъ, мелькнулъ на мгновенье и угасъ.

— Что это?—изумился Чаплинскій.

— Плѣнные князя,—отвѣтилъ Богданъ.

— А, бунтари!—покачнулся Чаплинскій, подымаясь съ своего мѣста и опрокидывая деревянную скамью.—Любопытно взглянуть на это быдло. Пойдемъ!

Ничего не отвѣтилъ Богданъ на эти слова и, только надвинувши шапку, быстро прошелъ впередъ.

Въ сѣняхъ къ нимъ присоединилось еще нѣсколько гетманскихъ и княжескихъ поручниковъ.

На широкій дворъ одна за другой въѣзжали телѣги съ закованными плѣнниками. На нѣкоторыхъ изъ нихъ были едва наброшены свитки и сквозь разорванную рубаху то тамъ, то сямъ виднѣлась красная, мерзлая грудь; другіе сидѣли просто въ однѣхъ лишь рубахахъ, синіе, окоченѣвшіе, съ цѣпями на рукахъ. Кое-гдѣ виднѣлась обмотанная тряпками голова или окоченѣвшая нога. Среди первой повозки лежалъ умершій по дорогѣ, не снятый съ воза козакъ. Его незакрытые, застывшіе глаза съ какимъ-то широкимъ ужасомъ глядѣли на свинцовое небо. Товарищи сбились на возу въ кучу, стараясь не прикоснуться къ его мертвому, холодному тѣлу.

Замковая прислуга и гарнизонъ размѣстились на валахъ замка; насмѣшки и остроты раздавались со всѣхъ сторонъ.

— Фу ты, вѣтеръ какой пронзительный!—сказалъ Чаплинскій, кутаясь въ свой кунтушъ.—Дуетъ, словно бравый драгунъ въ трубу. И къ чему это князь бралъ столько плѣнныхъ?

— Хотѣли выпытать у нихъ кое-что,—отвѣтилъ молоденькій хорунжій,—но вѣдь эти хлопы упрямы, какъ бараны: у нихъ скорѣе вырвешь языкъ, чѣмъ лишнее слово.

— Совершенное быдло!—бросилъ презрительно Чаплинскій.

По мѣрѣ того, какъ въѣзжали повозки, возростали шутки и остроты.

Шумъ въѣзжающихъ повозокъ услышанъ былъ и въ парадномъ залѣ комендантскаго дома.

— Это что за шумъ?—изумился Конецпольскій.

— Мои плѣнные,—отвѣтилъ Іеремія,—послѣдніе остатки козацкихъ войскъ.

— О, не послѣдніе!—возразилъ гетманъ.—Они, говорятъ, собрались теперь на Запорожьѣ въ чрезвычайномъ числѣ.

— На Запорожьѣ? Объ этомъ-то именно я и хотѣлъ переговорить съ гетманомъ,—перебросилъ Іеремія ногу за ногу и началъ говорить, подкручивая свой тонкій усъ:—время теперь удобное, хлопство мы разгромили; покуда они еще не успѣли оглянуться, надо разбить ихъ главное гнѣздо; со мною отборныя силы... драгуны, гусары, армата. Такъ! для этого я и спѣшилъ въ Кодакъ, чтобы предложить пану коронному гетману соединиться и двинуться вмѣстѣ на нихъ.

— Какъ?—изумился гетманъ.—Его мосць князь предлагаетъ двинуться на Запорожье сейчасъ, не дожидаясь весны?

— Мое правило: ошеломлять врага быстротой.

— О, нѣтъ,—возразилъ Конецпольскій,—опытъ мой совѣтуетъ мнѣ всегда брать въ друзья осторожность: этотъ другъ не измѣняетъ никогда. Прошу тебя, княже, повремени: въ Чигиринѣ мы соберемъ сеймикъ.

— А покуда мы будемъ собирать сеймы и рѣшать давно рѣшенныя дѣла,—ѣдко перебилъ Іеремія,—хлопы снова сплотятся воедино, и снова возгорятся бунты?

— Послѣднее пораженіе не дастъ имъ поправиться скоро, да и, главное, отправиться теперь на Запорожье съ войскомъ нѣтъ никакой возможности.

— Почему?

— Водою нельзя, сухимъ путемъ еще того хуже. Надо дожидаться весны.

— Великому гетману передали, вѣроятно, невѣрные слухи,— порывисто заговорилъ Іеремія, покручивая свою острую бородку,— насчетъ этого мы получимъ сейчасъ самыя вѣрныя извѣстія... Гей, позвать мнѣ пана-писаря!—скомандовалъ онъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Богданъ въ сопровожденіи Чаплинскаго вошелъ въ комнату. Чаплинскій остановился у порога, а Богданъ прошелъ впередъ.

— Поднести вацпану кружку вина!—скомандовалъ Іеремія.

Слуга наполнилъ кубокъ и подалъ его пану писарю.

Богданъ поднялъ его высоко и произнесъ голосомъ звучнымъ и громкимъ:—Здоровье его величества, всей Рѣчи Посполитой и ея „оборонцевъ“!

Всѣ наклонили головы; но тостъ, казалось, пришелся не по душѣ.

Выпивши и передавши слугѣ кубокъ, Богданъ поклонился и вручилъ Конецпольскому пакетъ и письмо.

— А, рейстровые списки!—произнесъ гетманъ, сломалъ восковую печать, просмотрѣлъ листъ, пробѣжалъ письмо глазами и обратился весело къ Богдану:—Ну, я радъ видѣть тебя, вацпане; радъ услышать о томъ, что мой воинъ принесъ такую услугу князю, и радъ тѣмъ паче, что мужество твое не ослабѣло!

Хмельницкій поклонился.

— Присоединяюсь къ мнѣнію князя,—произнесъ громко и небрежно Вишневецкій,— вацпанъ показалъ сегодня свою отвагу и, надѣюсь, онъ покажетъ намъ ее и при болѣе важномъ случаѣ.

— Осмѣливаюсь возразить Его Княжьей Милости,—произнесъ Богданъ, и брови Іереміи непріязненно сжались при этихъ словахъ,— осмѣливаюсь возразить,—продолжалъ Богданъ спокойно,—что болѣе важнаго случая въ своей жизни я не предвижу, ибо можетъ ли сравниться уничтоженіе даже цѣлаго непріятельскаго войска со спасеніемъ славнѣйшаго защитника отчизны?

Чело Іереміи разгладилось; высокомѣрная улыбка пробѣжала по лицу.

— Вацпанъ находчивъ,—вскрикнулъ онъ весело,—и вовремя напомнилъ объ услугѣ: Іеремія въ долгу не останется и не забудетъ награды.

Какое-то насмѣшливое выраженіе мелькнуло на минуту въ глазахъ Богдана, но онъ отвѣтилъ спокойно:

— Похвала такихъ доблестныхъ рыцарей—лучшая награда для козака; но въ этотъ разъ я позволяю себѣ обратиться къ княжеской милости съ одной просьбой.

Богданъ остановился.

— Проси,—произнесъ Іеремія высокомѣрно, отбрасываясь на спинку своего кресла.—У князя Іереміи хватитъ власти, чтобы удовлетворить твою просьбу.

Богданъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ.

— Среди плѣнныхъ яснѣйшаго князя попались два вѣрныхъ, покорныхъ козака,— Пешта и Бурлій; я ихъ знаю, я могу поручиться за нихъ, какъ за вѣрныхъ слугъ отчизны и короля, и хотѣлъ бы просить князя объ освобожденіи ихъ.

— Вѣрныхъ слугъ!—холодно усмѣхнулся Вишневецкій.—Какъ же это они очутились въ одной шайкѣ съ бунтовщиками?

— Они торопились сообщить князю о приближеніи Филоненка и были сами схвачены имъ въ плѣнъ и приведены въ козацкій станъ.

— Почему же они до сихъ поръ молчали объ этомъ?

— Говорили; но никто не донесъ ихъ словъ до княжескихъ ушей.

— А кто и теперь поручится за справедливость ихъ?

— Я,—отвѣтилъ Богданъ, отступая назадъ:—вотъ этою головой.

— Если мое скромное свидѣтельство можетъ что-нибудь значить для его княжеской милости, то я прибавляю тоже,— говорилъ, кланяясь, Чаплинскій,—что у этихъ двухъ вѣрныхъ рыцарей кромѣ наружности, нѣтъ ничего общаго съ быдломъ.

Іеремія молчалъ.

— Что-же, княже?—вступился и Конецпольскій.—Хмельницкаго я знаю; бунтовщиковъ онъ не станетъ защищать.

Іеремія смѣрилъ Богдана взглядомъ съ ногъ до головы и произнесъ сквозь зубы:—Я не люблю прощать; но далъ тебѣ слово, а слово Іереміи—законъ: твои козаки свободны... Пане Заремба,— обратился онъ къ одному изъ своихъ офицеровъ,—передать мой приказъ!

— И ваша княжеская милость найдетъ въ нихъ самыхъ вѣрныхъ, преданныхъ слугъ,—поклонился Богданъ; лицо его осталось спокойно, тогда какъ въ груди вспыхнуло цѣлое пламя жизненныхъ силъ: снова свободенъ, безопасенъ! И сколько славныхъ лѣтъ, сколько дѣлъ впереди! О, скорѣе бы изъ этого Кодака! Скорѣе-бы въ Чигиринъ, на Украину! Пока у козаковъ умныя головы на плечахъ еще погибло не все!

— Однако, къ дѣлу—прервалъ его размышленія Вишневецкій.—На Сѣчь теперь добраться возможно?

— Одному человѣку, но войску никогда.

— Какъ? Мои гусары!

— Законы природы для всѣхъ равны: до весны въ Запорожье не проникнетъ никто.

— Вотъ видишь ли, княже, потому я и прошу тебя еще разъ: отложи свои планы на время, ѣдемъ вмѣстѣ со мной, сдѣлай мнѣ честь, посѣти мой домъ. Письмо отъ сына заставляетъ меня еще поторопить свой отъѣздъ, и я надѣюсь, что, собравшись въ Чигиринѣ, мы рѣшимъ, когда и какъ назначить походъ.

— Хорошо,—отвѣтилъ коротко Іеремія.—Пусть будетъ такъ. Я ѣду съ паномъ гетманомъ, но подъ однимъ условіемъ, что этимъ мы только откладываемъ разгромъ Запорожья, а такъ или иначе оно погибнетъ, ибо уже ударилъ его смертный часъ.

Громадное, обуглившееся полѣно обвалилось въ очагъ, и цѣлый фонтанъ огненныхъ искръ поднялся къ верху, наполнивъ комнату красноватымъ свѣтомъ, и на фонѣ этого зарева вырѣзалась вдругъ передъ княземъ черная фигура козака, съ плотно сомкнутыми устами, съ бровями, сжатыми надъ переносицей, и въ этомъ огненномъ сіяніи она показалась Іеремію зловѣщею и мрачною, и спокойный видъ ея поднялъ въ душѣ князя безпричинный, непонятный гнѣвъ...

Конецпольскій продолжалъ доказывать:

— Не вижу даже и причины такъ опасаться Запорожья; съ тѣхъ поръ, какъ построена эта твердыня, повѣрь, княже, объ нее сломаютъ зубы дикіе волки!

— Однако, они уже разъ ее порѣшили,—усмѣхнулся ѣдко Іеремія.—Мнѣ помнится, что козакъ Сулима разъ уже сжегъ Кодакъ.

— Но старый Кодакъ не имѣетъ ничего общаго съ этимъ.

— Осмѣлюсь доложить княжеской свѣтлости,—произнесъ и иноземецъ,—твердыня выстроена по всѣмъ послѣднимъ образцамъ. Она можетъ выдерживать осаду стотысячнаго войска и безъ измѣны взять ее нельзя никогда.

— Князь еще не видѣлъ крѣпости,—продолжалъ Конецпольскій.—Но если онъ осмотритъ всѣ укрѣпленія, то перемѣнитъ свое мнѣніе,—ручаюсь въ томъ.

— Охотно, охотно!—согласился Іеремія,—но,—здѣсь князь остановился, точно его голову осѣнила какая-то блестящая мысль, и вдругъ все его блѣдное лицо освѣтилось злобной улыбкой,—но она не вполнѣ закончена,—произнесъ онъ медленно, отчеканивая каждое слово,—и не имѣетъ угрожающаго вида.

Нѣкоторое молчаніе послѣдовало за словами князя,—до того онѣ показались присутствующимъ непріятными и необъяснимыми

— Несогласенъ съ княземъ,—съ досадою проговорилъ Конецпольскій,—и еслибъ терпѣло время, я предложилъ бы князю заставить своихъ драгунъ штурмовать крѣпость и, бьюсь объ закладъ на сотню турецкихъ коней, они остались бы подъ стѣнами вплоть до самой весны.

— Крѣпость неприступна,—повторилъ снова Бопланъ.

— А я все таки остаюсь на своемъ,—также медленно отчеканилъ Іеремія, наслаждаясь всеобщимъ недовольствомъ,—и если панъ коронный гетманъ позволитъ мнѣ, я хочу указать и исправить ошибку.

— Весьма радъ,—холодно произнесъ Конецпольскій,—но боюсь, что затѣя князя задержитъ нашъ путь.

— О, нѣтъ,—съ надменной улыбкой поднялся князь,—Іеремія не заставляетъ себя ждать никогда!

Присутствующіе молчали; досада на чрезмѣрную гордость князя наполняла всѣ сердца.

— Я только отдамъ приказаніе,—и Іеремія направился было къ двери, но, замѣтивши Богдана, остановился, и снова дьявольскій огонекъ вспыхнулъ въ его свинцовыхъ глазахъ.— Панъ писарь,—обратился онъ къ нему,—я нахожу, что пощада двухъ козаковъ слишкомъ малая награда для тебя,—слѣдуй за мной!

На узкомъ заднемъ дворѣ крѣпости, заключенномъ въ треугольномъ выступѣ стѣны, все было приготовлено къ казни. Посреди стоялъ толстый дубовый пень; отъ него велъ жолобъ для стока крови; на пнѣ лежалъ блестящій и тяжелый бердышъ. Громаднаго роста жолнеръ съ звѣрски-идіотскимъ лицомъ и сдавленною сзади рыжеватою головой, расхаживалъ по двору. Стулъ для князя покрытъ былъ медвѣжьею шкурой. Съ сѣраго неба падалъ едва замѣтный, мелкій, холодный снѣжокъ.

Дубовыя ворота, сдѣланныя въ срединѣ комендантскаго дома распахнулись на двое, и окруженные гарнизономъ появились плѣнные. У нѣкоторыхъ изъ нихъ были такъ сильно отморожены ноги, что они не могли идти и ихъ тащили жолнеры.

Іеремія бросилъ на нихъ полный презрѣнія и ненависти взглядъ; но ни взглядъ князя, ни блескъ тяжелаго бердыша, казалось, не произвели на нихъ никакого впечатлѣнія: они шли и останавливались безучастно и понуро, свѣсивши чубатыя головы на грудь. Нѣкоторые изъ нихъ кутались въ дырявыя свиты, точно хотѣли согрѣться хоть въ послѣднюю минуту жизни.

— Начинай!—подалъ знакъ князь, вытягивая ноги на медвѣжьей полости.

Жолнеры стали въ два ряда.

Плѣнныхъ установили по порядку. Палачъ приподнялъ бердышъ, провелъ рукою по его острому лезвію и, точно пробуя силу своей руки, тряхнулъ имъ въ воздухѣ нѣсколько разъ. Стальная молнія блеснула и угасла. Пару переднихъ плѣнныхъ развязали и сняли съ нихъ цѣпи.

— Вести по одиночкѣ!—скомандовалъ хорунжій.

Двое жолнеровъ подошли и хотѣли схватить подъ руки перваго козака; но онъ оттолкнулъ ихъ съ силой и, расправивши могучія плечи, крикнулъ молодымъ, ожившимъ голосомъ:

— Покуда ногъ не отбили, самъ съумѣю пойти!

Отступились жолнеры; козакъ сдѣлалъ нѣсколько смѣлыхъ и твердыхъ шаговъ; взглядъ его скользнулъ по бердышу и поднялся къ сѣрому небу; онъ осѣнилъ себя широкимъ крестомъ и склонилъ было уже голову, какъ вдругъ раздался рѣзкій крикъ со стороны князя:

— Стой! Спросить его въ послѣдній разъ!

Козака подняли. Хорунжій подошелъ къ нему.

— Гей, хлопе, послушай; ты, кажется, еще молодъ,—началъ онъ:—Я спрашиваю тебя въ послѣдній разъ, скажи намъ: куда скрылся Гуня? Кто главные защитники бунта? Много ли еще осталось бунтарей и гдѣ они?

Молодое лицо козака было истомлено и блѣдно; въ глазахъ, завалившихся и окруженныхъ черною тѣнью, горѣлъ послѣдній лихорадочный огонь жизни. Козакъ поднялъ голову и усмѣхнулся, и усмѣшка эта была такъ ужасна, что хорунжій отступилъ назадъ. Казалось, козакъ собирался сказать свое послѣднее слово и вложить въ него все презрѣніе, всю ненависть, всю вражду...

— Ты хочешь знать, куда скрылся Гуня?—заговорилъ онъ голосомъ, дрожавшимъ отъ ненависти и презрѣнія, словно натянутая струна,—не знаю; но знаю, что онъ внѣ вашей погони, и скоро налетитъ къ вамъ снова чернымъ орломъ! Ты спрашиваешь, кто главные защитники возстанія? Искать ихъ тебѣ не трудо: вотъ они!—протянулъ онъ руку, указывая на князя.—И много осталось ихъ еще тамъ!—указалъ онъ на сѣверъ.

— Молчи, „ися-кревъ!“—крикнулъ хорунжій, хватаясь за саблю; но козакъ продолжалъ еще громче:

— А на третій вопросъ твой отвѣтить мнѣ еще легче: кипитъ мятежемъ вся Украйна! И ты, княже, прими мой послѣдній совѣтъ: не ѣзди темнымъ лѣсомъ—за каждымъ деревомъ таится вооруженный козакъ; не ходи надъ ярами—въ каждомъ изъ нихъ сотня сидитъ; не спи въ своемъ замкѣ, потому что всюду, теперь или позже, а они отыщутъ тебя и всюду месть ихъ обрушится на твою голову!

— Руби! — закричалъ Іеремія шипящимъ голосомъ, подымаясь съ мѣста и опуская руку внизъ.

Сверкнулъ въ воздухѣ бердышъ, раздался короткій съ мягкимъ хрящомъ стукъ, и покатилась отрубленная голова съ временной плахи къ княжьимъ ногамъ. Вѣки ея судорожно вздрогнули, короткій взглядъ омертвѣлыхъ глазъ остановился еще разъ на Богданѣ и угасъ навсегда. Іеремія оттолкнулъ отъ себя мертвую голову концомъ сапога, а хорунжій подхватилъ ее за длинный чубъ и, потрясая нею передъ плѣнными, крикнулъ рѣзко:

— Кто хочетъ сознаться, говори: князь обѣщаетъ жизнь!

Но молчали упорно козаки.

— Рубить ихъ безъ пощады! — махнулъ рукой Іеремія,... и потянулись плѣнные чередой.

Каждый изъ нихъ, подходя, подымалъ глаза къ свинцовому небу, крестился широкимъ крестомъ и спокойно опускалъ удалую голову на дубовый пень.

Безмолвный и блѣдный стоялъ Хмельницкій; глаза его не отрывались отъ окровавленнаго пня, а рука сжимала эфесъ сабли все сильнѣй и сильнѣй. Отъ этого запаха свѣжей, дымящейся крови дикое, звѣрское желаніе пробуждалось въ его душѣ... Вырвать топоръ у палача, расправить могучія плечи и вонзить холодное желѣзо въ этотъ холодный, надменный княжескій лобъ... Да, это счастье.,. а дальше что?... Сложить также покорно голову на плаху... подъ этимъ безпросвѣтнымъ небомъ, въ этой зловѣщей тишинѣ... Нѣтъ, нѣтъ! Терпѣніе! Пусть натягиваютъ тетиву, чтобъ взвилась стрѣла грознѣй и сильнѣй!

— Кажется, пану-писарю это зрѣлище не по вкусу? — обратился къ козаку Іеремія, поворачивая холодные, оловяные глаза.

— Напротивъ, я благодаренъ ясному князю. — отвѣтилъ Богданъ, и голосъ его показался ему самому незнакомымъ,—такъ глухо и мрачно прозвучалъ онъ: — видъ этихъ труповъ закаляетъ во мнѣ козака.

Отъ разлившейся лужи крови подымался теплый, сырой паръ; худыя, полудикія замковыя собаки жадно лизали ее, тихо рыча другъ на друга и подымая къ верху жесткую, сбившуюся шерсть; топоръ стучалъ коротко и тупо; мелкій, бѣлый снѣжокъ посыпалъ склоняющіяся головы; вѣтеръ злобно трепалъ на башняхъ кичливые флаги; за стѣною ревѣлъ и стоналъ взбунтовавшійся Днѣпръ...

Когда жолнеры подтащили къ плахѣ послѣдняго козака съ отмороженными ногами, Іеремія поднялся съ мѣста и, подозвавши къ себѣ знакомъ хорунжаго, сказалъ ему нѣсколько тихихъ словъ.

— Убрать эту падаль,—показалъ онъ затѣмъ на кучу труповъ,—и черезъ полчаса въ походъ!

Коронный гетманъ, комендантъ Гродзинскій, Бопланъ и свита уже поджидали князя для осмотра Кодака. Князя повели по всѣмъ кладовымъ и складамъ оружія, по всѣмъ подпольямъ и башнямъ, наконецъ, поднялись на валы. Валы эти со стѣнами не представляли прямой линіи, напротивъ, они выступали между башнями острымъ треугольникомъ впередъ, такъ что, въ случаѣ осады, гарнизонъ замка встрѣчалъ осаждающихъ перекрестнымъ огнемъ изъ башенъ и изъ бойницъ стѣнъ. И гетманъ, и Бопланъ, указывая князю на всѣ эти послѣднія ухищренія, расхваливали ему неприступность Кодака. Но молчалъ на все Іеремія, и только саркастическая улыбка кривила его надменное лицо.

Конецпольскій нахмурился, а этого, казалось, только и ждалъ Іеремія.

— А гдѣ же Хмельницкій?—спросилъ недовольнымъ голосомъ гетманъ, останавливаясь на валу.

— Онъ въ хатѣ съ освобожденными козаками,—низко поклонился Чаплинскій, выскакивая впередъ.

— Позвать сюда! А освобожденные ѣдутъ съ нами. Выдать имъ изъ обоза коней.

Поспѣшно, желая показать побольше усердія, спустился Чаплинскій съ вала, задѣвая и толкая жолнеровъ по пути.

— Когда думаетъ выѣхать панъ писарь? — обратился къ Хмельницкому гетманъ, когда тотъ почтительно остановился передъ нимъ.

— Управившись, ясновельможный гетмане...

— Нѣтъ, поѣдешь съ нами, ты мнѣ нуженъ теперь... есть дѣла по маетностямъ.

— Но, ваша ясновельможность, я думалъ дополнить списки тѣмъ реестровымъ, которые прикомандированы были сюда, наконецъ, мои кони устали, человѣкъ истомился въ пути...

Но гетманъ оборвалъ его сурово:

— Пустое! Списки успѣешь! Пану дадутъ коней изъ моего обоза и сегодня же, сейчасъ, ты выступаешь съ нами въ путь.

Безсильная злоба охватила Богдана. Все должно рухнуть, все порваться должно! Ѣхать съ ними? Это три... четыре... пять дней проволочки... гетманъ можетъ задержать еще въ Чигиринѣ... А тѣмъ временемъ Потоцкій не ждетъ... Богунъ... Кривоносъ... товарищи, братья!! Можно было бъ спасти... перепрятать... но теперь—погибло все!—О, Боже, да неужели же нельзя этого избѣгнуть? Два дня свободы, только два дня, и многое можетъ свершиться, многое можно

предотвратить! Онъ стоялъ, какъ окаменѣлый на мѣстѣ, не зная еще, на что рѣшиться, что предпринять...

А внизу, во дворѣ крѣпости, уже строились войска Іереміи, укладывались слуги гетмана, приготовляли громоздкой гетманскій рыдванъ.

— Я попросилъ бы ясновельможнаго князя осмотрѣть еще сѣверную башню,— обратился къ Іереміи Боплапъ.

— О, съ удовольствіемъ!—согласился Іеремія, пропуская гетмана впередъ.

Богданъ взглянулъ по направленію удаляющихся магнатовъ и вдругъ замѣтилъ, въ одной изъ амбразуръ сѣверной башни, знакомое, черномазое лицо. Сдѣлавъ видъ, что онъ слѣдуетъ за свитой вельможъ, онъ незамѣтно приблизился къ узкому окну.

— Ахметка, стой, не шевелись! Слушай, что я тебѣ буду говорить!— зашепталъ Богданъ, не поворачивая головы къ амбразурѣ и дѣлая видъ, что глядитъ на широкій Днѣпръ.— Не пророни ни единаго слова, минуты не ждутъ!

— Что случилось, батьку?—прошепталъ Ахметка, взглянувши на блѣдное, взволнованное лицо Богдана.

— Молчи! Несчастіе!... Не поворачивай ко мнѣ головы,— говорилъ Богданъ отрывисто и тихо,—гетманъ велитъ мнѣ ѣхать съ собою. Скажись больнымъ, выкрадись, убѣги изъ крѣпости. Я могу замѣшкаться съ ними... Скачи что есть духу въ Субботово... не жалѣй коня... упадетъ, купи другого... Передай Золотаренку и Ганнѣ... охъ, да они ужъ это сами знаютъ,—что гетманъ разбилъ Гуню, что Потоцкій лютуетъ, безумствуетъ въ бѣшеныхъ казняхъ. Друзья наши въ опасности... пусть сдѣлаютъ, что возможно... подкупятъ... перепрячутъ... спасутъ. На деньги!—говорилъ онъ сбивчиво, торопливо, развязывая дрожащими руками „чересъ“ и высыпая въ пригоршни Ахметкѣ кучу золотыхъ,—пусть берутъ еще дома.. пусть ничего не жалѣютъ... Торопись... Помни,— исполнишь мое порученіе, будешь мнѣ сыномъ по смерть! Но я вижу, Іеремія выходитъ изъ башни... Уходи, только не сразу; поглазѣй еще по сторонамъ.

— Ну, что, мой княже,—остановился Конецпольскій, окидывая самодовольнымъ взглядомъ башни и валы,—неужели же и послѣ всего этого, ты скажешь, что крѣпость не грозна и не испугаетъ враговъ?

— Д-да,— покачнулся Іеремія съ насмѣшливой улыбкой,— крѣпость хороша; но я остаюсь при своемъ.

— Въ такомъ случаѣ, князь превосходитъ всѣхъ, не только въ военномъ искусствѣ, но и въ инженерномъ,—съ плохо скрываемымъ неудовольствіемъ отвѣтилъ Конецпольскій,—я право удивля-

ляюсь,—ѣдко прибавилъ онъ, опираясь на дорогую трость,—почему бы мосци-князю самому не заняться постройкой крѣпостей.

— О, нѣтъ, у меня еще есть на столько отваги, что въ это бурное время такое мирное занятіе,—подчеркнулъ Іеремія,—мнѣ не по душѣ! Но исправить чужую ошибку могу съ удовольствіемъ,—потеръ онъ весело руки,—и съ дозволенія пана коронаго гетмана я отдамъ приказъ.

Іеремія хлопнулъ три раза въ ладоши, и вдругъ на всѣхъ валахъ, на всѣхъ вершинахъ башенъ, показались вразъ, точно по мановенію волшебства, жолнеры князя съ длинными шестами въ рукахъ. На вершинахъ шестовъ наколоты были какіе то странные шары. Богданъ взглянулъ и догадался сразу.

Нѣсколько ударовъ топора—и рядъ шестовъ утвердился правильною аллеей на стѣнахъ.

— Ну, что?—самодовольно обвелъ Іеремія рукою всѣ крѣпостные валы.—Не правъ-ли я былъ? А? Скажи-ка, панъ инженеръ? Вотъ видишь и воинъ можетъ указать ошибку!

— Признаюсь, князь остроумень, — кисло отвѣтилъ Конецпольскій.

— О, за указаніе ясновѣльможнаго князя я благодаренъ его свѣтлости навсегда,—склонился, обнажая голову Бопланъ.—Князь сказалъ послѣднее слово,—намъ остается только восхищаться.

И дѣйствительно, восторженныя восклицанія посыпались со всѣхъ сторонъ.

— Великолѣпно! Досконально!—выкрикивалъ, раскачиваясь отъ грузнаго смѣха, дородный хорунжій:—Сады Семирамиды въ сравненіи съ этою аллеей—ничто!

— Ха, ха, ха!—раздался другой голосъ.—Я нахожу, что для этого „падла“ князь сдѣлалъ даже слишкомъ высокую честь!

— Вознесъ ихъ превыше всѣхъ!—покатился отъ смѣха и панъ Чаплинскій, протискиваясь ближе впередъ.

Новыя шутки и остроты панскія покрыли его голосъ.

Неподвижно торчали на шестахъ козацкія головы. Смерть уже покрыла ихъ лица сѣроватымъ, безжизненнымъ оттѣнкомъ. Глаза ихъ были закрыты, сомкнуты губы. Длинные чубы свѣсились внизъ. Величавое спокойствіе смерти уже разлилось на ихъ застывшихъ чертахъ. Казалось, онѣ слушали всѣ эти панскія шутки такъ равнодушно, такъ безучастно...

Богданъ догадался сразу, къ чему рубилъ Іеремія головы; но ни самая казнь, ни эта жестокая шутка не ошеломили его такъ, какъ одно маленькое и, казалось-бы, незначительное для козака проис-

шествіе. Когда жолнеръ прошелъ мимо него съ отрубленною козацкою головой, Богданъ поднялъ глаза и съ ужасомъ узналъ въ ней лицо перваго молодого, смѣлаго козака. При вбиваніи шеста въ землю, голова покачнулась; чтобы утвердить неподвижнѣе, жолнеръ ударилъ по ней топоромъ и вдругъ тяжелая капля полузастывшей крови медленно выплыла на лобъ, тихо скатилась по мертвому лицу и упала на руку Богдана.

Кто знаетъ, прикосновеніе ли этой холодной капли крови, точно воспрявшей о мщеніи, или долгое молчаніе, или безсильная злоба, но все это пробуждало въ душѣ Богдана властнѣй и властнѣй долго сдерживаемую бурю... Холодная капля расплывалась на рукѣ въ кровавое пятно, казалось, оно жгло насквозь его руку, и глаза козака глядѣли всѣ мрачнѣй и мрачнѣй.

Передъ нимъ разливался стальной, нахмуренный Днѣпръ. На западѣ небо прояснилось и нѣжныя розовыя полосы пробились среди порѣдѣвшихъ облаковъ, въ воздухѣ стало тихо, пахнуло теплomъ. Тамъ, далеко, на югѣ, виднѣлась гряда сѣрыхъ, покрытыхъ пѣной камней. Вдругъ среди свинцовыхъ волнъ рѣки Богданъ замѣтилъ какіе-то странные предметы, плывущіе внизъ. Зорко взглянулъ онъ въ ту сторону и узналъ ихъ. Это были трупы казненныхъ козаковъ; они плыли внизъ по теченію, распростерши мертвыя руки, направлялись такъ безстрашно, такъ равнодушно туда, гдѣ бушевалъ грозный порогъ.

„Плывите, плывите, печальные вѣстники, —тихо прошепталъ Богданъ, чувствуя, какъ сжимаетъ ему сердце чья-то невидимая, но могучая рука. — Плывите, беззащитные братья, и если не я, то несите хоть вы запорожцамъ кровавую, смертную вѣсть“.

А гетманъ съ княземъ также залюбовались открывшимся видомъ, и вся свита умолкла, боясь прервать торжественную тишину.

Князь горделиво скрестилъ на груди руки; лицо гетмана было величественно и спокойно. Вся широкая сѣроватая равнина, и Днѣпръ, и пороги казались такими беззащитными, такими подвластными съ этой грозной вышины.

Наконецъ, гетманъ прервалъ молчаніе.

— Позвать сюда старшинъ реестровыхъ! —повелительно скомандовалъ онъ.

Тихо и почтительно поднялись на валъ одинъ за другимъ молчаливые старшины и остановились передъ гетманомъ. Богданъ присоединился къ нимъ.

— Да, — отозвался, наконецъ, князь, — сознаться долженъ: крѣпость недоступна. Ты превзошелъ себя, панъ-инженеръ,—проговорилъ онъ свысока, протягивая Боплану руку.

— Я сдѣлалъ, что могъ,—скромно склонился тотъ,—что было въ человѣческихъ силахъ.

— Ну, и на этотъ разъ онѣ оказались велики,—милостиво произнесъ гетманъ, также протягивая Боплану руку.—Прими мою благодарность: ты оправдалъ мои надежды.

—О,—вскрикнулъ Бопланъ,—клянусь честью, Небо подтвердитъ намъ ихъ! И легче было упасть іерихонскимъ стѣнамъ, чѣмъ стѣнамъ Кодака!

Козаки стояли строго и сурово, и ни одна улыбка не кривила ихъ мрачныхъ, покорныхъ лицъ.

Гетманъ выждалъ мгновеніе и когда утихли восклицанія, обратился къ козакамъ, указывая рукою на грозныя укрѣпленія, на строющіяся внизу войска и на широко распростершуюся у ногъ ихъ безлюдную даль.

— Ну, что, панове козаки, какъ нравится вамъ Кодакъ?

— Да еще съ этими бунчуками на челѣ?—презрительно усмѣхнулся Ярема, указывая на рядъ срубленныхъ головъ.

Козаки молчали. Никто не проронилъ ни слова. Мрачно молчалъ и Богданъ.

— Что-жь молчишь ты, панъ писарь войсковый?—медленно, наслаждаясь впечатлѣніемъ своихъ словъ, обратился къ Хмельницкому гетманъ.

И вдругъ преобразился Богданъ.

И долгое молчаніе и холодная сдержанность въ одно мгновенье слетѣли съ него. Онъ стоялъ передъ гетманомъ увѣренный и могучій, съ огненными глазами, съ величественно заброшенною головой. Презрительная усмѣшка освѣтила его лицо.

— „Manu facta, manu destruo“;—гордо отвѣтилъ онъ.

Это длилось всего одно мгновенье. Богданъ снова овладѣлъ собою, но было ужъ поздно: зловѣщимъ ударомъ колокола прозвучало надменное слово.

Гетманъ смѣрилъ Богдана глазами и, не произнесши ни слова, повернулся и прошелъ впередъ. За нимъ двинулась вся свита. Лицо князя освѣтила злорадная улыбка: казалось, отвѣтъ Богдана пришелся ему по душѣ.

— Гм!—произнесъ онъ многозначительно,—панъ писарь не боязливъ!

Гетманъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, остановился и произнесъ небрежно, не оборачивая къ Богдану головы:

— Панъ писарь можетъ остаться въ Кодакѣ.

Сначала эти слова обрадовали Богдана: онъ значитъ свободенъ и можетъ летѣть... Но это было только мгновенье; а слѣдующее принесло ему сознаніе, что гетманъ разгнѣванъ, что онъ не проститъ обиды...

Ошеломленный стоялъ Богданъ. Злоба, досада за свою несдержанность бурно охватили его. Страшное опасеніе гнѣва гетмана, и послѣдствія своихъ словъ мучительно зашевелились въ его душѣ.

А между тѣмъ со двора уже выкатилъ рыдванъ гетмана проскакалъ и Іеремія въ сопровожденіи своихъ драгунъ, послѣдніе жолнеры арьергарда выступили со двора.

Разсуждать было некогда... Быстро спустился Богданъ со стѣны... Будь, что будетъ дальше, а теперь онъ свободенъ, и пока еще въ рукахъ эта свобода, надо летѣть поскорѣе въ Субботовъ... сдѣлать все возможное... А тамъ,—рѣшилъ поспѣшно Богданъ,—поручимъ себя еще доселѣ не измѣнявшей фортунѣ: довлѣетъ бо каждому дневи злоба его!

Быстро спустился Богданъ со стѣны. Въ глубинѣ двора онъ замѣтилъ коменданта крѣпости, горячо разговаривавшаго съ какимъ то драгуномъ; лица этого послѣдняго онъ не могъ разсмотрѣть, такъ какъ тотъ стоялъ къ нему спиною. Разговоръ велся тихо; однако, до слуха Богдана долетѣли нѣсколько разъ слова: „заговоръ“ и „король“. Богданъ не обратилъ на это вниманія: онъ вспомнилъ, что далъ Ахметкѣ распоряженіе немедленно ѣхать, а потому торопился найти его поскорѣе, чтобы сообщить ему, что и самъ поскачетъ немедленно съ нимъ. Но, проходя торопливо мимо коменданта, онъ вдругъ былъ неожиданно остановленъ имъ.

— Прошу пана снять свою саблю и вручить ее мнѣ!

— Что?—произнесъ Богданъ, отступая.—Я не понимаю пана...

— Именемъ короля и рѣчи Посполитой, я арестую пана и панскаго служку!—отвѣтилъ спокойно комендантъ.—Всякое сопротивленіе будетъ напраснымъ, потому и приказываю пану отдать мнѣ саблю и безпрекословно слѣдовать за мной. А вы,—обратился онъ къ двумъ дюжимъ жолнерамъ,—свяжите мальчишку и бросьте въ башню!

— Хорошо!—проговорилъ Богданъ, задыхаясь отъ гнѣва.—Панъ чинитъ насиліе, и за такое насиліе панъ отвѣтитъ коронному гетману не далѣе завтрашняго дня!

— „О, о томъ, что будетъ завтра, не спрашивай, другъ, никогда!“—продекламировалъ за его спиной чей то насмѣшливый голосъ.

Богданъ оглянулся и увидалъ злобное, искаженное торжествующею улыбкой лицо Ясинскаго.

М. Старицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРЕЖНІЕ ИЗЫСКАТЕЛИ МАЛОРУССКОЙ СТАРИНЫ.

III. Александръ Михайловичъ Марковичъ.

(р. 1790†1865).

Говоря раньше („Кіев. Стар." 1894 г., декабрь) о старшемъ братѣ А. М. Марковича, Яковѣ Михайловичѣ, авторѣ „Записокъ о Малороссіи", мы сказали нѣсколько словъ объ отцѣ и дѣдѣ ихъ. Сказали мы тамъ, что изъ сыновей Михайла Яковлевича М—ча старшій Яковъ и младшій Александръ—съ раннихъ уже лѣтъ, вѣроятно, по наслѣдству отъ дѣда (автора извѣстнаго „Дневника"), обнаружили учено-литературныя наклонности. Теперь, приступая къ очерку жизни и дѣятельности Александра Михайловича М—ча, мы должны сказать, что авторство его мало извѣстно въ печатной литературѣ. Напечатана его *Записка о малорусскомъ дворянствѣ*, но и она появилась въ изданіи, извѣстномъ только спеціалистамъ. Позже А. М. сталъ извѣстенъ, какъ издатель „Дневныхъ Записокъ" своего дѣда Якова М—ча. Встрѣчаются еще небольшія статьи А. М—ча въ спеціальныхъ сельско-хозяйственныхъ журналахъ. Вотъ и вся литературно-печатная извѣстность А. М—ча. А между тѣмъ онъ писалъ много и началъ свое писательство въ возрастѣ еще юношескомъ. Первоначально писательство это выразилось въ его „Ежедневныхъ Запискахъ", которыя начинаются уже съ 1806 года; затѣмъ, явились литературныя работы и въ болѣе опредѣленной формѣ. Но всѣ эти работы А. М-ча остались въ рукописяхъ; видимо, что ав-

торъ не думалъ о печатаніи, а писалъ для того только, чтобы перенести на бумагу результаты своего пытливаго ума по тому или другому вопросу. Поэтому, вѣроятно, большинство работъ А. М—ча остались неоконченными. Но ближайшее знакомство съ оригинальною и привлекательною личностью А. М—ча можно получить только изъ этихъ его литературныхъ работъ, почему въ настоящемъ очеркѣ мы и приводимъ болѣе или менѣе значительныя изъ нихъ выписки. Не сомнѣваемся, впрочемъ, что выписки изъ „Записокъ“ А. М. представляютъ собою любопытный матеріалъ для исторіи культуры въ Малороссіи начала настоящаго вѣка.

I. Родители Александра Михайловича. Заботы матери. Первоначальное обученіе сначала въ семьѣ Кочубеевъ, а потомъ въ Харьковѣ. Служба у черниговскаго губернатора и отставка. Отрывки изъ „Записокъ“ А. М. Марковича и выраженные въ нихъ идеалы его.

Ал. М—чъ родился, какъ уже было сказано, въ 1790 г., а въ декабрѣ 1793 г. отецъ его заболѣлъ „параличемъ“ и „тринадцать лѣтъ лежалъ въ постели, лишенный употребленія языка, правой руки и правой ноги“. Все бремя заботы о дѣтяхъ и хозяйствѣ пало на мать, Настасью Петровну, которая и вела, со времени болѣзни мужа, дѣла семьи. Объ этой замѣчательной во многихъ отношеніяхъ женщинѣ въ дневникѣ младшаго ея сына читаемъ слѣдующее: „Сентября 20 (1824 г.) скончалась мать моя на 70-мъ году своей жизни. На третій день пріѣзда моего изъ Шбурга, 30 марта, въ ночи, получила она, какъ называютъ, повсемѣстной, несовершенной апоплексической ударъ, каковый возобновлялся въ теченіе болѣзни четыре раза, и четвертый прекратилъ ея жизнь. Сіе злосчастіе давно приготовляемо было ея слабостію, къ которой привели ее не столько лѣта, сколько великія и многія претерпѣнныя ею несчастья. Въ Малороссіи, въ обширномъ кругу ея знакомыхъ, когда хотѣли представить кого въ примѣръ великихъ несчастливцевъ, то всегда ее вспоминали. Начало бѣдствій сихъ началось параличемъ отца моего, который 13-ть лѣтъ лежалъ въ постели, лишенный употребленія языка, правой руки и правой ноги. Въ то время, когда мать моя возила больного, гдѣ только могла ожидать ему помощи и нигдѣ

оной не находила, въ то время множество старыхъ важныхъ тяжебныхъ дѣлъ, оставшихся отцу моему частію по наслѣдству, не давали ей ни одного дня покою. Къ сему и восемь дѣтей не мало требовали ея попеченій. Въ теченіе 20-ти лѣтъ отъ начала болѣзни ея мужа, лишилась она: зятя своего Лизогуба, мужа старшей дочери [1]), самого достойнаго человѣка, на третій годъ женитьбы его, потомъ—старшей дочери, которая умерла отъ скорби по мужѣ. Остались двое сиротъ, дочь и сынъ. Они воспитывались при ней. Дочь, прекрасная и любезная, вышла замужъ и умерла на пятый мѣсяцъ замужества; сынъ еще прежде за годъ взошелъ на небо... Еще при жизни мужа, горшей смерти, лишилась она старшаго сына 28 лѣтъ, самымъ несчастнымъ образомъ [2]). На него она полагала всю надежду свою. Въ преклонныхъ уже лѣтахъ потеряла она третью свою дочь Похвисневу, мать пяти малолѣтнихъ дочерей. Потомъ настигли важныя тяжебныя потери; по симъ тяжбамъ братъ мой и я должны были годы проживать въ Петербургѣ, угрожаемые совершеннымъ разстройствомъ нашего состоянія. Мать моя была добродѣтельна, благочестива, совершенно безкорыстна, благодѣтельна, не прихотлива. Въ продолженіе своей тягостной и продолжительной болѣзни она ни слова не изрекла, но часто очень повторяла: Господи, помилуй мя грѣшницу!“

Вотъ эта то мать и заботилась о воспитаніи Ал. М—ча. Первоначальное обученіе русской грамотѣ А. М. получилъ, конечно, дома, въ Сварковѣ, причемъ обученіе это могло происходить подъ ферулою какого нибудь мѣстнаго дьячка или домашняго слуги... Сосѣдъ и сверстникъ А. М—ча, Арк. В. Кочубей пишетъ въ своихъ Запискахъ: „русской грамотѣ училъ меня сперва камердинеръ отца Петръ Бѣлый, онъ же училъ меня играть на скрипкѣ. Потомъ я учился русскому языку у отставнаго морскаго офицера Македонскаго...“ Такихъ же пер-

---

[1]) Въ замѣткахъ о времени рожденія и смерти членовъ своей семьи, у А. М—ча откѣчено: „Дочь Мих. и Наст. (Марковичей) Анна род. 1775 г., въ супруж. выдана за В. П. Лизогуба 1793 г., умре 1796 г., декабря 16; мужъ же умре 1796 г., февр. 1. У нихъ дѣти: Евдокія, р. 1794, Петръ, р. 1795“.

[2]) Якова Михайловича.

воначальныхъ учителей могъ имѣть и А. М.—Дальнѣйшее обученіе А. М—ча происходило въ семьѣ В. В. Кочубея, тогдашняго глуховскаго „маршала", жившаго въ с. Ярославцѣ. Къ двумъ младшимъ сыновьямъ послѣдняго, дядя ихъ Викторъ П—чъ Кочубей (впослѣдствіи князь) въ 1799 г., прислалъ изъ Петербурга гувернеромъ аббата Фромана, который прожилъ въ Ярославцѣ три года (1799—1802). Одинъ изъ учениковъ этого Фромана, тотъ-же Арк. В. Кочубей пишетъ въ своихъ „Запискахъ": „Во время пребыванія Фромана у насъ, въ Ярославцѣ, образовался какъ бы институтъ; многіе изъ нашихъ родственниковъ и сосѣдей были очень обязаны моимъ родителямъ за возможность въ то трудное время дать хорошее воспитаніе своимъ дѣтямъ. Въ числѣ прочихъ дѣтей, воспитывавшихся вмѣстѣ съ нами, я люблю вспоминать объ Александрѣ Михайловичѣ Марковичѣ" [1]). Въ 1802 г. Ярославецкій „институтъ" разстроился, такъ какъ молодыхъ Кочубеевъ увезли для дальнѣйшаго воспитанія въ Петербургъ. Везти въ Петербургъ и А. М—ча должно быть не было достаточно средствъ и его отвезли для дальнѣйшаго ученія въ Харьковъ, въ тамошнее „главное казенное училище". Интересно, что въ самомъ нач. XIX в. старый центръ южнорусскаго просвѣщенія, Кіевъ, уступаетъ мѣсто только что возникавшему новому—Харькову. Въ Харьковъ, а не въ Кіевъ, стало отдавать малорусское дворянство своихъ дѣтей для обученія ихъ въ средней школѣ [2]). О харьковскомъ ученіи А. М—ча говорятъ сохранившіяся въ его бумагахъ два „свидѣтельства". Въ первомъ читаемъ: „По мѣрѣ возраста, понятія, прилежанія къ начальнымъ учебнымъ предметамъ и благонравнаго поведенія, дано сіе свидѣтельство Харьковскаго главнаго казеннаго училища ученику Александру Марковичу въ день публичнаго испытанія. Харьковъ. Іюля 1 дня, 1803 года. Директоръ Ѳеодоръ

---

[1]) Записки Аркадія Васильевича Кочубея. 1790—1873. Спб. 1890. 8 д. л., стр. 18.

[2]) См. другой примѣръ: образованный В. Гр. Полетика, желая помѣстить своего сына въ среднюю школу, обращается (въ 1810 г.) къ тогдашнему „визитатору" харьк. учебн. округа Тимковскому и проситъ его—указать лучшую въ Харьковѣ среднюю школу. Кіевск. Ст. 1893 г., апр., 153.

Кудринскій“ [1]). Въ другомъ свидѣтельствѣ значится: „Бывшему у меня Черниговской губерніи, Глуховскаго повѣта, ученику Александру Михайловичу Марковичу въ томъ, что онъ находился въ домѣ моемъ, въ пансіонѣ, и ходилъ въ публичное училище, гдѣ онъ какъ отличнымъ и честнымъ благороднымъ своимъ поведеніемъ заслуживалъ отъ всѣхъ начальниковъ своихъ и отъ меня всегда особенное вниманіе и похвалу; *былъ всѣми любимъ* и служилъ своимъ товарищамъ хорошимъ примѣромъ въ благонравіи. Въ нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, математикѣ, физикѣ, исторіи, географіи и другихъ наукахъ получилъ отличные успѣхи, въ чемъ ему сіе свидѣтельство по справедливости дано 1806 года, іюня 1 дня. Харьковской гимназіи нѣмецкаго языка учитель титулярный совѣтникъ Федоръ Олденборгеръ“.— Упоминаемое въ этомъ свидѣтельствѣ „публичное училище“ было, полагать нужно, тогдашняя гимназія. На этомъ училищѣ воспитаніе А. М—ча и окончилось, такъ какъ черезъ годъ послѣ этого онъ уже поступилъ на службу въ Черниговское губ. правленіе, какъ видно изъ слѣдующаго опредѣленія послѣдняго: „1807 г., іюля 15 дня. Черниговское губ. правленіе, слушавъ прошеніе дворянина А—ра М—ча Марковича къ здѣшнему гражданскому губернатору, а отъ него въ сіе правленіе къ опредѣленію переданное, что по окончаніи наукъ *въ училищѣ Харьковскомъ*, желаетъ онъ продолжать статскую службу, почему проситъ опредѣлить его къ дѣламъ здѣшняго гражданскаго губернатора... Приказали: помянутаго Марковича по желанію его опредѣлить къ дѣламъ губ. правленія съ оставленіемъ по части гражд. губернатора и, въ поощреніе къ ревностнѣйшему продолженію службы, дать званіе губернскаго регистратора...“ О зачисленіи на службу А. М—ча просила тогдашняго черниговскаго губернатора бар. Френсдорфа мать его, какъ это видно изъ письма къ ней губернатора: „Имѣвъ честь получить почтенное письмо ваше о желаніи сына вашего вступить въ службу, пріятнымъ себѣ удовольствіемъ поставилъ оказать со стороны

---

[1]) Текстъ „свидѣтельства“ печатный. Главное Нар. Училище въ 1805 г. было переименовано въ гимназію, нынѣ называемую Первою Харьк. гимназіей.

моей содѣйствіе къ удовлетворенію такова желанія его, и исполняя сіе, надѣюсь, что Ал. М—чъ въ продолженіи начатой службы окажетъ свое усердіе и ревность...“ Поступилъ на службу А. М., повидимому, для того только, чтобы „числиться“ и получить необходимые для дальнѣйшей службы начальные чины. Числился А. М. въ канцеляріи черниговскаго губернатора до февраля 1812 г., когда вышелъ въ отставку, заслуживъ чинъ коллежскаго регистратора. Въ выданномъ при этомъ А. М. „аттестатѣ“, между прочимъ, значилось, что онъ „*по окончаніи имъ наукъ въ харьковскомъ университетѣ*, былъ опредѣленъ къ дѣламъ губернатора въ іюлѣ 1807 г.“ и проч. Видимо, что свѣдѣніе о харьковскомъ университетѣ включено было въ исторію воспитанія А. М—ча произвольно [1]), но передѣлка харьковскаго „училища“ въ университетъ указываетъ, что и въ чиновничьей средѣ ученіе въ университетѣ являлось желательнымъ отличіемъ... Хотя М—чъ въ университетѣ и не учился, но образованіемъ обладалъ солиднымъ. Степень этого образованія видна изъ сохранившихся въ его бумагахъ разнаго рода замѣтокъ, которыя въ тетрадкахъ озаглавлены такъ: „*Смѣси или Записки ежедневныя въ 1806, 1808, 1809 и 1810 годахъ. Черниговъ*“. Эти „Смѣси“ не заключаютъ въ себѣ, въ тѣсномъ смыслѣ, ни дневника, ни мемуаровъ, а представляютъ—отрывочныя размышленія или разсужденія по тому или другому вопросу, который встрѣтился ихъ автору,— или при чтеніи книги, или же изъ житейскаго случая.—Вотъ начало этихъ „Смѣсей“.—„Иногда самая громкая похвала не такъ много скажетъ, какъ простая, искренняя. Я всегда любилъ читать Лафонтеновы басни и ту изъ нихъ, которая мнѣ нравилась, я замѣчалъ листочкомъ. Чрезъ двѣ недѣли я увидѣлъ, что почти всѣ басни были замѣчены. Нѣтъ другихъ басенъ столь пріятныхъ, какъ Лафонтеновы. Одинъ французскій литераторъ, *разговаривая со мною* о французской словесности, между прочимъ о Лафонтеновыхъ басняхъ сказалъ: Lafontaine a donné aux fables d'Esope un habit de dimanche (Лафонтенъ одѣлъ Езоповы басни въ праздничное платье)“. Это была первая замѣтка М—ча,

[1]) Харьковскій университетъ открытъ въ январѣ 1805 г.

записанная имъ въ 1806 г. Вслѣдъ затѣмъ слѣдуетъ: „Я читалъ французскую книгу Recueil d'histoires etc. Выпишу изъ ней слѣдующія мысли Шамфора. Въ семъ свѣтѣ болѣе глупыхъ, нежели мудрыхъ, и самой мудрой имѣетъ болѣе глупости, нежели благоразумія.—Перемѣна моды есть подать, которую налагаетъ бѣдной на хвастовство богатаго.—Слава состоитъ въ томъ, чтобъ насъ знали тѣ, которыхъ мы не знаемъ". Тутъ же, къ этимъ „запискамъ" М. иногда прибавляетъ и свои замѣчанія. Напр., „Берозъ говоритъ, что Вавилоняне назначали особливыхъ пять дней въ году, въ которые невольники заступали мѣсто господъ своихъ, имѣя право повелѣвать ими. *Надобно бы возобновить этотъ древній обычай для нѣкоторыхъ нашихъ помѣщиковъ*". Затѣмъ, въ 1808 г., М. записываетъ, повидимому, собственныя мысли.—„Князь N, смѣясь *съ одного* человѣка, сказалъ: il ne sait pas même parler français! Эти слова стоютъ быть записанными".—„Не должно взыскивать излишне строго съ подчиненныхъ за ихъ малѣйшіе проступки, а тѣмъ болѣе еще безпрестанно браниться и кричать на нихъ. Чрезъ это безпорядки ни мало не уменьшаются, ибо люди постепенно такъ привыкнутъ къ брани, что даже внимать тому не будутъ".—„Я часто жалѣю, почему я не жилъ во время Жанъ-Жака или почему онъ не живетъ теперь; съ какимъ бы восторгомъ посвятилъ я всѣ минуты моей жизни сему великому философу, съ какимъ бы удовольствіемъ служилъ ему и исполнялъ его желанія! Только всегда при воспоминаніи объ этомъ въ воображеніи безпокоюсь, что творецъ Елоизы не удостоилъ бы, можетъ быть, меня своею довѣренностью и дружбою" [1]). Эта замѣтка черезъ 12 лѣтъ послѣ ея написанія вызвала у М—ча другую, уже совершенно иного характера: „Время энтузіазма проходитъ. Прочитавъ сіи записки 1821 года (т. е. въ 1821 г.), я смѣялся сему. Теперь бы я ни за что не захотѣлъ не только быть слугою Жанъ-Жака, но даже ни его другомъ. Это былъ сумасбродъ краснорѣчивый, славный сочиненіями и безславный своимъ нравомъ, поступками и душею".

[1]) Къ этой замѣткѣ, записанной въ 1808 г., добавлено въ выноскѣ слѣдующее: „Примѣчаніе. 27 марта, 1809. Это написалъ я прежде, нежели начиталъ, что Руссо жалѣлъ, зачѣмъ онъ не могъ быть слугою у Фенелона".

Слѣдующія „записки“ сдѣланы въ 1809 г.—„Многіе господа говорятъ на людей своихъ: вотъ ихъ слушать!—въ такихъ разахъ, когда подлинно господинъ можетъ послушать своихъ слугъ“.—„*Я намѣренъ былъ сочинить комедію*, въ которой я хотѣлъ представить мѣщанскіе обычаи и между прочимъ слѣдующее: двѣ женщины собираются итти на погребеніе (на похороны); одна спрашиваетъ у другой: какое надѣть ей платье?—та совѣтуетъ—штофное... Охъ, нѣтъ, матушка, пусть уже то остается на другой разъ, когда дождемъ погребать такую то (знатнѣе родомъ мѣщанку). Извѣстно, что они собираются на погребеніе, какъ на балъ“.—„Губернаторъ С. У. (Слободско-украинскій?) былъ въ очень худомъ положеніи, даже близокъ къ потерѣ своего мѣста. Жена его, которая и теперь довольно хороша, поѣхала въ П-ъ и будучи отмѣнно разторопliва, успѣла дурныя обстоятельства своего мужа исправить. Возвращаясь уже въ Х., она въ проѣздъ свой чрезъ Москву была приглашена въ одинъ домъ на обѣдъ, гдѣ былъ и г. N., прежде генералъ-прокуроръ. За столомъ гж. Б. (Бахтина?) съ удовольствіемъ разсказывала объ успѣхѣ, который получила по дѣламъ своимъ въ П—ѣ. Г. N., который имѣлъ какую-то досаду на мужа ея, началъ очень колко шутить нащотъ того, какъ молодыя прекрасныя женщины могутъ скоро успѣвать въ свою пользу. „Не всегда однако-жъ, м. государь“, отвѣчала г-жа Б., „въ то время, какъ ваше в. пр-во были генералъ-прокуроромъ, я была и моложе, и красивѣе, но ничѣмъ этимъ не могла бы успѣть въ своемъ дѣлѣ, если бы не помогли десять тысячъ, которыя вамъ я подарила“.

Засимъ обращаетъ на себя особое вниманіе слѣдующая запись *девятнадцатилѣтняго* М-ча. „Въ Малороссіи прошедшаго году (1809 г.) умеръ одинъ извѣстный человѣкъ, полковникъ Д. И. Ш. Имѣя 600 душъ, онъ завелъ театръ у себя въ домѣ, которой состоялъ изъ 200 актеровъ обоего пола, изъ собственныхъ его крестьянъ. Они играли хорошо, одѣвались богато, были воспитаны всѣ, особливо актрисы были ловки, знали искусства, играли, пѣли, говорили на иностранныхъ языкахъ. Что должно было бы ему это стоить? Сверхъ того онъ жилъ великолѣпно, у него бывали часто большія и блистательныя собра-

нія... И не смотря на все это, онъ оставилъ послѣ своей смерти, сверхъ имѣнія, пильный заводъ въ 30000 р., выстроилъ прекрасные дома въ деревнѣ. Умирая же, отпустилъ на свободу около 200 душъ (т. е. актеровъ и актрисъ), подаривъ имъ всю наличность въ домѣ, стоющую до 20000 р. Должно ли сказывать, гдѣ онъ нашелъ ключъ къ богатству?... Многіе говорили и говорятъ о немъ съ удивленіемъ;—не спорю, что онъ имѣлъ большую расчотливость и большое искусство, но чтобы онъ сдѣлалъ великое дѣло—не могу сказать [1]), лишивъ родителей стольких дѣтей, развративъ болѣе ста дѣвокъ, разстроивъ и разоривъ нѣсколько благородныхъ домовъ,—подлинно есть предосудительное дѣло, но не хорошее".

Говоритъ здѣсь М-чъ о Дм. Ив. Шираѣ (адъютантѣ фельдмаршала кн. А. М. Голицына), который въ своей Спиридоновой Будѣ (новозыбковск. у.) устроилъ изъ крѣпостныхъ крестьянъ такой театръ, что привлекъ къ себѣ вниманіе даже тогдашняго генер.-губернатора кн. Куракина [2]). Для насъ интересно заключеніе М-ча о Шираевомъ театрѣ... Предосудительнымъ и не хорошимъ дѣломъ называетъ эту помѣщичью забаву, а въ данномъ случаѣ едвали не аферу, *девятнадцатилѣтній* юноша, выросшій среди такихъ же „помѣщиковъ", какимъ былъ и Ширай... Любопытно сравнить съ отзывомъ М-ча о театрѣ Ширая отзывъ того же времени русскаго писателя (кн. Шаликова), посѣтившаго Спиридонову Буду въ 1803 г. и записавшаго въ свое „Путешествіе въ Малороссію" (I, 85) слѣдущую тираду о тамошнихъ актрисахъ: „въ заключеніе скажу, что помѣщикъ Буды *благотворитель*: всѣ сіи плѣняющія васъ существа, о которыхъ печется онъ, *какъ отецъ о дѣтяхъ*, извлечены имъ изъ ничтожества, тоесть изъ крестьянскаго состоянія.—Судите же, какое разстояніе между теперешнею участью ихъ и тою, которая ихъ ожидала"!...

---

[1]) „Дѣйствіе, основанное прямо на добродѣтели, могу назвать только великимъ. Д. И. Ш. поправилъ нѣсколько свой поступокъ тѣмъ, что отпустилъ на волю актеровъ и актрисъ". Примѣч. Ал. М. М-ча.

[2]) См. объ этомъ театрѣ въ Кіевск. Стар. 1892 г., февр., 256, гдѣ между прочимъ разсказано и о томъ,—какимъ образомъ Ширай извлекалъ доходы изъ своего театра.

Продолжаемъ выписки изъ тетрадки 1809 г.

„Г. Туманскій въ изданіи своемъ *Лѣкарство отъ скуки и заботъ* (1787) дѣлаетъ очень замысловатый прощальный комплиментъ своимъ читательницамъ: „Сколь часто желалъ я быть на мѣстѣ сихъ листочковъ, которые вы, любезнѣйшія читательницы, удостоивали своимъ вниманіемъ!“ (№ 52, стр. 198). Какъ ни лестно должно быть это привѣтствіе для женщинъ, но все простительно будетъ, есть ли онѣ нѣсколько подосадуютъ на сочинителя за слѣдующія слова: *Дай, небо, чтобъ всѣ ваши любовники*, дабы васъ взбѣсить, *осуждены были на скромность*! (стр. 20) *Не многія изъ васъ, государини мои, столько умѣрены, чтобъ держать одного любовника*“ (стр. 21). Но полно, мы боимся, чтобъ женщины, увлеченныя любопытствомъ, не заглянули какъ нибудь на 12, 13, 14 и 15 страницы сей книжки и чтобъ не захотѣли отмстить—Соломону, *отвращающему* очи не видѣти суеты“.

„Я очень рѣдко плѣняюсь, какъ бы кто хорошо ни говорилъ пофранцузски, но за то отъ чего съ такимъ вниманіемъ слышаю, когда какая нибудь дѣвушка, напр. Т. или Б. говорятъ порусски, отъ чего разговоры ихъ такъ пріятны, отъ чего, говоря о самыхъ маловажныхъ вещахъ, онѣ плѣняютъ! Не отъ того ли, что онѣ не знаютъ по французски?—Я думаю... Когда слышу ихъ, то всегда доволенъ, что онѣ такъ... несчастливы [1]), что не разумѣютъ языка моды или, лучше сказать, вѣтренности“.

„Въ городѣ Н. (Новозыбковѣ?) одинъ мѣщанинъ за маленькій кусокъ земли, не болѣе 10-ти аршинъ въ длину, получаетъ каждый годъ по 500 р... Какимъ образомъ? спросятъ съ торопливостью трудолюбивые хозяева.—Извольте, открою тайну! Въ смежности съ этимъ мѣстечкомъ находится кладбище раскольниковъ, всякій годъ мѣщанинъ принимается на своемъ 10-ти аршинномъ пространствѣ земли засѣвать табакъ и всякой годъ суевѣрные раскольники даютъ ему 500 р., чтобы не сѣялъ.—Предлагаю вамъ, государи мои, вѣрное средство обогатиться [2])“.

---

[1]) „Многіе почли бы нещастіемъ, если бы не знали по французски“. (Примѣч. А. М. М-ча).

[2]) Ср. Опис. Ст. Малороссіи, I, 445.

Изъ „Записокъ“ 1810 г. „Сегодня нечаянно я вздумалъ прочитать критику Макарова на книгу Шишкова „Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка“ и нашелъ, что самые критики ошибаются, напримѣръ: говоря *о худыхъ писателяхъ, которые, употребляя иностранныя слова, забываютъ границы, опредѣляемыя разсудкомъ и вкусомъ, заключаетъ: такихъ людей очень, очень много, по щастію никто не подражаетъ имъ!* Чтоже иное значатъ слова: *очень много*, какъ не то, что такимъ людямъ подражаютъ; въ противномъ случаѣ было бы ихъ *немного*. Далѣе, замѣчая нѣсколько грубыя слова сочинителя „Разсужденія“ нащотъ писателя и означая должности критика, нарушилъ самъ важнѣйшую—справедливость [1]); забылъ, что сочинитель „Разсужденія“ именно говоритъ не то, чтобъ питаться славянскимъ языкомъ, но утверждаетъ только, что оной есть единственный и вѣрнѣйшій источникъ, изъ коего мы почерпать можемъ истинное знаменованіе словъ, что конечно не оспоримо.— Макаровъ истощилъ въ сей книжкѣ всю свою ученость и не доказалъ ничего“.—„Господинъ У-цъ (Уманецъ?) есть странный человѣкъ, однако очень любезный. Вся жизнь его и поступки дали бы обильную матерію сочинителю написать романъ довольно пріятный. Въ самомъ цвѣтѣ своихъ лѣтъ, онъ женился на одной женщинѣ, бывшей любовницею у фельдмаршала N., отъ котораго она имѣла деньги и вещи хорошей цѣны и притомъ 1000 рублей ежегодной пенсіи. Я не знаю, кому тутъ болѣе изъ нихъ должно удивляться: господину ли У-цу, который женился на женщинѣ лѣтъ въ 50-тъ, или госпожѣ У-ой, которая въ такихъ лѣтахъ вышла замужъ по сердцу? Слѣдствіемъ этого соединенія было то, что господинъ У-цъ прожилъ почти все имѣніе своей супруги; однако къ чести его должно сказать, что онъ никогда съ нею дурно не обходится; очень уважаетъ, но только имѣетъ одну слабость, именно любитъ *волочиться*. Онъ всегда веселъ, здоровъ отмѣнно; жена его тоже не совсѣмъ печальна. Г. У-цъ человѣкъ совершенно простой, не терпитъ принужден-

[1]) „Доказательство тому видѣть можно на 181, 184, 187, 188, 197 страницахъ сочиненія его 1-го изд.“ Примѣч. М—ча.

ній, къ губернатору ходитъ въ байковомъ сертукѣ; всегда охотно бываетъ въ дружескихъ собраніяхъ; любитъ пріятелей, женщинъ, музыку, а всего болѣе природу. Онъ жилъ верстахъ въ 10 отъ нашей деревни (Сваркова). Сестры мои, наслышавшись объ немъ, какъ о чудѣ, желали очень его видѣть, но сколько я ни упрашивалъ его, онъ ни какъ не пріѣзжалъ, все обѣщая однако-жъ; надобно сказать, что онъ былъ застѣнчивъ и не любилъ вновь знакомиться. Я расхвалилъ мѣстоположеніе нашей деревни, и въ самомъ дѣлѣ не лгалъ; ему всѣ о томъ столь много говорили, что г. У-цъ возымѣлъ большое желаніе быть въ деревнѣ С. и осмотрѣть всѣ мѣста. Чрезъ нѣсколько времени, кто то по ошибкѣ сказалъ ему, что всѣ уѣхали изъ деревни нашей; онъ захотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ и въ одинъ день одѣвается въ куртку, садится на бѣдную лошадь и ѣдетъ въ С. Взъѣзжаетъ на средину двора, останавливается и смотритъ на фасадъ нашего дому... Между тѣмъ сестры мои увидѣли его изъ окошекъ и удивлялись, что за человѣкъ, который около полчаса смотритъ столь неподвижно на домъ; послали слугу спросить о томъ... Посудите о ужасѣ У-ца, когда узналъ онъ, что его обманули!... „Не говори, другъ мой, что я У-цъ“... отвѣчалъ онъ слугѣ и—давай Богъ ноги... Удивляясь странной такой новости и смѣшному одѣянію *неизвѣстнаго*, весь дворъ взволновался: музыканты, лакеи, всѣ толпой его преслѣдовали, говорили, смѣялись—и г. У-цъ, проклиная все на свѣтѣ, особливо медленность своей лошади, уѣхалъ изъ деревни С., неоглядаясь.—Я вспомнилъ еще другой случай, говоря объ немъ: въ городѣ N получили указъ о наборѣ рекрутъ; это подало поводъ говорить, какъ тяжело разлучаться доброму помѣщику съ добрыми крестьянами... „Я воображаю“, говорилъ г. У-цъ, „плачъ матерей, сѣтованія родныхъ... О слава Богу, что я не имѣю крестьянъ!“ вскричалъ онъ съ такимъ искреннимъ и трогательнымъ видомъ, который меня плѣнилъ [1]).

---

[1]) Сбоку позднѣйшая приписка М-ча: „Старѣя, научаюсь. Г. У-цъ есть ничто иное, какъ старой и любезной проказникъ, который хочетъ одурить другихъ, но котораго философіи никто уже не вѣритъ“.

„Въ русскомъ переводѣ „Уединенныхъ прогулокъ“ Ж. Ж. Руссо 1802 года, нахожу слѣдующія слова и выраженія: *худость, глубина рощи, общежительныя страсти и печальная ихъ свита, подорванная надежда* и проч. и проч.“

„Господинъ Б. читалъ свои стихотворенія, довольно пріятныя, которыхъ однакожъ не печатаетъ; я замѣтилъ слѣдующій хорошій стихъ:

„Сѣдина—дружбѣ не помѣха“.

Засимъ имѣется небольшая тетрадка (12 стр. 4 д.) съ надписью „Дневныя записки. 1811“.—Вотъ отрывки изъ этой тетрадки.

„Ипполитъ Федоровичъ Богдановичъ, столь пріятный стихотворецъ и самыхъ добрыхъ качествъ человѣкъ, былъ очень страненъ въ обществѣ. Онъ до самой смерти влюблялся. Дѣвушка, которая ему нравилась, должна была слушать нѣсколько часовъ о расположеніи, какъ проводить будетъ онъ вмѣстѣ съ нею жизнь, о хижинѣ бѣдной, но счастливой любовью взаимной, о маленькомъ стадѣ, о ручейку и проч. Онъ былъ очень непостояненъ. Мнѣ разсказывали одинъ анекдотъ про него. Г-нъ Захаржевскій имѣлъ двухъ племянницъ, которымъ давалъ хорошее приданое; онъ предложилъ Богдановичу жениться на старшей. Предложеніе было принято; сдѣлали условіе, положили день свадьбы. Въ самый день вѣнчанія, поутру, Богдановичъ входитъ въ спальню къ Захаржевскому и говоритъ: „Вы равно, конечно, любите своихъ племянницъ.—Конечно, онѣ для меня обѣ любезны.—Слѣдовательно для васъ все равно будетъ,—женюсь ли я на старшей или на меньшой; отдайте за меня меньшую: она мнѣ болѣе нравится.—Захаржевскій такъ разсердился, что просилъ его выѣхать изъ дому“.

„Въ мое время два писателя сдѣлали ощутительную перемѣну въ слогѣ россійскаго языка и имѣли много подражателей. Первый—Карамзинъ, который, начитавшись много всякихъ иностранныхъ писателей, взялъ ихъ за образецъ для россійскаго слога; онъ ввелъ цѣлые составы рѣчи, многія слова, соображаясь съ иностранными языками, болѣе съ французскимъ.

Многіе критиковали его и говорили, что онъ въ иныхъ мѣстахъ своихъ сочиненій пишетъ или не понятно, или слишкомъ замысловато, или противъ свойствъ языка и проч. Не смотря на сіи погрѣшности, онъ всегда заслуживаетъ помѣщенъ быть въ числѣ лучшихъ нашихъ писателей... Другой сочинитель есть творецъ „Разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ“, который доказалъ неблагоразумное употребленіе многихъ реченій съ иностранныхъ языковъ взятыхъ... Онъ увѣщевалъ насъ почерпать знаніе и красоты изъ языка славенскихъ книгъ, доказывая, что онъ есть единый къ сему источникъ. Мнѣ кажется, что одно изъ сильнѣйшихъ доказательствъ ему (противъ него?) было, что лучшіе писатели наши не принялись за сію новость: Ломоносовъ, Сумароковъ, Херасковъ, Державинъ, Богдановичъ, Капнистъ и многіе другіе—и безъ введенія сей странной новости, умѣли сдѣлать сочиненія свои прекрасными. Послѣ изданія сей книги сочинитель навлекъ себѣ много непріятелей, но за то сколько онъ пользы надѣлалъ: самые охотники до чужеязычія перестали употреблять многія выраженія нелѣпыя... Сказать правду, эта книга для всякаго, кто упражняется въ словесности, необходимо нужна. Я такъ уважаю сочинителя ея и его книгу, что еслибъ я имѣлъ Даріевъ драгоцѣнный ящикъ, то думаю, что спряталъ бы туда его сочиненія. Можетъ быть потому они для меня дороги, что я имъ очень много обязанъ“ [1]).

„1812. Г-нъ Судьенко [2]), когда сдѣлался слабъ здоровьемъ, то искалъ мѣста завременно, гдѣ бы велѣть себя похоронить. Пріѣхавши къ графу Завадовскому (въ Ляличи?), своему знакомому, онъ просилъ его показать склепъ, гдѣ хоронили его фамилію, но вошедши туда, онъ очень скоро оттуда вышелъ, говоря: „о нѣтъ! здѣсь сыро, очень сыро!“

---

[1]) „Въ 1821. Все проходитъ. Такъ и мое почтеніе излишнее къ автору Разсужденія и къ сочиненіямъ его прошло нѣсколько“. Примѣч. А. М. М—ча.

[2]) Рѣчь идетъ, повидимому, объ Осипѣ Степановичѣ Судьенкѣ, который за частную службу у кн. Безбородка получилъ большіе чины. См. книгу Григоровича „Князь Безбородко“, I, 378, 481 и др.

Послѣ замѣтокъ 1812 года слѣдуетъ семилѣтній перерывъ [1]) и затѣмъ имѣется нѣсколько замѣтокъ уже за 1819 г., особенно интересныхъ по нѣкоторымъ *признаніямъ* М—ча о себѣ самомъ, о своемъ характерѣ.

„Октября 31 (1819). Сегодня я читалъ XL № „Сына Отечества," въ коемъ помѣщена весьма важная статья: *Описаніе Гофвильскаго института для бѣдныхъ*. Я считаю, что сіе заведеніе лучше и дешевлѣе всѣхъ другихъ. *Я долженъ стараться сдѣлать въ своихъ деревняхъ что нибудь подобное.* Имя основателя Феленбергъ, а учитель сего института Верли. Имена почтенныя, которыя должно помнить болѣе именъ многихъ министровъ и профессоровъ".

„Ноября 21. Я читалъ повѣсть—*Ожесточенный*. Шиллеръ зналъ сердце человѣческое. Чтеніе сей повѣсти возродило во мнѣ многія мысли. Увы! сколь легко сдѣлаться преступникомъ! Кажется, честолюбіе, любовь, ревность, страхъ, стыдъ, ярость— всѣ сіи страсти въ одну минуту честнаго человѣка могутъ сдѣлать злодѣемъ...".

„Я заслуживаю осужденіе за свое малодушіе. Самое ничтожное происшествіе приводитъ меня иногда въ страхъ и причиняетъ мнѣ безпокойство. Мысль о могущемъ послѣдовать мнѣ несчастіи повергаетъ меня въ грусть. Правда, я много потерпѣлъ, много имѣлъ непріятностей, много разъ имѣлъ несчастіе оплакивать потерю своихъ родныхъ; но все это не можетъ оправдать меня. Не должно бояться ни судьбы,—а еще менѣе людей. Правда, что какъ судьба, такъ и люди часто намъ враждебны; но страхъ насъ отъ нихъ не защититъ... Не долженъ ли я вознестись передъ презрѣнными людьми, желающими сдѣлать вредъ ближнему своему, и показать имъ, что стрѣлы ихъ вотще пропадаютъ? И чего они могутъ меня лишить?... У меня сомнительная важная тяжба, я могу потерять имѣніе, но должно умѣть лишаться равнодушно того, что не составляетъ истиннаго блаженства. Со мною можетъ случиться несчастіе, но какое

[1]) А можетъ быть перерыва и не было, а лишь затерялись или уничтожились тетрадки за это время. Домъ А. М. М—ча въ Сварковѣ горѣлъ уже во время его старости...

несчастье на свѣтѣ есть, котораго бы великодушіе и благоразуміе не могли снесть? Ко всему должно быть готову. Сегодня богатъ, завтра бѣденъ, сегодня веселъ, здоровъ, завтра печаленъ, сломалъ ногу или руку. Баронъ Френсдорфъ (бывшій черниговскій губернаторъ) всталъ поутру здоровъ и спокоенъ—входитъ человѣкъ, разсѣкаетъ ему голову саблею и даетъ ему 12 ранъ. Черезъ двѣ минуты онъ скончался. Всего можно ожидать и ничего не должно опасаться. Одно несчастіе только важно—для немногихъ, однакоже: потеря добраго имени. Но мудрый человѣкъ, видя несправедливыя сужденія людей, не огорчится, есть ли—лишаютъ его добраго имени невинно. Онъ утѣшится тѣмъ, что самъ собою доволенъ. Вотъ единственное счастье человѣка, прочное, неотъемлемое, находимое какъ въ обществѣ, такъ и въ нищетѣ, въ чертогахъ и въ тюрьмахъ, при здоровьи и въ болѣзни. Его должно опасаться лишиться,—всѣ прочія заботы принадлежатъ малодушнымъ. Боже мой! Научи меня бояться одного Тебя и не бояться болѣе ничего!".

„27 ноября. Въ семъ году, февраля „ " числа, лишился я сестры своей Федосьи Михайловны Похвисневой, урожденной Марковичевой. Она оставила пять дочерей, изъ которыхъ старшей 7-й годъ. Потеря несказанная для мужа, дѣтей и насъ всѣхъ родныхъ ея... Она была добрая дочь, добрая жена, истинная христіанка, добрая госпожа. Она любила бы враговъ своихъ, еслибы ихъ имѣла. Какъ бы я счастливъ ни былъ, я никогда не буду счастливъ совершенно. Никогда душа моя не будетъ полна радости. Мнѣ всегда будетъ чего-то недоставать... Я потерялъ сестру-друга, болѣе,—я потерялъ часть самого себя".

Приведенныхъ отрывковъ изъ „Записокъ" М—ча достаточно, чтобы получить довольно полное представленіе о его личности въ молодые годы. Какъ видно, М—чъ много читалъ и много думалъ, при чемъ выборъ книгъ и тѣ мысли, которыя у него рождались при чтеніи, указываютъ, что это былъ человѣкъ, повидимому, не имѣвшій ничего общаго съ средою, въ которой онъ жилъ... Это былъ юный философъ, искавшій истины.. Уже одно появленіе такого человѣка среди полуобразованнаго малорусскаго общества начала настоящаго вѣка представляетъ любопытное яв-

леніе... Въ М—чѣ мы видимъ исключительнаго человѣка, но тѣмъ не менѣе не могъ же онъ не вліять на ту среду, съ которою находился въ постоянномъ общеніи. Поэтому для насъ въ высшей степени интересенъ вопросъ:—куда М—чъ направлялъ свою умственную дѣятельность?

Приведенные отрывки изъ „Записокъ“ М—ча указываютъ, что онъ уже и въ молодости, интересуясь общественною жизнью, старается осмыслять тѣ или другія ея явленія. Это направленіе остается у М—ча и въ послѣдующее время, при чемъ онъ строго слѣдилъ за собою, боясь поспѣшныхъ заключеній... Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ любопытный фактъ въ молодой литературной работѣ М—ча, въ его „Похвальномъ словѣ графу Румянцову-Задунайскому“, сохранившемся въ рукописи. На послѣдней имѣется слѣдующая надпись: „начато сочиненіемъ 1811 года, переписано четыре раза до генваря 6-го 1813 г. Сіе же переписано въ 5-й разъ 1820 г., генваря 7“.

Это „Слово“, навѣянное, быть можетъ, чтеніемъ Карамзинскаго похвальнаго слова Екатеринѣ II, представляетъ собою одно лишь упражненіе въ „высокомъ слогѣ“ двадцатилѣтняго автора. Выпишемъ мѣста, относящіяся къ превознесенію заслугъ Румянцова по управленію Малороссіей, о которомъ авторъ похвальнаго слова долженъ былъ имѣть болѣе или менѣе близкія къ дѣйствительности свѣдѣнія... „Императрица, имѣя намѣреніе перемѣнить образъ управленія Малороссіи, искала мудраго чиновника, кому бы могла поручить исполненіе сего важнаго предпріятія. Она поручила сіе Румянцову и ввѣрила его управленію сей край. Вамъ извѣстно, граждане, что всякая перемѣна старыхъ обычаевъ, обрядовъ и установленій, хотя бы она была весьма благоразумна, влечетъ за собою недовольство большей части народа, потому что всегда мы жалѣемъ о томъ, чего лишаемся, мало есть мудрыхъ, которые могутъ провидѣть пользу отъ преобразованія; прочіе же, не разбирая ни пользы, ни вреда, только ропщутъ. Къ славѣ Румянцова довольно будетъ сказать, что скоро престали роптать недовольные, скоро увидѣли въ немъ мужа, коему благополучіе ввѣренныхъ ему жителей было первою заботою; увидѣли пресѣченными безпорядки, новыя мудрыя уста-

новленія, увидѣли и его попеченіе о доставленіи различныхъ выгодъ, прилѣжныя ходатайства у престола, справедливость и безпристрастіе въ судѣ, неусыпное трудолюбіе, снисхожденіе къ просящимъ, защиту угнетеннымъ" и т. д. Затѣмъ авторъ подробно разсказываетъ военные подвиги Румянцова, его ссору съ Потемкинымъ и послѣдовавшее „удаленіе въ простую хижину". Заканчивается „слово" слѣдующей тирадой: „Уже 20 лѣтъ, какъ смерть похитила Румянцова, но его подвиги кажутся намъ, какъ будто вчера были... Рядъ столѣтій исчезнетъ во мракѣ вѣчности, но каждый истинный россіянинъ съ благоговѣніемъ приближится къ гробу его и, наклонясь своимъ челомъ, скажетъ:

Не только славный лишь войной,
Здѣсь скрытъ великій мужъ драгой".

Похвальное слово Румянцову, написанное въ 1811 году, повидимому, очень занимало его автора, который пять разъ его переписывалъ (конечно, послѣ исправленій); въ послѣдній разъ „Слово" снова переписано было въ январѣ 1820 г. Но ровно черезъ годъ послѣ этого, въ январѣ 1821 г., М—чъ, на тщательно переписанной своей работѣ, дѣлаетъ такую надпись: „Разсмотрѣвъ безпристрастно дѣла и свойства Румянцова *и справясь съ совѣстію*, я удостовѣрился, что Румянцовъ былъ искусный и великій полководецъ, но не великій человѣкъ, что онъ былъ завистливъ, гордъ, высокомѣренъ, любострастенъ, льстецъ, скупъ и корыстолюбивъ—слѣдовательно плѣнникъ страстей самыхъ низкихъ, слѣдовательно малый душею. Одинъ же великій человѣкъ заслуживаетъ похвальное слово. Ненужно мнѣ доказывать сихъ обвиненій, потому что я не говорю предъ публикою, для меня же одного довольно сердечнаго удостовѣренія. Надпись же сія сдѣлана для того, чтобы тотъ, кто по случаю, по смерти моей, найдетъ сію рукопись, не думалъ, что я навсегда остался въ заблужденіи или рабски хвалилъ человѣка, не заслуживавшаго того. 1821 г., генваря 13. С. Сварковъ. Александръ Марковичъ".

Боясь *упрековъ совѣсти*, М., вмѣсто „похвальнаго слова", произноситъ надъ своимъ героемъ строгій судъ и, быть можетъ,

черезъ-чуръ строгій... Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ приговорѣ мы видимъ судью-идеалиста, которымъ М—чъ оставался, значитъ, еще и въ тридцать лѣтъ.

Годы возмужалости дали М—чу бо́льшій опытъ въ познаніи людей и ихъ дѣлъ, но оставили его тѣмъ же идеалистомъ, какимъ видимъ его и въ юности. Пошлость жизни, повидимому, не касалась его...—Полное міровоззрѣніе 30-тилѣтняго М—ча видимъ въ рукописномъ его отрывкѣ—*О благородствѣ чувствованій*, съ помѣтою: „7 октября 1820. Москва". Тутъ мы читаемъ: „Благородство происхожденія требуетъ и благородства души. Мы не удивляемся, видя простолюдиновъ, нарушающихъ правила чести; но есть ли кому заслуги предковъ или собственныя—даровали отличное мѣсто въ обществѣ людей, есть ли такой человѣкъ сдѣлаетъ поступокъ противный благородству, тогда онъ обращаетъ на себя общее негодованіе; тогда мы вспоминаемъ породу его или степень занимаемую имъ, для того только, чтобы изъявить большее къ нему презрѣніе. Безъ сомнѣнія, и простолюдины бываютъ благородны; нѣкоторые изъ нихъ, не зная, что такое честь или великодушіе, являли чувства, поступки, достойные величайшихъ людей. Тѣмъ болѣе должны быть таковыми тѣ, которыхъ слава предковъ, воспитаніе, примѣры хорошаго общества, чтеніе, бесѣда мудрыхъ и размышленіе могли научить распознавать добро и зло. Что только у первыхъ бываетъ случайностью, то должно быть всегдашнею принадлежностью послѣднихъ... Хотя нельзя спорить, чтобы въ особенности на людяхъ благороднаго происхожденія не лежала обязанность показывать въ чувствованіяхъ, словахъ и поступкахъ своихъ благородство духа, нѣкоторые однако же, есть ли же не говорятъ, то покрайней мѣрѣ думаютъ, что высокое званіе даетъ имъ право быть хуже другихъ и позволяетъ имъ то, что запрещено прочимъ состояніямъ. Какъ будто есть на свѣтѣ званіе, которое даетъ привилегію нарушать законы? Они, конечно, полагаютъ, что быть добродѣтельнымъ есть повинность того же класса людей, который обязанъ платить подати и обрабатывать землю. Сколь бы несчастливъ былъ родъ человѣческій, есть ли бы сіе мнѣніе было принято! Свѣтъ состоялъ бы только изъ зло-

дѣевъ и жертвъ ихъ, и общество людей походило бы на общество звѣрей, въ которомъ одни слабые имѣютъ причину страшиться"...

„Неустрашимость составляетъ главное свойство благороднаго характера. Не одни воины являли неустрашимость, не въ сраженіи только потребна она, но и въ различныхъ обстоятельствахъ человѣческой жизни. Князь Долгорукій, который разорвалъ указъ Петра I, полковникъ Полуботко, который спокойствію и изобилію предпочелъ темницу, защищая права своего отечества; Енгельгартъ, котораго ужасъ казни не принудилъ нарушить присяги государю, конечно, были герои"...

„Сколько есть людей, которые все благородство, какъ и всю славу, полагаютъ въ томъ, что имѣютъ хорошаго повара, знакомство съ случайными или съ любимцами ихъ, абонированное кресло въ первомъ ряду и тому подобное! Правда, что сія слава погребается въ одномъ гробѣ съ ними, но число искателей ея не уменьшается"...

Всѣ эти раздумья являлись у М—ча, конечно, послѣдствіемъ чтенія, когда та или другая родившаяся мысль требовала по его характеру—воплощенія на бумагѣ.—Любовь къ чтенію и пытливый умъ М—ча отъ общаго знакомства съ тогдашней обиходной литературой—обратились и къ литературѣ, касавшейся родины. Фоліанты дѣдовскаго „Дневника", находившагося въ обладаніи М—ча, и небольшая книжка, полная теплаго интереса къ Малороссіи, написанная безвременно погибшимъ братомъ его, должны были привлечь къ былымъ судьбамъ родины и вниманіе М—ча. Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ, какъ увидимъ вслѣдъ за симъ.

Ал. Лазаревскій.

НОВАЯ НАУКА Г. БЕЗСОНОВА.

Въ одной московской газетѣ П. А. Безсоновъ недавно (въ ноябрѣ 1896 г.) заявилъ, что онъ собралъ, проживая въ Харьковѣ, множество малорусскихъ пѣсенъ, записалъ со словъ бандуристовъ старинныя думы, и теперь дѣло за издателемъ, котóрый далъ бы возможность г. Безсонову повѣдать міру сдѣланныя имъ въ Харьковѣ открытія, при общемъ равнодушіи людей науки къ памятникамъ русскаго слова, къ словесности дорогаго для сердца П. А. Безсонова малорусскаго народа, дорогаго тѣмъ болѣе, что самъ г. Безсоновъ происходитъ отъ какого-то малоросса, по одному сообщенію г. Безсонова отъ св. Димитрія Ростовскаго (Туптала), по другому его же сообщенію отъ Гедеона Балабана. Все это изложено чрезвычайно многословно, витіевато, мѣстами загадочно, мѣстами просительно, мѣстами укорительно и даже жалобно.

Чего же мы—сонливые, лѣнивые и нерадивые можемъ ждать отъ г. Безсонова? Какія новыя перспективы могутъ быть имъ открыты? Отвѣтить не трудно. Г. Безсоновъ не новичекъ, и его наука, особенно кругъ его свѣдѣній и симпатій въ предѣлахъ южнорусской исторіи и этнографіи, давно уже опредѣлился. Мы взяли на себя тяжкій трудъ пересмотрѣть многоглаголивыя предисловія г. Безсонова къ сборникамъ Кирѣевскаго и Рыбникова, прочли длинную статью „Мнимый туранизмъ русскихъ“ въ Чтеніяхъ Моск. Общ. ист. и древн. рос. 1885 кн. II, стихотворенія въ аксаковской „Руси“, и для насъ вполнѣ опредѣлилась „новая наука“ г. Безсонова. Мы ее сгруппируемъ въ нѣсколькихъ пикантныхъ положеніяхъ. Сдѣланныя въ текстѣ

ссылки относятся преимущественно къ „Мнимому туранизму". Въ частности заглавіе не сочинено нами, а взято изъ рецензіи Якушкина.

Около тридцати лѣтъ назадъ П. И. Якушкинъ писалъ: „Мы можемъ надѣяться, что новая наука, составленная г. Безсоновымъ, скоро явится на свѣтъ; начало уже положено въ 4 выпускѣ „Калѣкъ перехожихъ" въ статьѣ подъ названіемъ „Къ читателямъ". Но я серіозно опасаюсь, продолжаетъ Якушкинъ, что эта наука Петра Алексѣевича окажетъ совершенно медвѣжью услугу... такъ хитро онъ подходитъ. (Сочин., изд. 1884 г., стр. 474).

Г. Безсоновъ вездѣ говоритъ отъ лица „современной науки", какъ вполнѣ аккредитованное ею лицо, единственный представитель „современной науки"; напримѣръ: „Какъ нынѣ доказано наукою, исторія Адама воспроизведена изъ эпохи племени Адовъ" (стр. 111), или: „извѣстно для современной науки, что древніе Ады или Уды не коснулись центра нынѣшней Россіи" (121).

„*Новая наука*" г. Безсонова—чудное созданіе, передъ которымъ творенія Лукашевича о происхожденіи славянскихъ языковъ изъ еврейскаго, Красускаго о старшинствѣ малорусскаго языка надъ санскритскимъ, греческимъ и латинскимъ языками—меркнутъ по силѣ авторскаго воображенія.

„*Новая наука*" г. Безсонова построена на какомъ-то таинственномъ „образѣ дѣвы". Много страницъ посвящено этой новооткрытой „дѣвѣ", причемъ повѣствованіе г. Безсонова о „дѣвѣ" представляетъ смѣсь поэзіи и прозы, обильно риѳмами и эпитетами. „Въ исторіи самой семьи", говоритъ г. Безсоновъ, „на поприщѣ реальной дѣйствительности и въ ея творческомъ выраженіи обрядомъ и словомъ свадьбы одинаково обрисовывается и выступаетъ передъ нами яркій образъ дѣвы, по всѣмъ ступенямъ развитія ея собственнаго и развитія представленій о ней, какъ жила и живетъ она въ окружающей средѣ, какъ ее поставила и какъ ее понимаетъ самая среда. Здѣсь представляется намъ рельефно, воочію и въ слухъ, положеніе, значеніе и пониманіе женщины вообще, женщины просто или вся-

кой; далѣе выработанная высокая роль и добытое сознаніе объ ея началахъ или идеалѣ,—въ замкнутости ключей дѣвства (?), недоступности, таинственности, важности, въ очарованіи и привлекательности, однимъ словомъ, значеніе и роль дѣвы, какъ самобытнаго и, скажемъ, спеціальнаго явленія и существа въ мірѣ человѣческомъ" (стр. 9). Г. Безсоновъ наполняетъ своими разглагольствованіями о дѣвѣ шесть страницъ въ рядъ, потомъ нѣсколько разъ возвращается къ ней, связываетъ при этомъ съ именемъ дѣвы былинную Лебедь бѣлую, названія рѣкъ Двины, Эльбы и Днѣстра, полумиѳическихъ Любушу и Ольгу. Передъ глазами читателя „дѣва" носится какъ призракъ, заполоняетъ собой всѣ данныя исторіи, миѳологіи и лингвистики; то она сидитъ „на престолѣ или на горней вершинѣ земнаго міра", то „сходитъ съ высоты, покорная волѣ батюшки, увѣщанію матушки", то является „дѣвою судною", то „надъ ней нависаетъ роковой приговоръ и ей сужденъ суженый", то она должна „принести жертву собственной честью, чистотой, невинностью, стыдливостью" (стр. 13). „Кто виноватъ здѣсь"? патетически восклицаетъ г. Безсоновъ, и поспѣшно отвѣчаетъ: „Виновата она сама своимъ возрастомъ, красотою, приманкою прелести, очарованіемъ, виновата чувствомъ любви, простертымъ въ мірѣ, зашевелившемся въ личномъ сердцѣ". Паѳосъ г. Безсонова все ростетъ, раздувается: „Дѣва—въ трепетѣ, въ слезахъ, невинная добровольная мученица всесильной натуры (!). Подняты высоко чувства, мысли и рѣчи всѣхъ присутствующихъ... Подлинное таинство изъ таинствъ, драма изъ драмъ, торжество жизни текущей, зеркало доисторической, завѣтъ будущей" (стран. 14). Г. Безсонова нужно читать въ подлинникѣ, чтобы понять всю прелесть его „дѣвы".

„*Новая наука*" г. Безсонова открываетъ какое-то „общее" туранское племя Утовъ или Адовъ, „племя давнее, могучее и самое энергическое" (стр. 95). „Кромѣ отношенія къ Аріямъ Уды имѣли близкое отношеніе и къ Семитамъ; съ ними связано по корню названіе и лицо Іуды" (стр. 127). „Все различіе отъ будущаго, земледѣльческаго и народнаго, составляло (?) въ томъ, что это были начала, все это было переходнымъ звеномъ, не

стойкимъ, не осѣдлымъ; все это было на возу, на животныхъ, и съ животными вокругъ, все вмѣстѣ безпрерывно передвигалось, измѣнялось, отъ центра бѣжало и къ нему возвращалось для новаго движенья, центробѣжно и центростремительно вмѣстѣ, стало быть вращательно и кругообразно. „Племя кружилось въ своемъ безысходномъ кругѣ, „какъ кружилось само сознаніе въ броженіи стихій; то было послѣ линій движенія звѣроловнаго, пастушескаго и дикаго, первое опредѣленное явленіе круга; но еще не было ни угловъ, ни квадрата, являющагося въ земледѣліи и вмѣстѣ съ народомъ; вырабатывались болѣе фигуры, чѣмъ тѣла; тѣло оставалось еще физическимъ, въ процессѣ натуральномъ, а тѣло или корпусъ организма народнаго только слагались и назрѣвали. Иные и совсѣмъ остановились на этомъ моментѣ, кристаллизировались въ фигурахъ кочевья; другіе“ (стран. 34)... потеряютъ терпѣніе читать далѣе, если только продолжать выписку, а выписать не трудно изъ нѣсколькихъ десятковъ страницъ, залитыхъ сверху до низу подобнаго рода разглагольствованіями объ Адахъ и Удахъ. Г. Безсоновъ, ни мало не смущаясь тѣмъ, что предполагаемые имъ Уды—„племя давнее“, жившее за нѣсколько тысячелѣтій до Рожд. Христова, подробно говоритъ объ ихъ жизни, жилищахъ, одеждѣ и даже наружности; „Носъ прямъ. Глаза не велики, не растянуты, есть и сѣрые, но больше карые; сухощавы и поджары, выносливы воздержны, полнокровны, круглолицы, даже румяны, какъ баре, господа“. (98). Г. Безсоновъ даже знаетъ, что Уды носили „шапки и шапочки, скроенныя и сшитыя изъ полосъ, острымъ концомъ полосъ къ верху и съ завершеніемъ на маковкѣ шишечкой“ (стр. 41). Г. Безсоновъ очень обязательно предлагаетъ читателямъ не только археологію и этнологію Удовъ, но даже ихъ исторію. „Писателямъ (??)“, говоритъ онъ, „разумѣется, знакомы выводы современной науки, что... Уды и Ады, въ началахъ своихъ близкіе со всѣми почти прочими народами, были разбиты и разсѣяны извѣстнымъ (?) походомъ Египтянъ XIV вѣка, при Сезострисѣ, сглажены Басками и Гебрами, вытравлены предками Финновъ, Саксовъ, Киммеріянъ и Боевъ, такъ что къ приходу славянъ вся означенная мѣстность (т. е. Россія)

давно уже и совершенно была очищена отъ всякихъ элементовъ Туркизма" (стр. 57). Такова печальная судьба „прадревнихъ" „круглолицыхъ" и „румяныхъ" Удовъ, носившихъ шапочки съ шишечкой на маковкѣ. Бѣдные Уды! Хорошо, по крайней мѣрѣ, что до г. Безсонова дошли ихъ „шапки и шапочки", „прямой носъ" и „сѣрые, большіе карые глаза". Любопытно было бы узнать, какой художникъ изъ Басковъ, Гебровъ или Боевъ передалъ г. Безсонову цвѣтъ удскихъ глазъ, и въ какой формѣ, маслянными красками или акварелью.

„*Новая наука*" г. Безсонова открываетъ еще какого-то тура. На многихъ страницахъ говорится о турѣ, но при всемъ томъ я рѣшительно не понялъ, что это за чудный звѣрь и каково его значеніе въ славянской этнографіи. Могу только замѣтить, что г. Безсоновъ туромъ объясняетъ безчисленное множество историческихъ и филологическихъ явленій. У г. Безсонова туръ переплетается съ тигромъ, съ Таврами, съ Этрусками, бросается на читателя съ каждой страницы, и въ концѣ концовъ читатель подавленъ туромъ.

„*Новая наука*" г. Безсонова чрезвычайно упрощаетъ филологію. Весь безконечный лингвистическій міръ, всѣ формы и слова въ языкахъ индо-европейскихъ, семитическихъ и монголотюркскихъ г. Безсоновъ можетъ вывести и дѣйствительно выводитъ изъ Дѣвы, Адовъ и Тура. Ады и Туръ—два кита, на которыхъ держится археологія, этнографія, этнологія и филологія г. Безсонова. Буй-туръ въ Словѣ о полку Игоревѣ отождествляется съ британскимъ Артуромъ (ярый туръ) и все это возводится къ туру (стр. 101); кентавръ=коне-туръ, коне-быкъ (стр. 101); Этруски, Туррены, Туссагеты, Туринги, Тирольцы, Турки—„конечно изъ помянутаго тура" (стр. 107). „Имя татаръ", говоритъ г. Безсоновъ, „редупликація или удвоеніе корня тр, являющагося уже въ извѣстныхъ намъ наименованіяхъ тигръ, туръ, тавръ" (стр. 110). Адамъ, Аккадъ, Аяксъ=Яковъ, Іудеи—все это происходитъ отъ Адовъ или Удовъ (стр. 101, 105, 106). „Якуты—прямое соединеніе Яковъ и Уты" (стр. 106). Недурны другія филологическія словопроизводства г. Безсонова, напримѣръ: „Амазонка отъ манъ-женъ, т. е. соединеніе во едино

мужчины и женщины" (стр. 10). Этрусскія Вейи—наши Вежи, Бѣлыя Вежи" (стр. 36). Египетское слово кушиты происходитъ отъ славянскаго кочевать; сюда же отнесенъ и козацкій кошъ, кошевой (37). „Гареммъ—отъ горѣть" (44). Шатъ-Эль-Арабъ названъ такъ потому, что Арабы тамъ шатаются, кочуютъ (стр. 38). Чердакъ—„чудная, божественная вышина",—изъ чар—чаровать и даг—горѣть (47). Величественное словопроизводство г. Безсонова льется потокомъ, безъ ссылокъ, безъ цитатъ, льется неудержимо и неоспоримо. Часто нѣтъ простаго соглашенія между словами, связи между предложеніями. Обычны такія выраженія, какъ „составляло въ томъ" (34), „горцевскій" видъ (131), „глаза, густѣющіе" (131).

„*Новая наука*" г. Безсонова разъясняетъ, что „наступившее обособленіе вѣтви, извѣстной позднѣе подъ Великорусскою отъ Словянъ вообще и прочихъ (?) Русскихъ, послѣдовало, какъ извѣстно (!), 1) начиная съ Придунайской и южной или Скитской (скиѳы—Скиты отъ скитаться) эпохи постепеннымъ движеніемъ колонизаціи на сѣверо-востокъ нынѣшней территоріи, 2) позднѣе и сильнѣе, на глазахъ положительной исторіи, наплывомъ изъ Полей и Кіевской области... Въ первомъ случаѣ организмъ сходившейся Великой Россіи совершенно обезпеченъ былъ на Востокѣ и Юго-востокѣ отъ какого либо давленія Тюрко-Монгольской формаціи сплошною массою и сильною группою передовыхъ Мидо-Персовъ, въ лицѣ Аланъ, Сарматовъ"... Г. Безсоновъ разузналъ, что во всякомъ случаѣ, по всѣмъ памятникамъ (?), это (Аланы, Сарматы) была вѣтвь высоко нравственная и способнѣйшая къ цивилизаціи" (стр. 57—58). На слѣдующей, 59 страницѣ г. Безсоновъ добавляетъ: „Помянутому историческому наплыву (великорусскаго) населенія съ юга предшествовало въ промежуткѣ появленіе на Востокѣ и Юго-Востокѣ Россіи Арабовъ. Русь и Арабы, чувствуя обоюдную мощь и независимость, свободно сносились въ международныхъ дѣлахъ... Арабы описывали русскіе нравы и обычаи, но присваивая ихъ себѣ... Сами же они были чистокровные семиты... Кочевой бытъ тогдашнихъ Арабовъ уступалъ явно народному и земскому... Объ Исламизмѣ ихъ и о вліяніи его на Русскихъ не можетъ

быть и рѣчи,—до вѣры и религіи не доходило въ сношеніяхъ“ (стр. 60). Очевидно, для г. Безсонова все явно, и все ему извѣстно, и самый исламизмъ отнесенъ здѣсь ко времени задолго до появленія Магомета. Г. Безсоновъ питаетъ отвращеніе къ цифрамъ, къ точной хронологіи. Встрѣчаются только громадные періоды времени, „прадревніе“ народы, выраженія „древнѣе, позднѣе“. Вообще, хронологія имѣетъ древне-индусскій характеръ, таинственная, туманная, гиперболическая, выражается не математическими знаками, а сравнительными и превосходными степенями именъ прилагательныхъ.

„*Новая наука*“ г. Безсонова при полномъ отрицаніи какихъ-либо монголо-тюркскихъ вліяній на великоруссовъ, будто-бы стоявшихъ подъ защитой и за оградой „высоко-нравственныхъ Алланъ и Сарматовъ“, переноситъ туранизмъ на Русь Южную и Западныхъ Славянъ. Г. Безсоновъ говоритъ, что древніе Ады или Уды покрывали нѣкогда весь Югъ Россіи, отъ Татръ до Дона, и отъ нихъ, а отчасти отъ позднѣйшихъ татаръ и турокъ, малороссіяне унаслѣдовали лицевыя очертанія и нравственный характеръ. Характерными чертами малорусскаго туранизма г. Безсоновъ считаетъ будто бы свойственное малороссіянамъ „лицо плоское, какъ доска“, „смачный (!) и широкій носъ“, „глаза съ узкимъ разрѣзомъ и на оконечностяхъ стрѣльчатые“, „приземистую статуру“, „голосъ тенористый, переходящій въ козла“ (!), „взвизгиваніе при началѣ рѣчи“, „медленность походки до воловъ съ ихъ шагомъ и скрипучею телѣгою“, „упрямство, упорство, неповоротливость, лѣнь, скрытность, хитрость, значительную обидчивость“. Въ число характерныхъ признаковъ малорусскаго туранизма г. Безсоновъ вставилъ „вишневенькій садокъ съ грушами (!) вмѣсто лѣса и парка, отвращеніе къ гвоздямъ въ сапогахъ (стр. 132), отвращеніе отъ мытья тѣла и бани“ (стр. 122). „Сюда же относится“, продолжаетъ г. Безсоновъ, „у Малоруссовъ обычай, въ простомъ народѣ, не умываться, а лишь обтираться мокрымъ полотенцомъ, не употреблять носовыхъ платковъ (!) и по долгу не сморкаться“ (стр. 122 см. примѣчаніе). Г. Безсоновъ своей характеристикѣ малороссовъ предпослалъ слѣдующее замѣчаніе: „Насъ, по дѣятельности нашей

и профессіи, конечно не заподозрятъ въ недостаткѣ сочувствія или должной оцѣнки достоинствъ ни относительно Южноруссовъ, ни какого-либо Славянства" (стр. 120). Чтобы снять съ себя подозрѣніе въ національномъ пристрастіи, г. Безсоновъ на 132 стр. доводитъ до свѣдѣнія читателя, что его „личный" предокъ Гедеонъ Балабанъ, и замѣчаетъ при этомъ, что и у Гедеона Балабана, судя по портрету, „глаза узкіе, поперечно растянутые и на оконечностяхъ стрѣльчатые".

„*Новая наука*" г. Безсонова обогащаетъ археологію и исторію великими открытіями, даже въ отдѣльныхъ подробностяхъ, частностяхъ, напримѣръ: „Турки *во сто разъ* болѣе переняли отъ южныхъ славянъ, чѣмъ славяне отъ турокъ" (62). „Во сто разъ" подчеркнуто самимъ г. Безсоновымъ, должно быть въ знакъ точности счета.—„Наши скопцы—наслѣдники прадревнихъ галловъ" (38).—Г. Тверь—колонія Тиверцовъ" (стр. 107). „Судъ Любуши—прелестнѣйшій цвѣтокъ народной поэзіи чеховъ на зарѣ исторической жизни (12). „Прадревній" профессоръ Безсоновъ, очевидно, не читалъ и даже не слышалъ, что Судъ Любуши—памятникъ поддѣльный, по отзывамъ самихъ чешскихъ ученыхъ.

„*Новая наука*" г. Безсонова отличается своеобразнымъ патріотизмомъ. Г. Безсоновъ начинаетъ исторію славянъ съ вавилонскаго столпотворенія и отъ потопа, ведетъ ихъ изъ-подъ Арарата въ Хорасанъ, гдѣ является богъ Хорсъ, откуда идутъ наименованія Хевсуровъ, Херсонеса, Хереса, затѣмъ наполняетъ славянами весь старый свѣтъ, Кавказъ, Сирію, Испанію; Кто не признаетъ тождества сирійскаго Кадеша и испанскаго Кадикса съ славянскимъ Гданскомъ (Данцигомъ), кто не считаетъ Кушитовъ „шатунами въ шатрахъ" (38), тотъ въ глазахъ г. Безсонова неблагонамѣренный человѣкъ. Чтобы уловить соль патріотизма, я приведу разсужденіе г. Безсонова о происхожденіи русскаго сказочнаго Таракашки, Тараканчика отъ древнегреческаго Геракла: „Предчувствуемъ восклицаніе, говоритъ г. Безсоновъ,—вы смѣло обращаетесь съ древностью, какъ будто она сейчасъ у васъ подъ рукою, до того, что какого нибудь Таракашку сопоставляете съ величественнымъ Геракломъ! Да, мы

дѣйствуемъ смѣло, но по убѣжденію въ началахъ, однородныхъ для всякаго историческаго народа, тѣмъ болѣе индо-европейскаго мы не развѣнчиваемъ древнихъ героевъ, а вѣнчаемъ и нашихъ бѣдняковъ, понесшихъ за насъ тяжкіе труды развитія, насъ выдвинувшихъ, насъ сложившихъ народомъ. Для русскаго Иванъ и какой нибудь Таракашка ближе Геракла, не менѣе его сдѣлали, не подлежатъ забвенію. Кто же, слѣдя за ними, даже въ оболочкѣ шутливой сказки, не почувствуетъ боли отъ ихъ страданій, тяжести отъ трудовъ ихъ, радости отъ ихъ спасенія? Развѣ тотъ, кто въ тысячелѣтней древности народа слышитъ все еще безсвязный лепетъ младенца, видитъ праздный наборъ какихъ-то образовъ какого-то безцѣльнаго творчества, желающаго подшутить надъ міромъ, надъ собою и надъ нами. Да, мы не пугаемся и приближаться къ древности, и смотрѣть ей прямо въ лицо. Сѣдая и вѣковая, она и отдаленна тысячелѣтіями, и столь же близка намъ, если соединяетъ насъ съ нею жизнь, если соединяетъ духъ и разумъ, для которыхъ тысяча лѣтъ какъ день единъ. Можно не только что къ отдаленной древности, можно и къ своему собственному народу стать въ такое отношеніе, что онъ будетъ совсѣмъ чуждый, далекій-далекій, и безсмысленный, и непонятный, а наша оторванная личная жизнь будетъ вращаться въ кругу эгоистическихъ интересовъ, въ самодовольствѣ самосозданной фантасмагоріи или грубаго пользованія всѣмъ окружающимъ какъ средствомъ забыться. Можно же стать и въ такое отношеніе, когда глубочайшее начало народное будетъ громко отзываться въ душѣ отдѣльнаго человѣка, тепло согрѣвать ее, ясно освѣщать мракъ ея невѣдѣнія“ (Пѣсни Рыбникова, II, Примѣч. Безсонова CLXV). Нельзя не порадоваться за г. Безсонова, столь воспріимчиваго и чувствительнаго, что сказочные Иванушка Дурачокъ и Тараканчикъ „громко отзываются въ его душѣ, тепло согрѣваютъ ее и ясно освѣщаютъ мракъ его невѣдѣнія“. „Такое отношеніе (къ древности) дается искренней простотѣ, говоритъ далѣе г. Безсоновъ, и мы согласились бы вполнѣ съ г. Безсоновымъ, если бы за его „простотою“ не скрывалось подозрительныхъ намековъ на что-то и кого-то. Видно, многоглаголивый г. Безсоновъ не всегда пишетъ

„спроста“. Видно, его „личная жизнь вращается“ не только „въ самодовольствѣ самосозданной фантасмагоріи“, но и „въ кругу эгоистическихъ интересовъ“. Видно, „боли и страданія“ Тараканчика, „тяжесть его трудовъ“ не оказали на г. Безсонова достаточнаго вліянія.

„*Новая наука*“ г. Безсонова обнаруживаетъ неслыханное и неимовѣрное самохвальство. Г. Безсоновъ прямо заявляетъ: „нашъ взглядъ отличается безпристрастіемъ и спокойствіемъ положительнаго знанія, связывается съ достоинствомъ науки“ (стр. 134). Неоднократно, по разнымъ поводамъ г. Безсоновъ бросаетъ пыль въ глаза читателя заявленіемъ „наша дѣятельность и наша профессія“, нигдѣ въ точности не уясняя, въ чемъ состоятъ эти дѣятельность и профессія. Созидая новую науку на Дѣвѣ, Удахъ и Турѣ и не находя нигдѣ ни отклика, ни сочувствія, г. Безсоновъ усвоилъ самое презрительное отношеніе и къ наукѣ, и къ ея представителямъ. Въ особенности высокомѣрно онъ отзывается о нѣмецкихъ „спеціалистахъ“, причемъ ковычки надъ словомъ „спеціалистахъ“ у Безсонова указываютъ на его отрицаніе нѣмецкой науки вообще, на то, что кромѣ славянской науки и единственнаго спеціалиста въ ней г. Безсонова, нѣтъ въ мірѣ никакого другаго знанія, ниже его выразителей и носителей. Излагая свою Дѣву, г. Безсоновъ восклицаетъ: „Нужно только удивляться, какъ весь этотъ широкій, величавый, прекрасный и громкій міръ европейская цивилизація свела въ скорлупу, засушила безумнымъ нарядомъ, лишила славы, мелодіи, музыки и всего творчества, обнажила отъ драматическаго дѣйствія, упростила простотою физическихъ и матеріальныхъ условій и коммерческаго договора. Но еще удивительнѣе, что мы сами у себя не знаемъ своего наслѣдія и богатства; какъ, изучая при случаѣ, мы бѣдны мыслью и пониманіемъ, довольствуемся жиденькою книжкой, срисовываемъ въ нее значки и буквы исторической жизни, кое какія формы обряда и кое-какія толкованія изъ сочиненій нѣмецкихъ „спеціалистовъ“ (стр. 14 — 15). Нужно только заглянуть въ авгіевы конюшни,—примѣчанія г. Безсонова къ былинамъ въ сборникахъ П. Кирѣевскаго и Рыбникова, чтобы насчитать десятки

ругательныхъ и презрительныхъ отзывовъ о русскихъ ученыхъ, Викторовѣ, О. Ѳ. Миллерѣ, И. В. Ягичѣ и др. столь же почтенныхъ и заслуженныхъ труженикахъ науки. Въ 1 кн. „Русской Бесѣды“ 1860 г. Безсоновъ называетъ извѣстнаго библіографа, нынѣ покойнаго Викторова „бездарностью, которая на досугѣ плететъ паутину въ тиши своей неученой кельи“. О профессорѣ О. Ѳ. Миллерѣ г. Безсоновъ отзывался еще изысканнѣе: „О. Ѳ. Миллеръ, пылкій студентъ, ревностно штудирующій народное творчество въ слѣдъ за каждымъ новымъ нашимъ открытіемъ (безсоновскимъ!!), изданіемъ и указаніемъ, привыкшій судить in verba magistri употребленіемъ нашихъ (безсоновскихъ!!) терминовъ и выводовъ, какъ своихъ“ (Пѣсни Кирѣевскаго IV, изд. 2, стр. 170). „Г. Ягичъ,“ замѣчаетъ г. Безсоновъ, „подобный ему (т. е. О. Ѳ. Миллеру) геній“ (ibid. 171).—Приведемъ еще одинъ перлъ самохвальства. Всему ученому міру извѣстно, чѣмъ былъ, что сдѣлалъ для науки Яковъ Гриммъ. Это была громадная плодотворная сила въ сферѣ человѣческихъ познаній. Въ примѣчаніяхъ ко 2 т. Сборника былинъ Рыбникова на стр. CXCVII г. Безсоновъ обвиняетъ „представителя филологовъ“ Гримма въ какомъ-то „скачкѣ“ и замѣчаетъ при этомъ: „Всякой безпристрастный согласится, что наши выводы, при всей ихъ скромности, нѣсколько послѣдовательнѣе.“

Г. Безсоновъ осмѣливается хвастать своими изданіями пѣсенъ и своими примѣчаніями къ нимъ. Да сохранитъ насъ Господь Богъ отъ той чести, какую стяжалъ себѣ г. Безсоновъ своими сборниками пѣсенъ, въ особенности сборникомъ П. В. Кирѣевскаго и Каликами перехожими. Здѣсь мы оставляемъ перо, и предоставляемъ говорить П. И. Якушкину.

„Изданіе пѣсенъ Кирѣевскаго,“ писалъ Якушкинъ, „идетъ непутно и *страшно подозрительно*“ (Сочин., стран. 470). Что П. И. Якушкинъ разумѣлъ подъ загадочнымъ выраженіемъ „страшно подозрительно“, видно изъ слѣдующихъ его словъ: „Родственники ли, друзья ли П. В. Кирѣевскаго, никто не имѣлъ права его трудами позволить дѣлать имя кому-нибудь: это грѣхъ не только передъ памятью Петра Васильевича, но это уголовное преступленіе передъ обществомъ. Какъ могло Общество лю-

бителей русской словесности или кто другой позволить приписать труды покойника живому человѣку, на томъ основаніи, что покойникъ умеръ и ему не надобны блага мірскія, а живому человѣку, хоть бы этотъ человѣкъ былъ и П. А. Безсоновъ, отдать труды покойника для прославленія своего имени? Позволить на первыхъ же строкахъ трудовъ покойника обругать всю дѣятельность его!“ (стран. 471).

По поводу изданія „Каликъ перехожихъ“ Якушкинъ писалъ: „Г. Безсоновъ, какъ трудолюбивый жукъ, со всякой дряни собираетъ все, что ему надобно... Сюда вошелъ и мѣсяцесловъ въ стихахъ, вѣроятно, войдетъ ариѳметика, оды Державина, Шатрова. Собравъ многое множество стиховъ, г. Безсоновъ объявилъ въ газетѣ „День“, что „я-де П. А. Безсоновъ собралъ до тысячи стиховъ, да денегъ нѣтъ, издать не могу, такъ сокровище и пропадаетъ!

Не соблаговолитъ ли кто дать денегъ на изданіе этихъ сокровищъ?! „С.Петерб. Вѣдомости“ повторили это объявленіе, и подписка шла такъ быстро и успѣшно, что совершенно доказала сочувствіе русскаго общества къ изданію русскихъ народныхъ пѣсенъ... Всѣ думали, что г. Безсоновъ въ первой же книжкѣ, выпущенной по подпискѣ, запоетъ:

А мы, нищая братія,
Мы убогіе люди,
Должны Бога молити,
У Христа милости просити
За поящихъ, за кормящихъ,
Кто насъ поитъ и кормитъ,
Обуваетъ,—одѣваетъ!

А Петръ Алексѣевичъ Безсоновъ, вмѣсто этой жалобной пѣсни „Каликъ перехожихъ“, какъ хватитъ въ первой же книжкѣ, въ первый же стихъ:

Патріархи тріумствуйте,
Со пророки ликовствуйте,
Со святыми торжествуйте!
Приведутся дѣвы... (IV вып., стр. 1.).

А чего тутъ ликовать?!.. Ликовать, не ликовать одному Петру Алексѣевичу Безсонову, а подписчики-то на „Каликъ

перехожихъ", чай, заплакали, когда денежки ихъ загули!" (Сочинен. Якушк. стран. 479).

Можетъ быть, также неблагосклонные отзывы Якушкина о Безсоновѣ были вызваны личными отношеніями? Нельзя думать. Столь же неблагопріятно отозвались о Безсоновѣ А. А. Котляревскій, А. И. Кирпичниковъ, И. В. Ягичъ, А. Н. Пыпинъ, Ѳ. И. Буслаевъ. Въ статьѣ уважаемаго Ѳ. И. Буслаева о русскомъ богатырскомъ эпосѣ въ мартовской книжкѣ Русск. Вѣстника 1862 г., написанной по поводу сборниковъ Кирѣевскаго и Рыбникова и примѣчаній къ нимъ г. Безсонова, на стран. 15 читаемъ: „Надо опасаться, чтобы наша нѣмецкая образованность, вооруженная чиномъ и другими привиллегіями, не отнеслась къ народности, какъ къ выгодной добычѣ, и чтобы изъ вопроса о нравственномъ и матеріальномъ благосостояніи народныхъ массъ не сдѣлала для себя ловкой спекуляціи".

Н. Ѳ. Сумцовъ.

Сводъ данныхъ о Янѣ Орышевскомъ, запорожскомъ гетманѣ временъ Стефана Баторія [1]).

Вопросъ о такъ называемой регуляціи запорожскаго козачества при королѣ Стефанѣ Баторіи (1576—1586) остается до сихъ поръ однимъ изъ самыхъ темныхъ и загадочныхъ вопросовъ исторической науки. Мы не имѣемъ достаточнаго количества твердыхъ данныхъ, чтобы окончательно рѣшить его въ ту или другую сторону. Пока несомнѣнно одно: большія войны, которыя велъ Баторій съ Москвою за обладаніе Инфлянтами, требовали значительныхъ военныхъ силъ и для нихъ нельзя было ограничиться старинным способомъ „посполитаго рушенія“ въ случаѣ войны,—тѣмъ болѣе, что эти старосвѣтскія ополченія ни по своему вооруженію, ни по пріемамъ боевыхъ дѣйствій не соотвѣтствовали требованіямъ военнаго искусства временъ Баторія. Мы имѣемъ одно краснорѣчивое свидѣтельство современника о томъ, въ какомъ состояніи засталъ Баторій военныя силы Польши. „Цвѣтущіе люди и добрые кони“, говоритъ Андрей Лубенецкій [2]), „составляли польское войско, но на этихъ молодцахъ и на ихъ пышныхъ коняхъ Баторій засталъ такое военное снаряженіе, какое нѣкогда пригодно было полякамъ и литвинамъ противъ самострѣловъ и луковъ, но безусловно не годилось про-

[1]) Статья эта была читана, какъ рефератъ въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца, 28 января 1896 г.

[2]) См. Poloneutichia Andrzeja Lubienieckiego. Z rękopismów zakładu naukowego imienia Ossolińskich. Wiadomość o tem rękopismie i życiu Lubienieckiego zebrał Alex. Batowski. Wydanie zakładu naukowego imienia Ossolińskich. We Lwowie 1843. Стр. 110—111. Лубенецкій род. около 1550 г., умеръ въ 1622 г.

тивъ огнестрѣльнаго оружія. Во-первыхъ, они сѣдлали коней такими высокими сѣдлами, что сѣдло закрывало половину всадника; при этомъ оно бывало оковано желѣзомъ или къ нему привязывалось особое сидѣнье, такъ что оно вѣсило столько, сколько вѣсятъ три теперешнихъ сѣдла вмѣстѣ. На всадника надѣвался панцырь т. е. такое грузное вооруженіе, въ которомъ несчастнаго рыцаря можно было свалить съ коня не только палкой, но даже нагайкой. Кромѣ того принадлежностями вооруженія были: *пашжъ* или тяжелая *тарча* (два рода щитовъ); обыкновенно къ нимъ придѣлывались какія нибудь крылья или китицы изъ павлиньихъ перьевъ; *шишакъ* (шлемъ), высокій и широкій, какъ какой-нибудь ящикъ, увѣнчанный скуфіей, китицей изъ перьевъ или форкетомъ (вилками); все это было очень грузно и при малѣйшемъ вѣтрѣ рыцаря измучивало, а коня ослабляло; дальнѣйшая принадлежность—деревянныя *копья* были такими огромными и тяжелыми, что каждое вѣсило за два нынѣшнихъ копья; къ копью подъ самое яблоко, заканчивающееся пикой, подвязывался прапоръ (маленькій флагъ или значекъ). Иныхъ шутовскихъ вещей, составлявшихъ принадлежность вооруженія, я не хочу перечислять", продолжаетъ Лубенецкій. „Тѣмъ не менѣе польскіе рыцари сохраняли ихъ изъ любви ко всему *старосвѣтскому*,—какъ при выступленіи въ поле, такъ и во время мира. Польское вооруженіе очень не нравилось французамъ, нѣмцамъ и другимъ иностранцамъ. Польскіе пѣхотинцы болѣе похожи были на шутовъ, нежели на рыцарей. Ихъ одѣвали въ клѣтчатыя платья, сшитыя изъ кусковъ сукна разныхъ цвѣтовъ. Каждая куртка и каждые шаравары соединяли въ себѣ нѣсколько разныхъ цвѣтовъ сукна. Оружіемъ пѣхотинца были: мечъ и алебарда, очень рѣдко—ружье. Пѣхотинцы не знали, какъ дѣлались шанцы или туры; фортификаціонныя работы они увидѣли въ первый разъ, когда мы осаждали Ланцкорону, а потомъ—подъ Гданскомъ". Прибавимъ къ этому, что старосвѣтскія польскія ополченія изъ шляхты собирались медленно, отличались неповоротливостью и полнымъ отсутствіемъ дисциплины и по своему громоздкому вооруженію и снаряженію не годились для далекихъ и быстрыхъ походовъ. Вотъ какое войско заставъ Ба-

торій въ Польшѣ! Между тѣмъ ему нужны были постоянныя, пріученныя къ военной дисциплинѣ войска, которыя были бы послушнымъ орудіемъ въ рукахъ короля и могли бы свыкнуться съ новымъ болѣе легкимъ вооруженіемъ и съ требованіями тогдашней военной тактики. Баторій повсюду искалъ матеріала для такихъ войскъ: онъ заохачивалъ богатыхъ пановъ на свой счетъ вооружать и предоставлять въ распоряженіе короля блестящія, пышно разодѣтыя роты гусаръ и конныхъ стрѣлковъ [1]); онъ обращался заграницу и нанималъ тамъ венгерскихъ гайдуковъ [2]), нѣмецкихъ райтаровъ и ландскнехтовъ [3]), шотландскихъ пѣхотинцевъ [4]); онъ набиралъ пѣхотные отряды изъ польскихъ хлоповъ, которые назывались выбранцами или лановой пѣхотой [5]); наконецъ, онъ обратилъ вниманіе и на запорожское козачество, какъ на превосходный, наполовину готовый, военный матеріалъ. Къ этому времени въ низовьяхъ Днѣпра, за порогами, почти сложилось уже нѣчто среднее между военнымъ орденомъ и промышленною артелью,—своеобразное общество, составленное изъ пришельцевъ, которые собирались туда со всѣхъ концовъ польско-литовскаго государства и даже изъ сосѣднихъ странъ. Баторій не хотѣлъ и на будущее время оставлять запорожское козачество въ роли грандіозной разбойнической шайки, постоянно нападающей на сосѣднія татарскія, турецкія и валашскія владѣнія и вызывающей дипломатическія недоразумѣнія съ сосѣдями, а предполагалъ организовать изъ него правильное войско, которое могло бы съ пользой послужить ему въ борьбѣ съ Москвою. Мысль эта не была новой. Еще въ 1502 году существовали козачьи роты изъ запорожцевъ русскаго и татарскаго

---

[1]) См. Źródła dziejowe, t. IV, 1877, стр. 165, № 96; t. VIII, стр. 232.

[2]) См. напр. Źr. dz. t. IX, b, стр. 156, статьи расхода 1576 г.: in conductionem *militum Hungarorum* in finibus Hungariae; in solutionem equitibus et peditibus *Ungaris*; emptio panni peditibus *Ungaris*.

[3]) См. тамъ же, стр. 155, статьи расхода: peditibus *Germanis Lanczknechtis*; peditibus dictis *Knechty*, стр. 156—in equites *Germanos* 50 *raithary* dictos.

[4]) См. тамъ же, стр. 234: „Szkocka piechota z mniejszym kosztem zbierana bywała".

[5]) См. Górski, Historya piechoty polskiej, Kraków 1893, стр. 23, § 8.

происхожденія, которыя служили великому князю Литовскому подъ начальствомъ Щура и князя Дмитрія [1]). Въ 1524 г. Сигизмундъ I хотѣлъ обратить запорожцевъ къ себѣ на службу и предполагалъ выдавать имъ жалованье „пѣнязями“ и „сукнами“ [2]). Возникала эта мысль и при Сигизмундѣ-Августѣ. Одно время старшимъ начальникомъ надъ служившими правительству запорожцами былъ проживавшій въ Бѣлой Церкви шляхтичъ Янъ Бадовскій [3]). Очень можетъ быть, что Баторія вновь натолкнули на мысль утилизировать запорожское козачество для королевской службы тѣ запорожскіе депутаты, которые явились лично привѣтствовать его со вступленіемъ на престолъ, въ маѣ 1576 года. До насъ дошли ихъ имена; это были: Иванъ Сиверный, Хведоръ Захвостый, Семенъ Поховскій и Марко Винницкій. Король, какъ видно, принялъ ихъ благосклонно и подарилъ каждому по 15 флориновъ деньгами и по 6 локтей лѣонскаго сукна [4]) Позднѣе ханъ крымскій настойчиво совѣтовалъ королю Стефану обратить запорожцевъ на королевскую службу и въ 1578 г. въ инструкціи послу Мартину Броневскому отъ 4 апрѣля король велѣлъ передать хану относительно запорожцевъ: „Pokosztujem też tego, jeśli ich możem do siebie przyzwać, ale jednak za to nie przyrzekamy, aby się ich część do Moskwy udać nie mia-

---

[1]) См. Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. 1, Кіевъ 1863, стр. 1, документъ № 1. Упоминаемый въ немъ князь Дмитрій не могъ быть *Вишневецкимъ*, какъ сказано въ предисловіи къ этому тому актовъ (стр. 26), потому что князь Дмитрій Ивановичъ Вишневецкій, казненный въ Константинополѣ въ 1563 году, въ 1502 году могъ быть развѣ только младенцемъ. Другаго князя Дмитрія Вишневецкаго въ эту эпоху не было.

[2]) См. Чтенія въ Историч. Общ. Нестора Лѣтописца, книга 8-я, Кіевъ 1894 г., ст. И. М. Каманина „Къ вопросу о козачествѣ до Богдана Хмельницкаго“, стр. 81, прим. 2.

[3]) См. Акты Южной и Западной Россіи, т. II, С.-Петербургъ 1865, стр. 165, докум. № 149.

[4]) См. Żr. dz. t. IX (1881), a, стр. 80: „Boristenis Kozakom, personis 4 videlicet: Iwano Sewerny, Chwiedoro Zachwosthy, Szemono Pochowsky, Marco Winniczky loco expeditionis illorum de gratia S. Mtis R. dati singulis per f 15, fac. f. 60. Eisdem panni Lundinensis per uln. 6, a Conrath percepti, facit uln. 24, per gr. 34, fac. f. 27. gr. 6“.

ła [1])". Во всякомъ случаѣ у короля начались постоянныя сношенія съ Запорожьемъ. Главными агентами короля для этихъ сношеній были: шляхтичъ Янъ Орышевскій и венгерецъ Янчи Бегеръ. Они нѣсколько разъ ѣздили на Запорожье и Янчи Бегеру осенью 1578 года удалось склонить запорожцевъ послать къ королю вторичную депутацію, которую онъ самъ и сопровождалъ [2]). Въ составъ ея вошли: Андрей Лиханскій, Иванъ Подолянинъ, Матвѣй Дидъ, Иванъ Клюкъ и Филиппъ Кольруша [3]). Они получили въ подарокъ отъ короля сначала по 15 флориновъ, а потомъ еще по 8 локтей сукна на два армяка. Очевидно, при этихъ взаимныхъ сношеніяхъ короля и запорожцевъ были выработаны условія, на которыхъ запорожцы соглашались отдать свои услуги королю. Кажется, что средней платой для рядоваго козака было: 15 флориновъ деньгами и 4 литовскихъ аршина сукна на одежду въ годъ [4]). Коннымъ назначалось больше жалованья. Если, придерживаясь таблицы проф. Павинскаго [5]), перевести эту сумму на наши деньги, то при теперешней цѣнѣ серебра 15 флориновъ равняются почти двадцати рублямъ, а 4 аршина сукна стоятъ болѣе 9 рублей [6]); такимъ образомъ рядовой пѣшій запорожецъ на службѣ у Баторія могъ получать въ годъ жалованья около 30 руб. по нынѣшнему курсу серебра. Съ тѣхъ поръ во все время королевствованія Сте-

---

[1]) См. Muzeum Konstantego Świdzińskiego, Tom V i VI, Warszawa 1881 стран. 37.

[2]) См. Źr. dz. t. IX, a, стр. 216. „Janczemu Begier, qui cum Nizovis Leopolim venerat, de gratia S. Mtis R. ad literas Mtis ejusdem dati f. 25".

[3]) Въ Źr. dz. t. IX, a, стр. 216 имена и фамиліи запорожцевъ записаны такъ, какъ мы ихъ привели. Въ универсалѣ Баторія отъ 16 сентября 1578 года (Muz. Św. V i VI, стр. 336), Дидъ названъ Федоромъ (вм. Матвѣя), а Филиппъ Кольруша *Козой*, а не Кольрушей.

[4]) „Servitium eisdem (militibus Boristhenis Nizovii dictis) indictum est per S. R. M. a festo sancti Nicolai 1578 in personis 500, in quamlibet *pro anno integro* per 15 flor. et panni Lundinensis cuilibet per ars. litv. 4". См. Górski. Hist. piech. pol 1893, стр. 242, прим. № 37. *Флоринъ* это та же монета, что и *злотый*.

[5]) См. Źr dz. t. VIII (1881), стр. 457.

[6]) Литовскій аршинъ тоже, что литовскій локоть=14⅜ вершкамъ. Цѣна локтя лѣонскаго сукна показана въ одной записи: 1 фл. 18 гр. (Źr. dz. IX, a, 216), что составляетъ на наши деньги около 2 р. 35 к. Иногда сукно стоило и дешевле: напр. 1 фл. 4 гр. (ib. a, стр. 80).

фана Баторія, запорожскіе отряды, конные и пѣшіе, служили въ рядахъ польскихъ войскъ. Они назывались *ротами* или по-латыни: *comitiva*. Строились пѣхотныя роты продолговатыми четырехугольниками по 50 рядовъ, состоявшихъ изъ 10 человѣкъ каждый. Начальникъ роты назывался поручникомъ; при немъ состояла свита въ 30 человѣкъ. Вооруженіе составляли пики и ружья. Конные отряды были меньше, не болѣе 100 человѣкъ въ каждомъ. Они употребляли кривыя сабли, а вмѣсто ружей—луки (сагайдаки); луки предпочитались потому, что громъ ружейныхъ выстрѣловъ пугалъ лошадей. Въ 1579—81 г.г. запорожскіе отряды участвовали въ походахъ къ Полоцку, Великимъ Лукамъ и Пскову; въ 1582—1586 г.г. они прикрывали Подолію и Украйну отъ нападеній Татаръ—ab incursionibus Tartarorum, какъ говорятъ акты того времени.

Интересно ближе ознакомиться съ тѣми людьми, которые были въ этомъ случаѣ исполнителями воли Баторія. Янъ Орышевскій былъ польскій шляхтичъ герба Правдичъ. Вѣроятно, родиной его было селеніе Орышевъ въ нынѣшнемъ Сохачевскомъ уѣздѣ Варшавской губерніи, по которому онъ и получилъ фамильное прозвище. Другіе шляхтичи герба Правдичъ по родовымъ имѣніямъ назывались: Бѣльскими по Бялой, Стржелецкими по Стржелкамъ и т. д. Годъ рожденія его неизвѣстенъ. На исторической сценѣ онъ появляется во второй годъ королевствованія Стефана Баторія т. е. въ 1577 году Король Баторій любилъ имѣть вокругъ себя большую свиту. При тогдашнемъ отсутствіи почтъ и телеграфовъ ему, какъ дѣятельному и энергичному государю, постоянно нужны были люди, готовые, по мановенію короля, исполнять всѣ его порученія, передавать приказы, развозить письма и универсалы, оказывать, наконецъ, ему мелкія личныя услуги. Поэтому, въ передней королевской квартиры, въ королевскихъ замкахъ Кракова или Варшавы, или на походѣ, всегда толпились молодые люди лучшихъ шляхетскихъ фамилій, желавшіе на королевской службѣ получить навыкъ къ дѣламъ, присмотрѣться къ людямъ, ихъ достоинствамъ и недостаткамъ, пріобрѣсти внѣшній придворный лоскъ. Эти люди носили званіе *cubicularii missiles* (по-

русски можно перевести: постельничьи на посылкахъ) и число ихъ доходило до 40 и болѣе человѣкъ [1]). Въ званіи такого постельничаго на посылкахъ появляется въ первый разъ и нашъ Янъ Орышевскій. Въ апрѣлѣ 1577 года король посылаетъ его изъ Иноврощлавля къ ѣхавшему посломъ въ Турцію Дзѣржку передать ему деньги на путевые расходы и приказъ короля поторопиться съ отъѣздомъ въ Константинополь [2]). Какъ видно, Орышевскій сразу понравился королю и показалъ себя способнымъ и дѣльнымъ исполнителемъ порученій, потому что въ томъ же году ему было дано болѣе трудное и самостоятельное порученіе—отвезти королевскія письма разнымъ лицамъ на Волыни и проѣхать на Днѣпръ къ запорожцамъ. На путевые расходы ему была выдана большая по тому времени сумма въ 80 флориновъ [3]). Вѣроятно, въ это путешествіе Орышевскій познакомился съ роскошной природой Подоліи и захотѣлъ пріобрѣсти въ ней земельную собственность, потому что 5 сентября того же 1577 года онъ получилъ уже отъ короля жалованную грамоту на опустѣлыя урочища въ Брацлавскомъ воеводствѣ, а именно: 1) на урочище Копыстеринъ на р. Мурахвѣ, надъ шляхомъ, именуемымъ въ народѣ Кучманскимъ, между Баромъ и Брацлавомъ; и 2) на урочища Гайсинъ [4]) и Гоголевъ при ручьѣ Собъ за р. Бугомъ. Оба урочища остались выморочными

---

[1]) Напр. въ 1576 году въ статьѣ выписки жалованья *cubiculariis missilibus* ихъ поименовано 43 человѣка. См. Źr. dz., t. IX, a, стр. 60.

[2]) См. Źr. dz., t. IX, b, стр. 173: „Eidem (Christophoro Dzierzek) per Ioannem Oryszewski ex Inowladislawia, ut eo citius Constantinopolim eat secumque Armenum e Leopoli accipiat. qui perferat literas ad S. Mtem R., dati fl. 160".

[3]) См. Źr. dz., t. IX, a, стр. 120: „Oriszewski Wolyniam et ad Boristenum cum literis suae Mtis... eunti fl. 80". Съ этой поѣздкой Орышевскаго связанъ любопытный эпизодъ съ претензіей шляхты Брацлавскаго воеводства на короля Баторія за то, что онъ писалъ свои письма къ Брацлавскимъ шляхтичамъ по-польски, а не по-русски. „Дани суть листы черезъ дворянина Вашой Королевское Милости, пана *Оришевского*, братей нашой найменшымъ слугомъ и подданымъ Вашой Королевское Милости *писмомъ полскимъ* писаные"... Шляхта ссылается на условія уніи Литвы съ Польшей и проситъ короля на будущее время писать къ представителямъ ея „*рускимъ писмомъ*". См. Acta historica res gestas Poloniae illustrantia T. XI, Kraków 1887, стр. 82—83, докум. № 57 изъ Брацлава отъ 7 іюля 1577 г.

[4]) Нынѣшній уѣздный городъ Гайсинъ подольской губ.

послѣ прежнихъ владѣльцевъ Дахна Копыстеринскаго и Матвѣя Мизененка и даются Орышевскому со всѣми угодьями и доходами въ его пожизненное владѣніе. Въ грамотѣ сказано, что пожалованіе дается, чтобы наградить Орышевскаго за величайшую вѣрность и усердіе и чтобы на будущее время побудить его быть еще болѣе ревностнымъ и исполнительнымъ при отправленіи королевской службы [1]). Но, очевидно, сельскохозяйственныя занятія въ имѣніи, расположенномъ на Татарскомъ пограничьи, надъ самымъ Кучманскимъ шляхомъ, по которому татарскіе загоны пробирались въ Польшу, не привлекли молодаго владѣльца. Не замѣтно ни малѣйшаго слѣда такого рода дѣятельности. Напротивъ, Орышевскій продолжаетъ оставаться при королевскомъ дворѣ. Его первая миссія къ запорожцамъ (ad Boristenum) въ 1577 году, вѣроятно, удовлетворила короля, потому что въ томъ же сентябрѣ (diebus Septembris) слѣдующаго 1578 года онъ опять посылается съ королевскими распоряженіями по поводу дѣла Константина Волоха (Лакусты) къ запорожцамъ, къ бискупу Каменецкому, къ старостамъ Черкасскому, Барскому и Брацлавскому, къ каштеляну Люблинскому, къ самому Константину и проч. [2]).

Между тѣмъ наступили болѣе важныя обстоятельства. Лѣтомъ 1579 года открылась война съ Москвой, окончившаяся паденіемъ Полоцка и другихъ московскихъ крѣпостей. Выше было указано, что агентами Баторія подготовлено было участіе въ ней запорожцевъ. Согласно королевскому универсалу отъ 16 сентября 1578 года [3]) сформированъ былъ отрядъ изъ запорож-

---

[1]) См. Записки наукового товариства имени Шевченка т. VIII (за 1895 годъ кн. 4-я) отдѣлъ „Miscellanea", стр. 5—8.

[2]) См. Źr. dz. t. IX, a, стр. 200: „*Ioanni Oriszewski* ad Nizovios cum literis universalibus in negotio Constantini Walachy, item ad rmum episcopum Camenecen., capitaneum Czerkasten., Baren., Braclavien., palatinum Lublinen item ad Constantinum Walach, Ianczy Begier cum literis Mtis R. misso, fl. 80".

[3]) Напечатанъ въ Muzeum Świdzińskiego, t. V i VI, W. 1881, стр. 336—338 подъ № 160. Договоръ съ Низовцами изложенъ также въ письмѣ ксендза Яна Піотровскаго къ коронному маршалу Андрею Опалинскому (См. Acta Hist. t. XI 1887, стр. 144—145) и въ современной записи на латинскомъ языкѣ (См. Górski, Historya piechoty polskiej, 1893, стр. 242—243, прим. № 37).

цевъ въ 530 человѣкъ, который долженъ былъ начать вою службу съ 6 декабря 1578 года (a festo sancti Nicolai). П упившіе на службу низовцы должны были принести присягу на вѣрность королю. Во главѣ низовскаго отряда (dux supremus) поставленъ былъ князь Михаилъ Александровичъ Вишневецкій, каштелянъ Брацлавскій, староста Черкасскій. Затѣмъ организовано было нѣчто въ родѣ теперешняго штаба. Чѣмъ-то въ родѣ помощника командира части назначенъ былъ Янъ Орышевскій съ титуломъ поручника (по-латыни: superintendens). Для веденія письменныхъ дѣлъ и денежнаго счетоводства былъ назначенъ венгерецъ Янчи Бегеръ съ титуломъ писаря (по-латыни: notarius). Этотъ отрядъ участвовалъ во многихъ походахъ противъ Москвы, но почему то князь Михаилъ Александровичъ Вишневецкій имъ не предводительствовалъ, а стоялъ во главѣ его Орышевскій, который въ современныхъ источникахъ именуется часто и по-народному: гетманомъ. Райнольдъ Гейденштейнъ въ своей „Исторіи Польши“, разсказывая о второй московской войнѣ 1580 года, такимъ образомъ описываетъ одинъ изъ походовъ Орышевскаго: „Между тѣмъ низовые козаки подъ предводительствомъ Яна Орышевскаго вторглись съ другой стороны въ московскія владѣнія, пробрались до Стародуба, опустошая все вдоль и впоперекъ, сожгли нѣсколько городковъ и замковъ. Повернули они потомъ къ Почепу, но отбитые отъ этого замка съ большою добычею вернулись домой“ [1]). Термины: *поручникъ* и *гетманъ* по отношенію къ Орышевскому чередуются въ источникахъ такимъ образомъ, что трудно думать, чтобы они обозначали два различныя служебныя положенія. Скорѣе можно объяснить примѣненіе ихъ оффиціальнымъ и народнымъ употребленіемъ того и другаго слова. *Поручникъ*—терминъ чисто оффиціальный, усвоенный польскимъ дѣловымъ языкомъ, а *гетманъ*—терминъ болѣе народный, бывшій въ ходу между низовцами для обозначенія вождей и занесенный въ Польшу и Русь изъ Чехіи послѣ гусситскихъ войнъ (отъ чешскаго hejtman=нѣмец. Hauptmann, главный человѣкъ, голова).

---

[1]) См. Rajnolda Hejdensztejna, Dzieje Polski. T. II, Petersburg 1857 стран. 40.

Устраивая запорожскій отрядъ, не забылъ Баторій и военно-санитарной части: для раненыхъ и больныхъ козаковъ предположено было устроить госпиталь (reclinatorium) въ королевскомъ имѣніи Трахтеміровѣ [1]). Вообще нужно замѣтить, что Баторій первый изъ польскихъ королей сталъ заботиться о судьбѣ раненыхъ. При немъ впервые появились при войскахъ хирурги: Бартошъ Мейеръ, Генрикъ Геллеръ, Михаилъ Венгеръ и, знаменитѣйшій изъ нихъ, Вильгельмъ Луценбергеръ [2]). Содержались при войскахъ и фельдшера (barwierze).

До насъ дошелъ одинъ изъ именныхъ списковъ того отряда, которымъ командовалъ Орышевскій [3]) Это именно списокъ отъ 30 марта 1581 года, составленный по случаю раздачи жалованья и суконъ за истекшую четверть года (съ 1-го января по 1-е апрѣля), привезенныхъ и розданныхъ Севастіаномъ Недзвѣцкимъ, слугою Станислава Дроевскаго, каштеляна перемышльскаго, казначея русскихъ земель. Гдѣ стоялъ въ это время отрядъ и происходила раздача денегъ и суконъ, въ документѣ прямо не упомянуто, но, судя по тому, что подъ спискомъ подписался Янъ Черскій, подстароста Черкасскій, можно думать, что въ Черкасахъ, какъ и предназначено было по уговору. Отрядъ состоялъ, кромѣ самого Орышевскаго, изъ пятисотъ тридцати человѣкъ, въ числѣ которыхъ было 50 атамановъ или десятниковъ. Въ отрядѣ числились нѣкоторые почтенные воины, представлявшіеся въ 1578 году во Львовѣ королю Стефану въ качествѣ депутатовъ. Таковы: Матвѣй Дидъ, Андрей Лиханскій и Иванъ Подолянинъ. Затѣмъ мы находимъ здѣсь людей изъ всѣхъ мѣстностей польско-литовскаго государства. Преобладающее большинство козаковъ происходило изъ городовъ и мѣстечекъ, расположенныхъ по Днѣпру и его притокамъ: изъ Черкасъ (26 чел.), изъ Канева (14 чел.), изъ Бѣлой Церкви (8 чел.), изъ Кіева (13 чел.), изъ Любеча (7 чел.), изъ Остра (4 чел.),

---

[1]) См. Путевыя записки Эриха Лассоты. Переводъ Бруна. 1873. Стр. 24.

[2]) См. Górski. Hist. piech pol. 1893, стр. 23. Луценбергеръ получалъ по 2 флорина въ недѣлю. Źr. dz. IX, a, стр. 60.

[3]) Напечатанъ дважды: въ Źródła dziejowe, t. XX, 1894, стр. 154—164 и у Гурскаго, Hist. piech. pol. 1893, стр. 243—244 (здѣсь не сполна).

изъ Рогачева (2 чел.), изъ Быхова (8 чел.), изъ Могилева (11 чел.), изъ Тетерина (1 чел.), изъ Дубровной (2 чел.), изъ Друцка (1 чел.), изъ Горокъ (1 чел.), изъ Гомеля (7 чел.), изъ Чечерска (1 чел.), изъ Кричова (2 чел.), изъ Мстиславля (10 чел.), изъ Брагина (10 чел.), изъ Чернобыля (3 чел.), изъ Мозыря (17 чел.), изъ Любоня (1 чел.), изъ Озерянъ (2 чел.), изъ Петрикова (1 чел.), изъ Турова (13 чел.), изъ Давидова-Городка (6 чел.), изъ Пинска (2 чел.), изъ Хвойни (1 чел.), изъ Слуцка (4 чел.), изъ Минска (3 чел.), изъ Кайданова (1 чел.), изъ Борисова (1 чел.), изъ Тризовки (1 чел.), изъ Бобруйска (9 чел.); затѣмъ значительный контингентъ давали города и мѣстечки Волыни: Вишневецъ (4 чел.), Дубно (11 чел.), Кременецъ (6 чел.), Константиновъ (7 чел), Красиловъ (2 чел.), Ровно (2 чел.), Тучинъ (1 чел.), Олыка (1 чел.), Звягель (1 чел.), Луцкъ (4 чел.), Торчинъ (1 чел.), Острополь (2 чел.), Владиміръ (3 чел.), Литовижъ (1 чел.), Острогъ (5 чел.), Ковель (1 чел.), Корецъ (4 чел.), Берестечко (1 чел.), Дермань (1 чел.) и Чудновъ (1 чел.); сравнительно немного своихъ сыновъ дали подольскіе города и мѣстечки: Каменецъ (5 чел.), Винница (3 чел.), Брацлавъ (1 чел.), Хмѣльникъ (2 чел.), Пиковъ (2 чел.), Ямполь (2 чел.); были представители и далекой отъ Запорожья Галиціи: изъ Коломыи (2 чел.), изъ Бучача (1 чел.), изъ Галича (1 чел.), изъ Золочова (1 чел.), изъ Збаража (1 чел.), изъ-подъ Львова (1 чел.), изъ Ярославля (2 чел.); наконецъ, попадаются и уроженцы такихъ отдаленныхъ городовъ, какъ Вильно (4 чел.), Новогрудокъ (2 чел.), Ковно (2 чел.), Городокъ (5 чел.) [1]), Полоцкъ (6 чел.), Смоленскъ (1 чел.), Коричинъ (1 чел.), Слонимъ (2 чел.). Кромѣ жителей литовскихъ, волынскихъ, подольскихъ и галицкихъ (преимущественно русскаго происхожденія)—отмѣчены въ спискѣ и иностранцы: Москвитяне (20 чел.), Петръ изъ Рязани, Кондратъ и Иванъ съ Волги, Волохи (4 чел.), Марко изъ сербской земли, Андрей изъ Нѣмцевъ, Куланъ-Мурза изъ Крыма, Семенъ изъ Кафы. Польскій элементъ былъ достаточно представленъ шляхтичами, составлявшими свиту Орышевскаго, и нѣкоторыми коза-

[1]) Витебск. губ.

ками изъ Познани, Кракова, Лукова, Глуска, Стенжицы, Сандоміра, Грубешова и др. При нѣкоторыхъ именахъ не отмѣчено, откуда родомъ были ихъ носители, но вмѣсто этого обозначена спеціальность даннаго лица: Матисъ фельдшеръ (balwiers), Тишко портной (krawiec), Денисъ баккалавръ (bacalaureus).

Изложеннымъ документомъ вполнѣ подверждается характеристика запорожцевъ, сдѣланная однимъ изъ секретарей Баторія Райнольдомъ Гейденштейномъ: „Слетались туда (на Запорожье) за непріятельской добычей всѣ охотники до грабежа или осужденные за преступленія, и всѣ тѣ, которые на родинѣ остались внѣ закона по бѣдности, по несчастьямъ или преступленіямъ. Были тутъ и Поляки, и Литвины. Когда не было войны, то уходила туда и шляхетская молодежь, страдавшая отъ бездѣятельности и стремившаяся испробовать свое мужество. Большая часть этихъ людей жила рыболовствомъ и разбоемъ. Нападали на каждаго, съ кого разсчитывали по-больше содрать; но такъ какъ между ними преобладали христіане, то болѣе всего надоѣдали Татарамъ, а Польшѣ зачастую были въ помощь. Такъ такъ они занимали нижнія части р. Днѣпра, на самой южной границѣ Польши, то назывались Низовцами; иные называли ихъ козаками—именемъ, которое обозначало людей, конныхъ и пѣшихъ, которые самовольно собираются на границахъ для разбоя и нападенія на чужія края. Вскорѣ они прославились многочисленностью и мужествомъ“ [1]).

Въ походѣ 1581 года къ Пскову Орышевскій лично, по-видимому, не участвовалъ. Въ дневникѣ Піотровскаго есть указаніе, что въ іюлѣ 1581 г. онъ былъ на Низу среди запорожцевъ и доносилъ королю письмами обо всемъ тамъ происходящемъ [2]).

Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о томъ, что дѣлалъ Орышевскій въ послѣдующіе годы. Во всякомъ случаѣ онъ оставался гетманомъ надъ отрядомъ запорожцевъ, служившихъ королю. Въ іюнѣ 1584 г. для отряда этого заготовлено было сукно, сохра-

---

[1]) См. Rajnolda Hejdensztejna Dzieje Polski, T. I, Pet. 1857, стр. 285.

[2]) См. X. Jan Piotrowski, Dziennik wyprawy Stefana Batorego pod Psków. Wydał A. Czuczyński. W Krakowie 1894. стр. 31: „Bieg wypadków wypisuje *Orzszowski* Królowi, co porucznikiem Niżowców jest.“

нявшееся въ г. Луцкѣ въ церкви св. Іоанна Богослова. [1]) Въ эти годы онъ не упоминается въ числѣ „постельничихъ“ короля Баторія, но и на Запорожьи ничѣмъ выдающимся не проявляетъ своей дѣятельности. Такъ какъ наступили болѣе мирныя времена (6 января 1582 г. былъ заключенъ запольскій миръ съ Москвой) и король занялся внутренними дѣлами, то дѣятели военные какъ-то стушевываются въ источникахъ и современники проходятъ ихъ молчаніемъ.

Въ 1586 году Орышевскій опять появляется въ источникахъ по совершенно частному поводу. Князь Матвѣй Войничъ Воронецкій, намѣстникъ воеводы Кіевскаго, по письменному приказанію своего воеводы, князя Константина Острожскаго, основалъ на Старомъ Городѣ около Софійскаго собора, между валами, слободу съ дарованіемъ слобожанамъ всякихъ вольностей на 24 года. Вновь поселившіеся слобожане начали торговать безпошлинно крѣпкими напитками и составляли этимъ такую конкуренцію Кіево-подольскимъ мѣщанамъ, что послѣдніе сочли невыгоднымъ для себя содержать шинки, за которые они платили аренду Кіевскому воеводѣ, и съ 8 (18) сентября 1586 года закрыли въ нихъ торговлю. Князь Воронецкій, не желая лишаться аренды отъ Кіево-подольскихъ мѣщанъ, составлявшей около 2.000 злотыхъ, отправился въ слободу и запретилъ жителямъ ея содержать шинки, да кромѣ того обложилъ ихъ ежегоднымъ налогомъ по 4 копы съ каждаго хозяина. Слобожане отказывались платить, говоря: „таковая слобода нигдѣ на свѣтѣ не слыхана, або на початку мяно аренду давати.“ Продажу напитковъ они прекратили. Между тѣмъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1586 года князь Воронецкій выѣхалъ на время изъ Кіева. Тогда его жена Анастасія, урожденная Гулевичъ, послала своихъ слугъ произвести нападеніе на Кіево-софійскую слободу, и они ограбили слобожанъ и многихъ изъ нихъ захватили и посадили въ тюрьму. Слобожане не могли найти защиты у мѣстныхъ властей (напр. у вознаго). Вотъ тутъ-то они обратились къ слугѣ

[1]) См. Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. III, т. 1, Кіевъ 1863, стр. 14—15, документъ № 6.

Его Королевской Милости *пану Орышевскому, гетману запорожскому.* Орышевскій выслушалъ ихъ и, какъ говорили потомъ слобожане, „яко-жъ дей его милость панъ гетманъ обѣщался устне передъ его королевскою милостью сознати тое наше оповедане“ [1]). Такимъ образомъ мы видимъ, что Орышевскій продолжалъ носить званіе запорожскаго гетмана и въ 1586 году. Почему онъ очутился въ это время въ Кіевѣ, мы не можемъ объяснить. Вѣроятно, онъ не успѣлъ довести до свѣдѣнія своего государя жалобы Кіево-софійскихъ слобожанъ, потому-что въ половинѣ ноября нанесена была имъ обида, а $^{2}/_{12}$ декабря умеръ въ Гроднѣ Стефанъ Баторій.

Конвокаційный сеймъ открылся въ Варшавѣ 1 февраля 1587 года. Орышевскій явился на сеймъ, какъ представитель запорожскихъ козаковъ, и въ засѣданіи 28 февраля выставлялъ свои заслуги и просилъ объ уплатѣ жалованья и о наградахъ козакамъ. Онъ, вѣроятно, показался сеймующимъ панамъ большимъ чудакомъ: одѣтъ онъ былъ *по-гречески*, а когда читали изложенную на письмѣ его челобитную, то онъ посреди пановъ усѣлся прямо на землю *по-турецки* т. е. поджавши ноги [2]). Паны постановили, что низовцы должны охранять отъ татаръ переправы черезъ Днѣпръ и извѣщать о появленіи непріятеля, что за это они будутъ получать жалованье и что начальствовать ими будетъ Орышевскій [3]). Когда былъ избранъ Сигизмундъ III (18 августа 1587 г.), то онъ подтвердилъ за Орышевскимъ имѣніе Гайсинъ, пожалованное послѣднему королемъ Стефаномъ въ пожизненное владѣніе [4]).

Послѣ этого онъ опять исчезаетъ на нѣкоторое время изъ нашихъ глазъ. Вновь появляется онъ въ 1590 году. 25 іюля 1590 года король Сигизмундъ III издалъ универсалъ, въ которомъ поручалъ старостѣ Снятинскому Николаю изъ Бучача Язловецкому и поручнику его *Яну Орышевскому* набрать от-

---

[1]) См. Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. VII, т. 1, Кіевъ 1886, стр. 253—256: документъ № 35.

[2]) См. Scriptores rerum polonicarum, T. XI, Kraków 1887, стр. 33.

[3]) См. тамъ-же стр. 37: „Nad nimi przełożyć Pana Oryszewskiego.“

[4]) См. печатаемый ниже документъ.

рядъ въ 1.000 человѣкъ изъ опытныхъ въ военномъ дѣлѣ людей для укрощенія украинскаго своеволія и для удержанія пограничныхъ людей отъ нападеній на сосѣднія государства. Мѣстомъ для пребыванія отряда назначалось урочище Кременчукъ на Днѣпрѣ, гдѣ предполагалось срубить деревянное укрѣпленіе изъ бревенъ, спущенныхъ водою внизъ по Днѣпру изъ выше лежащихъ староствъ и королевскихъ имѣній. Продовольствіе отряду должны были доставлять старосты и державцы имѣній [1]). Изъ этого универсала видно, что въ это время Орышевскій потерялъ уже свое первенствующее положеніе на Запорожьи и долженъ былъ вернуться вновь на королевскую службу въ качествѣ *поручника* при старостѣ, каковымъ онъ былъ въ 1579 г. при князѣ Михаилѣ Александровичѣ Вишневецкомъ, старостѣ Черкасскомъ.

Хотя Орышевскій умеръ, вѣроятно, не задолго до 2 марта 1605 года, когда пожалованное ему въ пожизненное владѣніе имѣніе Гайсинъ было передано другому лицу, но за послѣдніе 15 лѣтъ его жизни мы не находимъ никакихъ свѣдѣній о его дѣятельности въ историческихъ источникахъ. Единственный слѣдъ его личности остался въ одномъ литературномъ памятникѣ, къ которому мы теперь и обратимся.

Въ 1597 году въ типографіи Якова Зибенейхера въ Краковѣ вышла книга: „Kronika Polska Marcina Bielskiego. Nowo Przez Ioachima Bielskiego syna iego wydana. Cum gratia et Privilegio S. R. M. W Krakowie. W Drukárni Iákubá Sibeneychera, Roku Panskiego 1597 [2])“. Изложеніе событій въ этой книгѣ оканчивается смертью Стефана Баторія въ 1586 году. Посвящена она по обычаю того времени, когда каждой книгѣ старались найти могущественнаго заступника, королю Сигизмунду Ш. Исторія этой книги хорошо извѣстна. Мартинъ Бѣльскій (род. около 1495 г., умеръ въ 1575 г.) написалъ и издалъ въ 1550 году обширную историческую компиляцію, точнаго заглавія которой мы не знаемъ, такъ какъ въ сохранившемся экземплярѣ

[1]) См. Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. Ш, т. 1, Кіевъ 1863, стр. 28—31, докум. № 11.

[2]) См. Wierzbowski, Bibliographia polonica XV ac XVI ss. vol. I, Varsoviae 1889, стр. 141, № 638.

ея не достаетъ заглавнаго листа. Въ 1554 г. изданіе было повторено въ исправленномъ видѣ подъ заглавіемъ: „Kronika Wssythyego swyata na ssesc wiekow á ná czwory księgi tákież Monárchie rozdzielona, rozmaitych historij, ták w swyętym pismye yáko w prostym s Kosmografią nową y rozmáitemi Krolestwy, ták pogáńskimi, żydowskimi, yáko krzesciyánskimi, w ktorey też żywoty Papyeskye Ceserskye, y krolow inych tákyeż Ksyążąt, od początku swyátá áż do tego roku ktory sye pisse 1554. Myedzy ktoremi też nássá Polska yest z osobná położoná, y swyátá nowego wypisánye. Dostátecznyey niż pierwssa spisána y pilnyey figurámi ochędożnemi. Cum gratia et privilegio. Drukowana w Krakowye przez Hieronimá Schárffenbergá. Roku Pańskiego 1554 [1])". Это изданіе посвящено королю Сигизмунду—Августу. Черезъ десять лѣтъ, въ 1564 г., вышло третье изданіе хроники, напечатанное въ Краковѣ въ типографіи Матвѣя Зибенейхера. Заглавіе ея мало чѣмъ измѣнено, посвящена она по-прежнему королю Сигизмунду-Августу, но за то она дополнена новыми главами, продолжена до 1564 г. и раздѣлена на 10 книгъ, чего не было во 2-мъ изданіи; восьмая книга отведена исторіи Польши. Въ 3-мъ изданіи „Хроники Свѣта" Мартинъ Бѣльскій высказывается, что, въ виду своего преклоннаго возраста (въ 1564 г. онъ имѣлъ около 70 лѣтъ), онъ не надѣется продолжать изложеніе польской исторіи своего времени: „я поручаю писать объ этомъ", говоритъ онъ, „кому-нибудь болѣе молодому, слѣдуя указанной мною дорогѣ, такъ какъ лѣта мои настолько преклонны, что я долженъ пересѣсть съ коня на возъ и съ рогожи на тюфякъ [2])". Продолжателемъ литературной дѣятельности отца явился сынъ—Іоакимъ Бѣльскій (род. въ 1540 г., умеръ 8 января 1599 г.). Въ 1590-хъ годахъ онъ наново передѣлалъ, дополнилъ и продолжилъ восьмую книгу „Хроники Свѣта" Мартина Бѣльскаго и издалъ ее въ 1597 г. подъ приведеннымъ выше заглавіемъ, стараясь представить дѣло, по неяснымъ для насъ побужденіямъ, такъ, какъ будто хроника эта составлена отцомъ его, Марти-

[1]) См. Wierzb. Bibl. pol., Vol. I, стр. 32, № 144.

[2]) См. Wiszniewskiego, Historya literatury polskiéj. Tom VII, w Krakowie 1845, стр. 424.

номъ Бѣльскимъ, а только издана имъ, Іоакимомъ Бѣльскимъ. Между тѣмъ изъ собственнаго признанія Мартина Бѣльскаго мы знаемъ, что послѣ 1564 г. онъ не въ состояніи уже былъ по старости лѣтъ заниматься литературной работой; затѣмъ 18 декабря 1575 г. онъ умеръ; слѣдовательно, событія 1564—1586 гг. могли быть изложены только сыномъ его, Іоакимомъ. Да кромѣ того изъ сравненія языка, стиля, содержанія и всѣхъ подробностей „Хроники Свѣта“ (въ 8-ой книгѣ) и „Хроники Польской“ видно, что эти хроники написаны разными лицами [1]). Въ „Хроникѣ Польской“, авторство которой послѣ предыдущихъ замѣчаній мы будемъ приписывать исключительно Іоакиму Бѣльскому, вслѣдъ за заимствованнымъ у Горецкаго разсказомъ о происходившей въ 1574 г. войнѣ волошскаго господаря Ивони съ Турками вставлено отдѣльной главой сказаніе „О козакахъ“, написанное со словъ родственника автора по отцу *Яна Орышевскаго* (o czym słyszalem dosyć mądrze mowiąc Iana Oryszowskiego stryica mego [2]), который продолжительное время былъ у Запорожцевъ гетманомъ (ktory Hetmanem bywał u Kosakow przez czas niemały). Изъ этого указанія какъ будто можно заключить, что Орышевскій въ то время, когда Іоакимъ Бѣльскій записывалъ его разсказы, оставилъ уже свою службу на пограничьи и отдыхалъ на родинѣ среди родныхъ, переживая прошедшее только въ воспоминаніяхъ. А было что разсказать о своихъ приключеніяхъ человѣку, почти 20 лѣтъ проведшему въ постоянныхъ походахъ или среди разгульнаго сборища, образовавшагося на пограничьи двухъ міровъ: христіанскаго и мусульманскаго, въ эпоху наиболѣе героической борьбы между ними. Послѣ всего сказаннаго и самое повѣствованіе Іоакима Бѣльскаго „О козакахъ“ получаетъ особенное значеніе, какъ свидѣтельство очевидца, гово-

---

[1]) См. Wiszn. Hist. lit. pol., Tom VII, 1845, стр. 420—438, и статью Собѣщанскаго „O życiu i pracach piśmennych Marcina i Joachima Bielskich въ книгѣ „Ioachima Bielskiego dalszy ciąg Kroniki Polskiéj“, Warszawa 1851.

[2]) „Stryjcami“ называли въ старой Польшѣ родныхъ и двоюродныхъ дядей по отцу, а также двоюродныхъ и троюродныхъ братьевъ изъ рода отца. См. Słownik rzeczy starożytnych opracował G (loger). Kraków 1896 г., стр. 340—341.

ривш аго не по слухамъ, а на основаніи продолжительныхъ личныхъ наблюденій [1]).

Въ заключеніе нѣсколько словъ о другомъ дѣятелѣ по сношеніямъ Стефана Баторія съ запорожцами—о Янчѣ Бегерѣ.

Судя по имени и фамиліи это былъ венгерецъ, одинъ изъ тѣхъ земляковъ короля Стефана Баторія, которые пришли съ нимъ изъ Венгріи и раздѣляли его труды по управленію Польшею. Янчи Бегеръ или Бегель (фамилія его пишется въ источникахъ двояко) появляется въ изданныхъ доселѣ документахъ съ іюня (Diebus Iunii) 1578 года. Онъ также состоитъ въ числѣ „постельничихъ на посылкахъ“ (cubicularius missilis). Его посылали съ королевскими письмами то въ Перекопскую Орду, то въ Черкасы, то къ разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ въ польскіе города (Люблинъ и др.) [2]). Онъ сопровождалъ тѣхъ запорожцевъ, которые приходили къ Баторію во Львовъ осенью 1578 г., за что король наградилъ его 25 флоринами. Въ концѣ 1578 г. (съ ноября) и въ 1579 г. онъ былъ писаремъ (notarius) въ отрядѣ запорожскихъ козаковъ, поступившихъ на королевскую службу. Очевидно, на его обязанности лежали: веденіе списковъ состоящихъ на службѣ лицъ, раздача имъ жалованья и суконъ, веденіе приходо-расходныхъ книгъ

---

[1]) Разсказъ Іоакима Бѣльскаго „О козакахъ“ былъ напечатанъ въ русскомъ переводѣ съ нѣкоторыми пропусками на страницахъ „Кіевской Старины“ (т. IX 1884, стр. 604—606, въ текстѣ статьи г. Падалки „Происхожденіе Запорожскаго козачества“). Переводъ г. Падалки ошибочно передаетъ нѣкоторыя выраженія повѣствователя. Напр. фраза: „ci ludzie na Nisie pospolicie bawią sie łowieniem ryb“ значитъ: „эти люди на Низу *обыкновенно* занимаются рыбной ловлей“; между тѣмъ г. Падалка переводитъ: „Козаки—посполитые люди на Низу“. Выраженіе „na bezpiecz nym mieyscu“ (въ безопасномъ мѣстѣ) г. Падалка переводитъ: „въ секретномъ мѣстѣ“. „Przy strzelbie“ значитъ: „*при орудіяхъ*, *при пушкахъ*“, а не „на стражѣ“, какъ думаетъ г. Падалка. Другихъ неточностей не перечисляемъ. Повѣствованіе Іоакима Бѣльскаго „О козакахъ“ повторялось потомъ многими позднѣйшими польскими хроникёрами, напримѣръ, Гвагниномъ (изд. 1611 г.) и др., и скоро сдѣлалось общимъ литературнымъ мѣстомъ.

[2]) См. Źr. dz. t. IX (1881), a, стр. 195: „Ioanni Begiel ad Hordam caesaris Przekopscensis propter inspiciendum comitatum illius ad fines regni Poloniae proficiscencium, et ut Mtem R. quam citissime certiorem faciat tal. 44, per gros. 34, fl 49—26. Стр. 198: Diebus Julii... Ianczy Begiel in Czerkasy, cum literis S. Mtis R. item universalibus contributionum publicarum ad exactores misso, Leopoli expedito, fl. 30“

и пр [1]). Въ 1580 г. онъ былъ опять въ числѣ „постельничихъ“ и ѣздилъ съ королевскими письмами на Днѣпръ и къ Татарамъ [2]). Въ 1581 г. его посылали съ письмомъ короля къ запорожцамъ [3]). Въ 1582 г. онъ возилъ письма къ Зборовскому и къ Замойскому [4]). Въ 1583 году Янчи Бегеръ былъ посланъ въ распоряженіе канцлера и гетмана Яна Замойскаго и затѣмъ присутствовалъ все время при формированіи войскъ для экспедиціи противъ Татаръ [5]). Онъ участвовалъ въ походѣ козаковъ подъ Ягорлыкъ и Тегинь, хотя, повидимому, походъ этотъ состоялся безъ вѣдома и воли короля. По возвращеніи изъ похода козаки требовали для себя квартиръ у подольскихъ пановъ. Янчи Бегеръ поддерживалъ почему-то требованія козаковъ и на него жалуется въ письмѣ къ королю князь Янушъ Збаражскій, воевода Брацлавскій, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Ja przedtem skarżę na Janczego, iż gwałtem sobie przystawstwa (квартиры) był pozabierał i szkody niemale poczynił“ [6]). Послѣ 1583 года мы не встрѣчаемъ болѣе имени Янчи Бегера въ изданныхъ доселѣ источникахъ.

А. Стороженко.

---

[1]) См. Żr. dz. t. IX (1881), a, стр. 203: „Ianus Beger, *notario Nizoviorum*, Lublinum ad deducendum pannum, tandem Praemisliam ad dnm. castell. Praemislien dispensatorem contributionum publicarum in palatinatu Russiae, inde in Czerkaszy ad solutionem Nisowiis 500 personis f. 50.“—„Solutis eisdem pro anno dimidio remissa est Czerkassiam, ibidemque ad quietationem (подъ квитанцію) Ianczi Begier, *notarii eorundem*, dati sunt 3 750 fl., eisdem pannum Lundiense juxta litteras S. R. M. stamina 57 per. 37/5, fac. flor. 2. 118/15.“ См. Górski, Hist. piech. pol., 1893. стр. 242, прим. № 37.

[2]) См. Żr. dz t. IX (1881), b. стр. 9: „Ioanni Begier *cubiculario* ad Boristenes ac Tartaros ex conventione regni generali Warsoviae in negotio S. Mtis R. misso flor. 80.“

[3]) См. Żr dz t. IX (1881), b, стр. 48: „Ianczy Begier Wolhinium *ad Nizovios* cum literis S. Mtis R. Warsoviam in anno 1581 misso, fl. 11—6“. Ср. стр. 55.

[4]) См. Żr. dz t. IX (1881), b, стр. 86.

[5]) См. Żr. dz. t. IX (1881), b, стр. 120: „Iańczo Beggier od magcum dum cancellarium et supremum campiductorem regni misso eundemque penes, per totum conscriptionis erga Tartaros exercituum tempus praesenti, de gratia Mtis R. dat. fl. 25“.

[6]) См. Acta histor. t. XI (1887), стр. 403—404, докум. № 155. Ср. Panowanie Henryka Walezyusza i Stefana Batorego z rękopismów Albertrandego W Krakowie 1860, стр. 264—265.

Приложеніе[1]).

Zygmunt Treti Bożu miłostyiu korol polski etc: Oznaymuiemo tym lystom naszym wsim wobec y kożdomu zosobna, komu to wedaty należyt, iż szto iesmo z łaski naszoie krolewskoie za chodnyie służby urodzonemu Petrowi Swirskomu żołnirowi naszomu dały dobra naszyie krołewskije w woiewodztwi Bracławskim Haysyn nazwanyie w uroczyskach y pewnych hranycach czerez nas w prywileiu naszom zoszłomu urodzonomu Janowi Oryszewskomu menowite opisanych, w kotorych dobrach on pracu dozorom y kosztom swoim twerzu zamoczok założywszy mesteczko osadył y dozel osażaiet ludmi wolnemy usyłuiet pomnażaiuczy w tym oboronu panstw y pożytkow naszych reczy pospolitey, czoho my buduczy ponim wdiacznyie y choteczy bułszy znak łaski naszoie krolewskoie jemu pokazaty za prosboiu ieho a pryczynoiu nekotorych panow rad y uradnikow naszych na tych że dobrach naszych Haysynie daiemo y daruiemo prawo dożywotnie małżonce ieho urodz. Jadwidze Rohozinskoy (z domu też swoieho nam y Reczy pospolitoy dobre zasłużonoho) za kotorym to spelnym prawom dozywotnim prereczonyie małżonkowie tyiże dobra miasteczko Haysyn z gruntami u łyste naszem Oryszewskim danymy to iest menowyte naprod po dorohu, kotoraja łeżyt z Rachnowa do wercha ryki Bohuszy toju ryczkoju Bohuszoju do ryki Sobu hranici y potuju ryczku Bohuszu z druhoie strony hranyci ryczka Kuna, od werchu Kuny aż do Sobu ryki y zas za rykoju Sobom totże grunt po ryczky, kotoruju zowiut Kublicz, kotoraia wpadaiet w Sob protyw Kuny toja ryczka Kublicz w werch iduczy aż do ryczki Wezowec, od ustia Wezowca hde w Kublicz wpadaiet u werch iduczy Wezowcem, aż do lesu Chocholewa, a czeres les dołom Byłykowym Potokom aż do Uniczy ryczki a od Uniczy dołom Suchym w werch podle Werbiczowa aż do Semeryczki, a Semeryczkoju aż do Sobu ryki powyszczey Bohuszy ryczki szto w Sob wpadaiet z druhoie storony ze wszelakimy należytosciamy y pozytkamy, tak wspolnie, iako y rozdelnie majut

[1]) За указаніе настоящаго документа приносимъ искреннюю благодарность проф. В. Б. Антоновичу.

y mohty budut tyie dobra miasteczko Haysyn za nas y potomkow naszych derżaty y ich spokoynie używaty do ostatnieho kresu żywota swoieho, pozwalaiuczy im tym listom naszym w prereczonym miasteczku Haysynie wuyta, burmistra, ławnikow, pisara, wradmeski prysiażny postanowyty y zawedaty, także jarmarki y torhy czasow sposobnych ustanowyty y obwołaty bez perekazy, odnak innych mest naszych y obywateley tamesznych prylehlych waruiuczy toż teje pylne aby meszczane y poddanyie tamesznije bezwoli y wedomosty hetmanow naszych y derżawcy swoieho niczoho swowolnoho tak z postronnymi iako y z tutecznemi nie poczynali, ani sia ważyli, ałe wowsim sia iako wernyie poddanyie ku nam y Reczypospolitoie, także derżawcy swoiemu prystoynie sprawowali y zachowali, prawa naszyie krolewskije y reczypospolitoje wcale tam zostawuiuczy tymże listom naszym, kotory dla lepszyie wery y twerdosty rukoiu naszoju podpysawszy peczat koronnoju k niemu prytysnuty roskazały iesmo. Pisan w Warszawe na seymie wałnym koronnym, roku tysiacza sześćsot piatoho, mesaca marca wtoroho dnia, panowania krolestw naszych polskoho osmnatciatoho, a szwedzkoho dwenatciatoho roku. Sigismundus rex. Zachariasz Jełowicky sekretarz y pisarz. (Кн. Кіев. Центр. Арх. № 4633, л. 15).

ПАМЯТИ Н. М. БѢЛОЗЕРСКАГО.

Сорокъ лѣтъ назадъ издана была въ Кіевѣ небольшая книжка подъ такимъ заголовкомъ — *Южно-русскія лѣтописи, открытыя и изданныя Н. Бѣлозерскимъ. Томъ I* [1]). О значеніи этой книжки далъ въ свое время подробный отзывъ Максимовичъ (Соч., I, 230—247), сурово при этомъ замѣтившій излишнюю ревность издателя въ перечисленіи разночтеній въ спискахъ лѣтописей... Но дѣло въ томъ, что издатель крошечнаго томика „Лѣтописей" былъ юноша, къ которому трудно было предъявлять особыя требованія... Это былъ одинъ изъ младшихъ сыновей борзенскаго средней руки „пана", который понимая практическую пользу образованія, направлялъ своихъ сыновей то въ университеты, то въ кадетскіе корпуса. Университетское образованіе получилъ и одинъ изъ старшихъ его сыновей—В. М. Б—ій, бывшій редакторъ „Основы". Будущій издатель „Лѣтописей" учился въ кадетскомъ корпусѣ, но ученія не кончилъ, причемъ, оставивъ корпусъ, поселился у П. А. Кулиша (женатаго на сестрѣ Б—аго). Эта совмѣстная жизнь съ человѣкомъ, который тогда пламенно изучалъ исторію и этнографію Малороссіи, имѣла большое вліяніе на юнаго борзенца: онъ понемногу входилъ въ кругъ этого изученія и въ 20-ть лѣтъ сталъ уже настойчиво интересоваться былымъ своей родины.—Желая пристроиться къ какому нибудь дѣлу, Н. М—чъ въ 1854 г. поступилъ на службу въ черниговское губ. правленіе и, сообразно своимъ вкусамъ, сталъ заниматься въ редакціи губ. вѣдомостей, редакторомъ которыхъ тогда былъ добрый и покладистый

[1]) Кіевъ 1856 г. 16°. IX+162 стр.

П. Я. Ростовцовъ (умеръ витебскимъ губернаторомъ). Этотъ редакторъ, будучи черниговскимъ уроженцемъ и человѣкомъ университетскимъ, ничего не имѣлъ противъ печатанія въ губернской газетѣ всяческаго матеріала по исторіи края. Кромѣ историческихъ актовъ, здѣсь печатались пѣсни, пословицы, сказки... Тутъ же началось печатаніе и басенъ Л. И. Глѣбова.

Н. М—чъ, назначенный на должность „помощника редактора", сдѣлался дѣйствительнымъ и ревностнымъ помощникомъ Ростовцова; а когда послѣдній вскорѣ затѣмъ оставилъ Черниговъ, то Н. М. сталъ править должность редактора (съ половины 1854 и до половины 1855 г.) Въ это же время Н. М. принималъ участіе въ изданіи въ 1854 г. Метлинскимъ „Сборника малороссійскихъ пѣсенъ"; участіе это выразилось какъ помѣщеніемъ въ сборникѣ части собранныхъ имъ пѣсенъ, такъ и въ напечатаніи (въ приложеніи къ сборнику) наставленія — какъ записывать пѣсни. Редакторство губерн. вѣдом. Н. М—ча продолжалось недолго. Перемѣна лица, которому подчиненъ былъ надзоръ за газетою, была тому причиною. Съ начала 1855 г. черниговскія губ. вѣд. сразу обѣднѣли содержаніемъ. Объ этомъ обѣднѣніи Н. М. писалъ намъ въ мартѣ 1855 г.—„Вѣдомости наши лишены интересныхъ статей и матеріаловъ и наполняются всякою дрянью по желанію вице-г-ра, человѣка совершенно неученаго. Въ изданіи ихъ я играю страдательную роль. Актовъ и другихъ матеріаловъ, этнографическихъ статей, сообщаемыхъ священниками, в. г—ръ терпѣть не можетъ и поэтому запретилъ печатать все это. Прошедшимъ годомъ завершилось *славное* изданіе губ. вѣд. Теперь газета ползетъ, какъ ракъ, назадъ. Очень и очень грустно!" Дѣйствительно, съ 1855 г. въ черниговской газетѣ стали печататься статейки въ родѣ слѣд.—„Полезное употребленіе кислыхъ водъ, остающихся на стеариновыхъ заводахъ", „Отзывъ иностраннаго знатока о состояніи статистическихъ свѣдѣній о Россіи", „Какъ уничтожать постоянный холодъ въ ногахъ" и т. п. Отъ такой литературы у Н. М. пропала охота къ редакторству и онъ оставилъ службу. Но литературные его вкусы въ это время уже ясно опредѣлились, и въ сентябрѣ 1855 года онъ намъ писалъ: „Дóма я прожилъ до сентября; собралъ до

сотни пѣсенъ, пословицъ, загадокъ и т. п. Неизданныхъ думъ и пѣсенъ у меня въ настоящее время болѣе 800. Въ ноябрѣ я приступлю къ изданію важнѣйшихъ и лучшихъ изъ нихъ; такимъ образомъ у меня должна выйти книга листовъ въ 20—25. Я издамъ ее поаккуратнѣе и роскошнѣе Метлинскаго. Надѣюсь, что и внутренними достоинствами она не уступитъ изданію Метлинскаго". Намѣренію этому однакожъ не суждено было осуществиться. Н. М. увлекся—съ одной стороны—мыслью о поступленіи въ одинъ изъ полковъ тогда образованныхъ малороссійскихъ козаковъ, а съ другой—лѣтописями... „Козачество помѣшало мнѣ издать пѣсни (писалъ онъ въ к. декабря 1855 года, изъ Кіева). Свой сборникъ я уступилъ зятю (г. Кулишу)... Въ этомъ мѣсяцѣ я началъ печатать „Южнорусскія лѣтописи". Первый томъ будетъ заключать въ себѣ 4—5 хроникъ и 2—3 пьесы, имѣющія значеніе лѣтописей... Приготовивъ къ печати лѣтописи, займусь сочиненіемъ о старинныхъ зданіяхъ, одеждахъ, утвари, оружіи и проч.. также, домашнимъ бытомъ народа, касаясь болѣе внѣшней стороны и преимущественно прошедшаго. Это я сдѣлаю потому, что этотъ предметъ у насъ, можно сказать, не тронутъ, за неимѣніемъ данныхъ; а послѣднихъ у меня достаточно для того, чтобъ положить начало дѣлу. За этотъ трудъ наши художники скажутъ мнѣ великое спасибо...". Изданіе „Лѣтописей" не помѣшало Н. М—чу осуществить мысль о козачествѣ. Въ к. марта 1856 года онъ намъ писалъ: „Оттак-б! Наконецъ 31 генваря меня утвердили въ козакахъ, въ 5-й полкъ. На дняхъ я выбираюсь изъ Кіева... Лѣтописи мои должны выйти на дняхъ..." Окончивъ печатаніе своего сборника лѣтописей, Н. М—чъ поѣхалъ было въ свой полкъ, но полки эти скоро были распущены и, вмѣсто козачества, Н. М. осѣлся въ своемъ хуторѣ, подъ Борзною. Отсюда собирался онъ совершить поѣздку по Малороссіи для собиранія матеріаловъ по этнографіи и археологіи, но этотъ планъ ему не удалось почему-то осуществить. Въ письмѣ (ноябрь 1857 г.) онъ говоритъ: „По Вкраини я зовсимъ не издывъ. Тильки двичи бувъ у молодого Тарновського. У іого вже чималенькый музей нашой старовины; іе й гарматы! Тилькы мало книжокъ та шпаргаливъ. Хоче купыть архивъ

Марковича [1]), дакъ той проситъ безбожну цину: якій іому чортъ дасть не тильки 5, да и 2 тысячи карбованцивъ?... Тарновській хоче зибрать уси книжки, у которихъ писано про нашу краину, и—збере! а намъ треба допомагать іому у такому доброму дили. Для тихъ книжокъ и усякои старовины винъ муруе камяницу на пречудовному мисци... Зимою, якъ Богъ поможе, буду друковать другий томъ „Южнорусскихъ лѣтописей". А чи знаете, якый здоровенный збирнякъ думае друковать Опанасъ Василіовичъ Марковичъ у Кулишовій друкарни? Може тисячъ зъ двадцять!". А въ маѣ 1858 года о сборникѣ Марковича Н. М—чъ писалъ уже другое—„Одъ п. Опанаса Васил. Марковича я маю принять до рукъ сборникъ пословиць тысячъ у пятнадцять, для видання. Якъ то справлюсь..."

Но послѣ того какъ Н. М—чъ осѣлся у себя въ хуторѣ, охота его къ разнымъ учено-литературнымъ начинаніямъ стала остывать... Сколько мы знаемъ, это охалажденіе происходило отъ двухъ причинъ. Получивъ въ это время, по дѣлежу съ братьями, свою часть земли, Н. М. занялся приведеніемъ ея въ порядокъ, при чемъ, отдавая дань стародавнимъ особенностямъ своей родины, спорилъ съ сонаслѣдниками за пустяки... Въ особенности съ однимъ изъ зятьевъ—у него доходило до повторенія въ лицахъ исторіи Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича... Другая причина была серьезнѣе. Начавъ пробовать себя въ подготовкѣ нѣкоторыхъ учено-литературныхъ работъ, Н. М—чъ увидѣлъ свою полную неподготовленность къ нимъ... Отсутствіе образованія сказывалось самолюбивому Н. М—чу на каждомъ шагу... Не зная что съ собой дѣлать, Н. М—чъ продолжалъ сидѣть въ своемъ хуторѣ, пока не обсѣлся въ немъ совсѣмъ... Впрочемъ, юношескія стремленія въ немъ не умерли. Продолжая интересоваться родною стариною, Н. М—чъ постоянно пополнялъ свою библіотеку книгами по исторіи и этнографіи Малороссіи. Но главное его вниманіе сосредоточено было на собираніи всевозможнаго матеріала по малорусскому фольклёру. Находясь въ постоянномъ общеніи съ народомъ, Н. М—чъ *всю жизнь свою* записывалъ (на отдѣльныхъ карточкахъ) пѣсни, слова, обычаи, техническія на-

[1]) Рѣчь идетъ объ архивѣ Н. А. Маркевича, поступившемъ впослѣдствіи въ Румянцовскій Музей.

званія разныхъ ремеслъ и производствъ... Однимъ словомъ, онъ записывалъ *все* то, въ чемъ видѣлъ особенности быта своей родины въ самомъ обширномъ смыслѣ. Къ этому слѣдуетъ добавить, что Н. М—чъ хорошо зналъ малорусскій языкъ, былъ близокъ къ народу и отличался чрезвычайною точностью. При такихъ обстоятельствахъ онъ накопилъ драгоцѣннѣйшій матеріалъ для изученія народной жизни въ лѣвобережной Малороссіи. Въ настоящее время этотъ матеріалъ хранится у бездѣтной вдовы Н. М—ча, женщины понимающей его значеніе и цѣну, но—а затѣмъ то что?... Неужели суждено этому матеріалу погибнуть? Оставилъ Н. М—чъ и порядочную библіотечку, въ которой, кромѣ новѣйшихъ книгъ о Малороссіи, есть книги о послѣдней и латино-польскія XVII в., есть и старопечатныя брошюры черниговской и н.-сѣверской типографій, пріобрѣтенныя имъ изъ старѣйшей черниговской библіотеки, преимущественно мѣновымъ способомъ—за бутылки рому... Есть въ этой библіотечкѣ кое-какія и рукописи, но особенно важныхъ нѣтъ. Говоря о литературныхъ работахъ Н. М—ча, мы забыли упомянуть, что въ первые годы изданія „Кіевской Старины“ возбудилась было у него охота къ сотрудничеству въ ней, и онъ помѣстилъ въ этомъ журналѣ двѣ статьи: одну, о Шевченкѣ—по воспоминаніямъ разныхъ лицъ, (1882 г., № 10), а другую—Отрывки и замѣтки о малорусской старинѣ (1884 г., № 5).

Въ заключеніе, два слова о личности Н. М—ча. Это былъ человѣкъ безусловной честности, но вслѣдствіе своей недовѣрчивости къ людямъ, малообщительный. Поэтому, въ общественныхъ дѣлахъ Н. М—чъ почти не принималъ активнаго участія, хотя всегда интересовался ими. Вся сорокалѣтняя жизнь, сначала въ глухомъ хуторѣ, а потомъ въ глухомъ уѣздномъ городѣ (Борзнѣ), проведена была имъ преимущественно за книжными занятіями... Умеръ Н. М—чъ 11 іюня 1896 года, 63-хъ лѣтъ отъ роду (род. въ 1833 г.), и похороненъ на одномъ кладбищѣ съ другимъ борзенцемъ—Викт. Ник. Забѣлою.

Почтимъ же памятью человѣка, горячо любившаго родину и посильно ей служившаго до конца дней своихъ.

Августъ 1896 г. А. Л.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Два письма Н. А. Ригельмана къ Вячеславу Ганкѣ и Людевиту Штуру. Покойный Н. А. Ригельманъ, хорошо извѣстный въ Кіевѣ по своей дѣятельности, въ 1846 г. служилъ въ канцеляріи кіевскаго генералъ-губернатора и, по порученію коммиссіи для разбора древнихъ актовъ, занимался разсмотрѣніемъ разныхъ старыхъ документовъ. Это повело къ знакомству съ Н. И. Костомаровымъ, въ то время адъюнктомъ при кіевскомъ университетѣ, и П. А. Кулишомъ, который былъ въ Кіевѣ въ февралѣ 1847 г., проѣздомъ заграницу, куда былъ командированъ академіею наукъ для изученія славянскихъ языковъ. Н. А. Ригельманъ во время прежнихъ своихъ заграничныхъ поѣздокъ имѣлъ случай встрѣчаться и бесѣдовать съ Ганкою въ Прагѣ и Штуромъ въ Пресбургѣ и естественно желалъ облегчить молодому, начинающему ученое поприще Кулишу его задачу. Таково, сколько извѣстно по устнымъ преданіямъ, происхожденіе предлагаемыхъ ниже двухъ писемъ, черновыя которыхъ мы имѣли возможность получить отъ сына покойнаго Н. А. Ригельмана. Судя по приложенной къ черновкамъ замѣткѣ, письма эти не дошли по назначенію, такъ какъ были отобраны отъ П. А. Кулиша, а затѣмъ и самъ Ригельманъ долженъ былъ давать по нимъ подробныя показанія и чуть-ли не былъ даже подвергнутъ обыску и строгому надзору по подозрѣнію въ принадлежности къ мнимому кирилло-меѳодіевскому славянскому обществу. Черта времени любопытная! Было-бы очень желательно въ цѣляхъ возстановленія истинной исторіи зарожденія славянскихъ интересовъ въ Кіевѣ, чтобы лица, имѣющія болѣе полныя свѣдѣнія объ этомъ эпизодѣ, подѣлились ими съ читателями.—*Ред.*

1) *Къ Ганкѣ.* Милостивый Государь, Вячеславъ Вячеславовичъ! Пользуюсь отъѣздомъ г. Кулѣша къ вамъ, въ вашу славянскую семью, чтобы напомнить и о себѣ и доказать, что всякій истинно-русскій, хотя-бы нѣсколько дней имѣлъ отраду знать васъ, уже навсегда сохранитъ это воспоминаніе, какъ одно изъ самыхъ свѣтлыхъ воспоминаній своей жизни, куда-бы потомъ ни забросила его судьба и обстоятельства. Много уже прошло времени съ тѣхъ поръ, какъ вы такъ родственно дружески принимали меня въ своемъ музеѣ, а между тѣмъ эти минуты такъ живо сохранились въ моей памяти, и съ такою же благодарностью я вспоминаю о нихъ, какъ бы это было вчера. Нужно-ли говорить, съ какимъ участіемъ мы слѣдимъ за успѣхами народности и славянскаго развитія, какіе дѣлаютъ ваши соотечественники, и съ какою жадностью мы ловимъ извѣстія о нихъ, хотя, къ сожалѣнію, рѣдко и отрывочно до насъ доходящія. Что въ особенности отрадно видѣть въ умственномъ движеніи славянъ западныхъ,—это теплоту сердца, души, которая въ немъ проявляется, обхватывая весь народъ своими благотворными лучами, христіанскую любовь къ простому классу, которая внушаетъ вамъ столько разныхъ средствъ къ его образованію и возвышенію нравственному. Можно-ли безъ глубокаго уваженія смотрѣть на людей, посвятившихъ себя воспитанію этой меньшей братіи нашей, и по истинѣ велика будетъ заслуга славянства, если оно внесетъ въ жизнь чувство нашего общаго братства и духовнаго равенства. Въ этомъ вы, славяне запада, опередили насъ, восточныхъ; но не думайте, чтобы и мы оставались недвижимы и нечувствительны: и надъ нами возстаетъ заря славянскаго свѣта и народной любви.

Господинъ Кулѣшъ, извѣстный уже своими трудами въ нашей литературѣ, сообщитъ вамъ подробнѣе отрадныя явленія нашего литературнаго и умственнаго кругозора. Одно изъ отраднѣйшихъ есть дѣятельность Бодянскаго, проявляющаяся въ Чтеніяхъ московскаго историческаго общества. Это изданіе достойно привлекаетъ болѣе и болѣе общее вниманіе. Но въ послѣднее время мы понесли и важныя потери. Злая судьба отняла у насъ нѣсколько благороднѣйшихъ дѣятелей: Прейса, Линовскаго, обѣщавшаго много хорошаго своимъ благороднымъ стремленіемъ, Языкова, который, кромѣ поэтическаго достоинства, былъ однимъ изъ главныхъ дѣйствователей въ кругу московскихъ писателей и одушевлялся истинною любовью къ своему отечеству. Къ числу свѣтлыхъ надеждъ принадлежитъ изданіе въ Москвѣ Русскаго Вѣстника Чижовымъ съ будущаго года. Это будетъ самостоя-

тельный русско-славянскій журналъ, и мы всѣ просимъ нашихъ западныхъ братьевъ не отказать ему въ своемъ живомъ содѣйствіи.

Еще въ прошломъ году, чрезъ господина Зубрицкаго, я препроводилъ къ вамъ остальныя деньги по званію члена чешской ма... (*неразборчиво,—вѣроятно,* матицы), но до сихъ поръ не получаю ея изданій за 1846 годъ. Покорнѣйше прошу васъ навести объ этомъ справку и побудить Кронберга къ высылкѣ ихъ въ Кіевъ черезъ Зубрицкаго и купца Гартенштейна въ Бродахъ.

Поручая вашей обычной пріязни нашего соотечественника, вполнѣ ея заслуживающаго, я прошу принять отъ меня «Исторію христіанства въ Россіи до Владиміра» и дать мнѣ маленькое мѣсто въ вашемъ воспоминаніи.

Отъ глубины души вамъ преданный и покорный слуга Николай Ригельманъ.

Кіевъ, 25 февраля 1847 года.

2) *Къ Штуру.* Любезный господинъ Штуръ! Давно уже вы не слышали обо мнѣ и можетъ быть предполагаете, что я, переселясь на свою родину, попавши въ кругъ обыкновенной и мелочной жизни, утратилъ воспоминаніе о времени, проведенномъ съ вами и съ прочими западными братьями. Если вы такъ думаете, то вы несправедливы ко мнѣ, потому что я не менѣе присутствую душею между вами, какъ и прежде; не моя вина, если на мои письма я не получилъ отъ васъ ни одного отзыва. Я не приписываю этого вашему невниманію, а тому, что наши письма никогда не доходятъ въ Венгрію. Такъ точно я писалъ въ Быстрицу Кузьмани, послалъ ему нѣсколько напѣвовъ украинскихъ, то есть, ноты, зная, что онъ собираетъ славянскія мелодіи, но также не получилъ отъ него никакого отзыва. Доколѣ будетъ существовать между нами эта китайская стѣна?! Доколѣ всѣ наши усилія къ умственному размѣну будутъ сокрушаться о недостойныя преграды, поставляемыя людьми недостойными?! Пора-бы серьезно приняться за уничтоженіе ихъ, и мнѣ кажется, что вы одни, съ вашими добрыми намѣреніями, съ силою вашего духа могли-бы это сдѣлать. Не удивительно-ли, что подобное явленіе оказывается именно въ вашей землѣ, называющей себя свободною, между тѣмъ, какъ мы можемъ имѣть сообщеніе съ людьми, живущими въ деспотической Австріи. Только отрывочныя и очень недостаточныя извѣстія доходятъ до насъ о вашей дѣятельности, но судя и по этимъ отрывкамъ я съ истинною отрадою вижу, какъ вы преуспѣваете на вашемъ бла-

гомъ поприщѣ, какъ вы заботитесь о воспитаніи нравственномъ вашего народа, въ томъ истинномъ убѣжденіи, что въ наше время образованіе есть единственная сила народа, неотъемлемая, существенная, которая рано или поздно непремѣнно возвыситъ его надъ другими. Въ этомъ смыслѣ не только славянству, но и каждому нельзя безъ истиннаго утѣшенія слѣдить за вашими благими начинаніями.

Нашъ соотечественникъ, г. Кулѣшъ, уже извѣстный своими замѣчательными заслугами въ отношеніи къ Украйнѣ, котораго просимъ васъ принять съ обычною вамъ братскою любовью, сообщитъ вамъ обстоятельныя извѣстія о нашей словесности современной и о движеніи жизни нашего отечества. Я же могу передать вамъ только печальное извѣстіе о смерти Языкова, котораго вы вѣрно знали по сочиненіямъ. Это большая потеря, потому что въ послѣднее время Языковъ сдѣлался однимъ изъ главныхъ двигателей достойнаго круга молодыхъ литераторовъ [1]). Мы надѣемся, что съ будущаго года Чижовъ, котораго вы знаете, станетъ издавать въ Москвѣ «Русскій Вѣстникъ». Извѣстныя вамъ доблестныя качества издателя дѣлаютъ почти несомнѣнными наши ожиданія всего хорошаго отъ этого изданія. Это будетъ явленіе замѣчательное въ нашей словесности, если только Чижову удастся исполнить его сообразно своимъ предположеніямъ. Дай-то Богъ!

Посылаю черезъ господина Кулѣша стихотворенія Кольцова, замѣчательнѣйшее что вышло въ послѣднее время въ области нашей поэзіи, и описаніе московской оружейной палаты, изъ котораго вы ознакомитесь съ бытомъ нашихъ древнихъ царей. Примите эту ленту въ знакъ памяти сердца. Обнимаю васъ отъ души. Я просилъ г. Кулѣша купить мнѣ нѣкоторыя книги,—посовѣтуйте ему и дайте наставленіе, какъ бы завести сношенія. Обнимаю васъ. Николай Ригельманъ.

Кіевъ, 24 февраля 1847 г.

Случай съ Марковичемъ, историкомъ Малороссіи, въ Лебединѣ. *(Изъ разсказовъ старожила).* Это было въ концѣ тридцатыхъ или въ началѣ сороковыхъ годовъ. Былъ лѣтній жаркій день. Часа въ 4 послѣ обѣда сидѣлъ я у своего дѣда на крылечкѣ и еще двое постороннихъ; пили чай. Въ этомъ же дворѣ у дѣда въ другомъ

---

[1]) Н. А. Ригельманъ—воспитанникъ московскаго университета.—*Ред.*

домѣ помѣщался земскій судъ. Мелкое чиновничество: канцеляристы, подканцеляристы, архиваріусы, чиновники, какъ они себя величали, сидѣли на крыльцѣ около суда. Кто курилъ трубку, а кто заряжался табакомъ изъ тавлинки, нѣкоторые стояли; впереди стоялъ подканцелярист К. и страшно важничалъ. Въ это время вошелъ во дворъ какой-то господинъ, представительный и щегольски одѣтый, подошелъ къ стоявшему впереди подканцеляристу К. и спросилъ:— «Скажите, любезнѣйшій, гдѣ живетъ городской голова?» — «Я не любезный, а чиновникъ и дворянинъ»—отвѣчалъ тотъ съ большой важностью.

— «Большой и очень важный должно быть чиновникъ».

«Да! большой и очень важный, скоро получу чинъ коллежскаго регистратора, а ты кто такой?» — «Не тебѣ у меня спрашивать»—сказалъ пришедшій, поворотился и хотѣлъ уйти... Подканцелярист, ожидающій чина коллежскаго регистратора, обратившись къ товарищамъ, громко сказалъ:— «Господа! у насъ есть секретная бумага; разыскиваютъ какого то чиновника, укравшаго казенныя деньги и убѣжавшаго—это должно быть онъ». Моментально схватилась вся эта братія; были между ними нѣкоторые подвыпившіе, такъ какъ корчемная водка всегда водилась въ судѣ; бросились къ пришедшему и закричали: «въ полицію! ты безпаспортный, бѣглый; господа! берите его!» У пришедшаго былъ въ рукахъ длинный, толстый черешневый чубукъ; увидѣвши, что дѣло принимаетъ не шуточный оборотъ, онъ отошелъ немного и сказалъ:— «не подходите, а если кто подойдетъ и тронетъ меня—отвѣдаетъ чубука». — «Въ полицію! въ полицію!» —кричала орава, окруживши его со всѣхъ сторонъ. «Пойдемте въ полицію!» —сказалъ пришедшій. Полиція недалеко была отъ дома. Пришли въ полицію,—тамъ никого не оказалось. — «Къ городничему, къ городничему!» —кричали расхрабрившіеся чиновники: «Ведите его къ городничему!»

Квартира городничаго находилась на базарной площади. Уличные мальчики, зѣваки всегда найдутся. Въ нѣсколько минутъ набралось около этого позорища пропасть народу. Кто-то пустилъ молву, что поймали бѣглаго, бѣжавшаго изъ Сибири, съ фальшивыми бумажками, ассигнаціями—какъ ихъ тогда называли. Дошла вѣсть до бабъ, продающихъ на базарѣ бублики и булки. Побросавши свою худобу, бабы побѣжали и присоединились къ кучѣ народа, окружавшаго господина съ чубукомъ. Все сборище двинулось къ городничему.

Пріѣзжій шелъ впереди, а за нимъ канцеляристы, которые шумѣли и разсказывали, кого они поймали; но когда приближались

слишкомъ близко къ нему, онъ останавливался, поворачивался къ нимъ и говорилъ: «отойдите!» Если это не помогало, онъ отмахивался чубукомъ, какъ проходящій по улицѣ, когда на него нападаетъ стая собакъ. Предосторожность эта была не лишняя: чиновники, народъ молодой, въ большой азартъ пришли и сильно напирали на обороняющагося господина. У нѣкоторыхъ явилась надежда, что они за свое дѣяніе получатъ награду. Когда подошло все это сборище къ квартирѣ городничаго, на шумъ и крикъ на улицѣ городничій отворилъ окно и, увидѣвши толпу, спросилъ, что это такое?

Осерчавшая братія писцовъ кричала, что поймали безпаспортнаго бѣглаго чиновника.

Пріѣзжій подошелъ къ городничему и отрекомендовался: «Чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ, статскій совѣтникъ Марковичъ», а затѣмъ, обратившись къ толпѣ, показалъ рукою и сказалѣ городничему:

«Скажите, пожалуйста, что это у васъ за порядки? Посреди дня, въ центрѣ города, нападаютъ на человѣка чуть не разбоемъ. Хорошо, что у меня былъ чубукъ, и я могъ отбиваться отъ этихъ ярыгъ, какъ отъ собакъ. Если со мной продѣлали такое насиліе, то что могутъ продѣлать съ какимъ нибудь пріѣзжимъ, мѣщаниномъ, или другимъ человѣкомъ попроще. Я отсюда поѣду въ Харьковъ и передамъ лично начальнику губерніи, а пріѣхавши въ Петербургъ и г. Министру о такихъ насиліяхъ, какія совершаются въ вашемъ городѣ».

Городничій струсилъ, а у подканцеляристовъ и душа ушла въ пятки. Городничій закричалъ на нихъ:—«Ахъ вы, тупорылые пьяницы! разбойники! Десятскіе, ловите ихъ, да ведите въ холодную! Я сейчасъ же донесу губернатору». Но несчастные «тупорылые» бросились убѣгать, только не въ судъ, а по огородамъ, чтобы спрятаться въ бурьянахъ.

Городничій извинился передъ пріѣзжимъ, просилъ къ себѣ въ домъ на чашку чаю. Тутъ пріѣзжій объяснилъ, что онъ пишетъ исторію Малороссіи, ѣздитъ по городамъ, ищетъ, нѣтъ-ли гдѣ старыхъ документовъ, заѣхалъ въ Лебединъ и думалъ, не найдется ли въ городскомъ архивѣ какихъ нибудь документовъ изъ эпохи войны Петра Великаго съ Карломъ XII, или иныхъ, относящихся до исторіи Малороссіи.

Городничій объяснилъ ему, что старые архивы и документы погорѣли во время большого пожара, бывшаго въ 1818 году, когда погорѣла лучшая часть города, а въ томъ числѣ и присутственныя мѣста.—Съ тѣмъ историкъ Малороссіи и уѣхалъ.

Къ предстоящему юбилею „Энеиды“ И. П. Котляревскаго. По слухамъ, къ предстоящему столѣтію со времени напечатанія «Энеиды» И. П. Котляревскаго готовится рядъ статей. Нельзя не пожелать, чтобы слухи эти оправдались, тѣмъ болѣе, что научная литература о Котляревскомъ довольно бѣдна, если не считать единственной крупной и цѣнной монографіи о Москалѣ Чаривникѣ проф. Н. П. Дашкевича. Въ особенности желательно изученіе Энеиды со стороны историко-литературной, этнографической и филологической; по всей вѣроятности, такое изученіе и осуществится въ ближайшемъ будущемъ. Съ своей стороны считаемъ небезполезнымъ заранѣе замѣтить, въ видѣ предупрежденія, что къ самому тексту «Энеиды» нужно относиться съ большою осторожностью, въ особенности въ новыхъ изданіяхъ. Дѣло въ томъ, что, повидимому, были допущены значительныя измѣненія текста, передѣлки и пропуски. До какой степени разнится текстъ Энеиды по изданіямъ, я иллюстрирую нижеслѣдующими выборками разночтеній по двумъ изданіямъ, Харьковскому—1842 г. и Кіевскому—1878 г. Разночтенія эти такъ многочисленны и главное такъ значительны, что всякое научное изученіе Энеиды Котляревскаго должно быть отложено до критическаго опредѣленія основнаго текста, до выдѣленія всѣхъ поддѣлокъ и фальсификацій.

1842: Удавсь на всее зле проворный.
1878: На лыхо здався винъ проворный.

—

1842: Эней бувъ тяжко не по сердцю
Юнони, все ій гнивывъ,
Здававсь гирчійшій ій видъ перцю..
1878: Эней болячка бувъ Юнони,
Якъ жорна серце ій давывъ,
Бо бувъ тугійшій видъ супони...

—

1842: Пошли на його лыхо злее,
Щобъ люде вси, що при Энеи
Послизлы, и щобъ винъ и самъ...

1878: Пошли ты въ море злую тучу,
Щобъ всю Энейску челядь сучу
Пустить на дно и зъ нымъ къ чортамъ...

—

1842: За сее жъ дивку чорнобрыву
Смачную...
1878: Товстеньку...

—

1842: А Евръ въ подвощики нанявся.
1878: А Евръ у винныкы нанявся.

—

1842: Въ тристя его къ чортамъ загнать.
1878: Загнать въ багно его къ чортамъ.

—

1842: Нептунъ издавна бувъ дряпичка,
Почувъ Энеевъ голосокъ,
Шатнувся заразъ изъ запичка—
Пивъ копы для его кусокъ...
1878: Нептунъ дочувсь въ скляныхъ будынкахъ,
Що пробу закричавъ Еней
Винъ въ жинчиныхъ метнувсь патынкахъ,
Мовъ кить отъ сала до дверей.

—

1842: Венера не послидня шльоха
Проворна, врагъ ій не взявъ,
Побачила, що такъ полоха...
1878: Венера, якъ на все швидкая,
Проворна, врагъ ій не взявъ,
Побачила, що такъ лякае.

—

1842: Зевесъ тоди кружавъ сывуху
И оселедцемъ заидавъ
1878: Зевесъ тоди лыгавъ вишневку,
Маковныками заидавъ...

—

1842: Охъ, доцю, ты моя голубко!
1878: Охъ, донько, ты моя голубко!

—

1842: Щобъ на пути не ослабилы
1878: Щобъ на дорози не замлилы

—

1832: И нужи повна очкурня,
Охлялы, ниби въ дощъ щеня...
1878: Пропущенъ второй стихъ.

—

1842: И илю симьяну макуху...
1878: И илю юрду и макухи...

—

1842: Лемишку, зубци...
1878: Лемишку, хляки...

—

1842: Эней и самъ такъ розгулявся,
Якъ на аркани жеребецъ,
Що трохы не увередывся,
Пишовши съ Гандзею въ танецъ.
1878: . . . . . .
Зъ Дидоною за руки взявся.

—

1842: По флыжанци пиднесы
1878: По кухлику имъ пиднесы...

—

1842: Штаны и пару чобитокъ
1878: Галанци й пару чобитокъ...

—

1842: Троянцы добре тамъ курилы...
1878: Троянцы лыхо тамъ курилы...

—

1842: Ажъ розумъ весь свій погубили,
1858: Ажъ глуздъ...

—

1842: Въ огонь лахмитя положивши
1878: Въ огонь одежу...

—

1842: У неи на городи
Въ костри на зиму очеретъ;
Хоть се не по царской породи,
Та дежъ взять дровъ, колы все степъ.
1878: Стоявъ въ Дидони у загони
Зъ кизяку складеный кирпычъ,
Зимою имъ топили пичъ,
Въ костри бувъ сложеный, сухенькій,..

Всѣ эти выборки сдѣланы нами лишь изъ одной первой части Энеиды, при чемъ мы пропустили рядъ мелкихъ разночтеній—гидкій вмѣсто скверный, чорта вмѣсто сатаны и т. д.

Въ итогѣ получается масса разночтеній, мѣстами весьма крупныхъ. Фальсификація смѣлая и часто умѣлая, но кое-гдѣ неудачная, Замѣтна узкая тенденція, претендующая сдѣлать малорусскій языкъ Котляревскаго еще болѣе малорусскимъ. Къ чему, напр., штаны замѣнены галанцами? Замѣна неудачная. Галанци носили панскіе козачки (изъ голландскаго сукна, fein holländisch, откуда фалендышъ). Образъ Нептуна въ изданіи 1842 гораздо лучше обрисованъ, чѣмъ въ изданіи 1877 г.; тоже въ мѣстахъ объ очеретѣ, какъ степномъ топливѣ и др. То, что въ изданіи 1842 г. Зевесъ пьетъ сивуху и заѣдаетъ селедкой, лучше отвѣчаетъ общему характеру поэмы, чѣмъ питье вишневки и заѣданіе маковниками. Въ общемъ непріятно поражаетъ самый фактъ фальсификаціи, и весьма желательно, чтобы Котляревскій былъ очищенъ отъ нея.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

Неизданное стихотвореніе Е. П. Гребенки. Это стихотвореніе найдено нами въ альбомѣ умершей еще въ 1859 г. малороссійской помѣщицы Ульяны Степановны Ловцовой, по первому мужу Сулиминой, учредительницы извѣстнаго въ Кіевѣ «Сулимовскаго дома». Она была сосѣдкой Гребенки по имѣнію, такъ какъ, въ числѣ другихъ помѣстій, ей принадлежала въ Пирят. у., полт. губ. дер. Марьяновка, смежная съ дер. Гребенчинымъ-Яромъ. По отзывамъ знавшихъ ее лицъ, У. С. Ловцова была образованная женщина, любившая водить, во время зимняго проживанія въ Петербургѣ, знакомство съ писателями и учеными, наприм. съ извѣстнымъ Стасовымъ, переписка съ которымъ и теперь хранится у ея наслѣдниковъ. Въ Петербургѣ же часто бывалъ у нея и Гребенка, въ то время состоявшій тамъ на службѣ.

Давно уже я не писалъ стиховъ.
Прошелъ мой сонъ поэзіи прекрасной!.
Мнѣ жить теперь тепло и ясно,
Но не видать уже волшебныхъ сновъ...
А было время—пѣлъ я мотыльковъ
И пышный садъ украинской природы,
Мнѣ нравились лазоревыя воды
И въ небѣ строй летучихъ облаковъ,
И плакалъ я, когда пѣвецъ свободы,
Слѣпой *кобзарь* мнѣ пѣлъ про козаковъ.
Но сонъ прошелъ, тотъ сонъ краснорѣчивый,—
Хоть, можетъ быть, онъ былъ и безтолковъ.

Проснулся я: кругомъ такъ суетливо
Хлопочетъ нашъ индустріальный вѣкъ;
Торгуетъ всѣмъ—и смотритъ горделиво
На брата современный человѣкъ...
Да, числъ ряды поэзію смѣнили,
И многіе, что прежде ей служили,
Въ коммерческій пустились оборотъ!.
Къ тому нашъ вѣкъ, какъ видите, идетъ;
И право, странно въ чудномъ вѣкѣ этомъ
Хоть въ шутку быть мечтательнымъ поэтомъ.
Простите жъ мнѣ мой стихотворный бредъ
И тамъ когда-нибудь, въ садахъ Украйны,
Вы вспомните, что есть у васъ сосѣдъ,
Который былъ ошибкою, случайно,
На смѣхъ людямъ, какъ говорятъ, поэтъ.

Е. Гребенка.

1846 г., сентября 10,
Петербургъ.

Сообщилъ О. Л.

Письмо діакона Іосифа Симашки, впослѣдствіи митрополита литовскаго, къ своему брату, 24 февраля 1821 г. [1]). Дорогой братецъ! Не могу упустить настоящаго случая, чтобы не написать тебѣ нѣсколько словъ. Какъ твое собственное, такъ и дорогаго дяди и любимаго отца рѣшеніе заключается въ томъ, чтобы ты остался въ духовномъ званіи. Это намѣреніе заслуживаетъ похвалы; но необходимо сдѣлаться способнымъ къ выполненію его. Твои молодые годы еще даютъ тебѣ достаточно времени приготовиться къ этому; не такъ, какъ представляется нѣкоторымъ изъ утопающаго въ утѣхахъ сословія (nie tak iak niektórym się zdaie w roskoszy opływaiącego stanu). Приготовленіе это зависитъ не только отъ украшенія памяти и разума различными какъ теологическими, такъ и другими науками и познаніями: но также отъ усвоенія любезной, приличной и всѣмъ пріятной внѣшности. Священники (kapłani) должны служить примѣромъ и образцомъ для другихъ; не только убѣжденіемъ, но даже самой внѣшностью должны ихъ привлекать. Трудно привлечь своимъ поученіемъ тому, кто самою внѣшностью отталкиваетъ ихъ отъ себя и заставляетъ

[1]) Подлинникъ письма, писаннаго по польски и сообщаемаго здѣсь въ переводѣ, находится въ б—кѣ А. М. Лазаревскаго. Авторъ письма, какъ извѣстно, умеръ въ 1869 году.

чуждаться (zniechęca). Старайся поэтому, дорогой братецъ, избавиться отъ заиканія, которое не только непріятно въ общеніи съ посторонними, но даже служитъ каноническимъ препятствіемъ для сана священника; того угнетеннаго состоянія, которое дѣлаетъ тебя какъ бы чужимъ въ каждомъ обществѣ. Отъ перваго ты освободишься частымъ чтеніемъ книгъ вслухъ и разговоромъ; отъ втораго же—путемъ непринужденнаго обращенія и бесѣды съ другими, а особенно свѣтскими людьми.—Я обѣщалъ выслать тебѣ богословіе на польскомъ языкѣ. Не сдержалъ и теперь не исполняю своего обѣщанія, потому что здѣсь нѣтъ ни одного, которое заслуживало-бы того, чтобы сдѣлать тебѣ этотъ подарокъ. Достаточно, если будешь изучать и читать какъ русскія богословскія книги, которыя есть у дяди, такъ и катехизисы; особенно же если-бы ты могъ добыть римскій катехизисъ (katechizmu Rzymskiego), пользоваться которымъ я болѣе всего совѣтовалъ-бы тебѣ. Брось на нѣкоторое время свѣтскія книги и возьмись со всѣмъ усердіемъ за тѣ, которыя для тебя неизбѣжно и единственно нужны; ибо въ противномъ случаѣ увѣряю тебя, что въ теченіи года не получишь священства. Вотъ все, что я хотѣлъ тебѣ написать, побуждаемый братской любовью и тою привязанностью, съ которою обѣщаю неизмѣнно остаться нелицемѣрнымъ и искренно любящимъ тебя братомъ...

О. Іосифъ Діаконъ.

Дня 25 февраля 1821 года. Жидичинъ [1]).

P. S. Навыкай также при дядѣ къ церковнымъ обрядамъ и молитвамъ, ибо ихъ нельзя усвоить иначе, какъ путемъ долгаго употребленія и практики.

Сообщилъ **Н. М.**

Рубанъ Василій Григорьевичъ. Годъ съ небольшимъ назадъ минуло сто лѣтъ со дня смерти (24 сентября 1795 г.) В. Г. Рубана, издателя двухъ книжекъ, изъ которыхъ впервые могла познакомиться съ Малороссіей тогдашняя русская читающая публика. Р—нъ родился 14 марта 1742 г., въ Бѣлгородѣ, но родомъ былъ, кажется, изъ настоящей полтавской губ., гдѣ, около Ромна, Рубаны жили еще и въ недавнее время. Окончивъ кіевскую дух. академію, Р—нъ отправился въ Петербургъ и здѣсь началъ прокладывать себѣ дорогу

[1]) Мѣстечко Луцкаго у. Волынск. губ.

писаніемъ *одъ*, на которыя тогда была большая мода. Рожденіе, бракъ, смерть знатныхъ лицъ—требовали одъ. Уже въ 1767 г. была напечатана Р—номъ—«Ода на кончину графини В. А. Шереметевой». Въ слѣд. году является его ода «На день рожденія императрицы Екатерины II»; въ 1770 г. такая же ода—«Императрицѣ Екатеринѣ II на прививаніе оспы» и т. д. Вѣроятно, при помощи этихъ одъ Р—нъ уже въ 1774 г. дѣлается секретаремъ кн. Потемкина, при которомъ онъ затѣмъ состоялъ до его смерти. Въ это же время, кажется, онъ занималъ должность и переводчика военной коллегіи, президентомъ которой былъ Потемкинъ.

Въ к. 1775 г. прибылъ въ Петербургъ, рекомендованный Румянцовымъ императрицѣ, молодой Безбородко и занялъ видный постъ ея секретаря («у пріятія челобитенъ»). Вѣроятно знакомый съ Рубаномъ еще на родинѣ, Безбородко, кажется, задумалъ воспользоваться литературными наклонностями земляка—для написанія «исторіи малороссійской». Въ августѣ 1776 г. секретарь императрицы просилъ отца прислать ему книгъ (т. е. рукописей) по исторіи Малороссіи, говоря что «сіи всѣ книги здѣсь тѣмъ нужнѣе, что *находятся люди, кои вознамѣрились издать исторію малороссійскую*». А въ слѣдующемъ году была напечатана Рубаномъ «Краткая лѣтопись Малыя Россіи» [1]). Посылая эту книгу отцу, Безбородко писалъ: «къ изданію сея книги *поострилъ я г. Рубана не одними совѣтами*, но и въ разсужденіи различныхъ послѣднихъ временъ и самыми достовѣрными извѣстіями, отъ меня ему сообщенными. Сожалѣть только надобно, что онъ поспѣшилъ нѣсколько печатаніемъ предъидущихъ листковъ, въ которыхъ многія противу подлинности ошибки изъять, да и въ разсужденіи различныхъ нужныхъ умолчанныхъ обстоятельствъ, распространиться я не преминулъ бы. Малое сіе сочиненіе служитъ теперь къ намѣреваемому *нами* изданію полной малороссійской исторіи...[2])». Но намѣреніе Безбородка и Рубана не исполнилось; первому скоро стало

---

[1]) Краткая лѣтопись Малыя Россіи съ 1506 по 1777 годъ, съ изъявленіемъ настоящаго образа тамошняго правленія и проч. Издана Вас. Григ. Рубаномъ г. колл. ассес. и вольн. россійскаго собранія при императ. моск. универс. членомъ. Спб. 1777. Въ 16-ю д. л. 242+LX стр. Землеописаніе Малыя Россіи, изъявляющее города, мѣстечки, рѣки и проч., изд. В. Г. Рубаномъ и проч. Спб. 1777. Въ 16-ю д. л. 118 стр. (Въ продажѣ, обыкновенно, обѣ книжки перепленены вмѣстѣ). Обѣ книжки посвящены гр. П. А.Румянцову.

[2]) „Князь Безбородко", Григоровича, I, 45—46.

некогда, а второй, видимо, самъ ничего не могъ сдѣлать. Но за то въ 1778 г. Рубанъ напечаталъ «Путешествіе ко святымъ мѣстамъ» знаменитаго своего земляка Василія Григоровича-Барскаго. Книга эта была издана на счетъ кн. Потемкина, который, повидимому, очень интересовался христіанскимъ востокомъ. Въ томъ же 1778 г. Рубаномъ былъ напечатанъ «Любопытный Мѣсяцословъ», изъ котораго мы узнаемъ, что въ это время его издатель былъ «правящимъ должность директора надъ новороссійскими училищами». Слѣдовательно, Потемкинъ считалъ Рубана настолько образованнымъ человѣкомъ, что поручилъ ему насажденіе училищъ въ зачинавшемся Новороссійскомъ краѣ. Къ сожалѣнію, никакихъ свѣдѣній объ этой дѣятельности Рубана пока не обнародовано, если они сохраняются еще въ какомъ либо архивѣ. Такимъ образомъ, намъ извѣстна только литературная дѣятельность Р—на, выразившаяся въ изданіи нѣсколькихъ книгъ и въ напечатаніи множества одъ и дифирамбовъ, перечисленныхъ Сопиковымъ въ его каталогѣ. Послѣ изданія въ 1777 г. двухъ книжекъ о Малороссіи, Р—нъ болѣе къ ней не возвращался. Повидимому, къ Малороссіи Рубанъ обратился въ своихъ писаніяхъ только благодаря вліянію Безбородка; самъ онъ ею не интересовался. Умеръ Р—нъ въ Петербургѣ, какъ сказано, 24 сентября 1795 г.[1]).

А. Л.

Кому принадлежитъ редакція сборника малорусскихъ пословицъ, изд. въ 1864 г.? Въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза—Ефрона, въ статьѣ объ Аф. В. Марковичѣ, г. Сумцова, между прочимъ напечатано: «Служа въ Немировѣ, М—чъ *приготовилъ для печати* обширный и весьма цѣнный въ научномъ отношеніи сборникъ малорусскихъ пословицъ: «Украинскіе приказки», *изданный* Мих. Симоновымъ въ 1864 году, въ Петербургѣ, подъ псевдонимомъ Номиса... На авторство М—ча въ составленіи сборника указано въ галицкой газ. «Правда» и потомъ въ «Исторіи» Огоновскаго. А. Н. Пыпинъ въ «Исторіи русск. этнографіи» считаетъ главнымъ составителемъ Номиса, *но, повидимому, М—чу надо отдать предпочтеніе, такъ какъ онъ не только далъ много матеріала, но и планъ для изда-*

[1]) См. Русск. Стар. 1896 г., ноябрь, стр. 467—471, гдѣ напечатаны письма архіеп. Георгія Конисскаго къ Рубану.

нія...» Что говорится въ «Правдѣ»—мы не знаемъ, а у Огоновскаго дѣйствительно сказано, что М—чъ, находясь въ Немировѣ, «впорядкувавъ сборникъ приказокъ», который «выдавъ» Михайло (sic) Симоновъ.—Но что же говорится въ самой книгѣ, о которой идетъ рѣчь?—Заглавіе ея такое: «Украински приказки, присливья и таке инше. Збирники О. В. Марковича и другихъ. *Спорудивъ* М. Номисъ». Затѣмъ, книга имѣетъ обстоятельное предисловіе, въ которомъ Матвѣй Терентьевичъ Симоновъ (Номисъ), перечисливъ полученные имъ сборники (причемъ *главнымъ* называетъ сборникъ А. В. М—ча), *подробно излагаетъ свой редакторскій планъ изданія* и въ заключеніе проситъ «выбачить ему» за то, что̀ не такъ *имъ* сдѣлано... По какому же основанію можно говорить, послѣ этого, что не М. Т. Симоновъ былъ «главнымъ составителемъ (т. е. редакторомъ) сборника» и что «Марковичу нужно отдать предпочтеніе, *такъ какъ онъ далъ планъ изданія*»?—Вѣдь не самозванно же М. Т. Симоновъ говоритъ въ предисловіи о *своей* редакторской работѣ, о *своемъ* планѣ изданія и *себя* называетъ редакторомъ («спорудывъ») сборника, а не издателемъ... А если такъ, то значитъ «планъ для изданія» этого сборника принадлежитъ не Марковичу, а Симонову, при чемъ утверждать противное можно лишь въ томъ случаѣ, если *голословной* фразѣ галицкаго ученаго давать бо́льшую вѣру, чѣмъ ясному и подробному предисловію самого редактора сборника.

Къ нашему возраженію противъ странной догадки г. Сумцова можно, пожалуй, добавить и то, что намъ *доподлинно* извѣстно, что М. Т. Симоновъ получилъ отъ Марковича не «сборникъ приготовленный для печати», а—ворохъ тетрадокъ, листковъ, кусочковъ бумаги, исписанныхъ наскоро и часто не разборчиво... Ни о какомъ «планѣ изданія» тутъ и рѣчи не могло быть [1])...

Но, разумѣется, и безъ этого свѣдѣнія нельзя было говорить, что не М. Т. Симонову принадлежитъ планъ изданія.

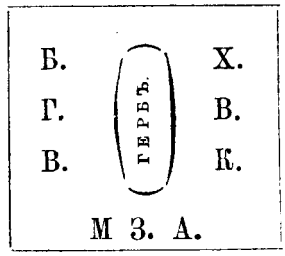
Страннымъ, однако жъ, должно показаться, здравствующему въ своемъ лубенскомъ уединеніи, М. Т. Симонову отрицаніе *очевиднаго* его «авторства въ составленіи» указаннаго сборника...

Ал. Лазаревскій.

---

[1]) Марковичъ собирался было издавать свой сборникъ въ 1857 г., но уже въ 1858 г. предлагалъ его *для изданія* юному Н. М. Бѣлозерскому... См. въ этой же книжкѣ статью „Памяти Н. М. Бѣлозерскаго", стр. 146.

Чаша Богдана Хмельницкаго. На кіевскомъ антикварномъ рынкѣ появилась *чаша Богдана Хмельницкаго*, представляющая собою серебряный сосудъ, формою и величиною почти такой же какъ тѣ чашки, которыя подаютъ къ самовару для мытья стакановъ. Принадлежность чаши Б. Хм—ому указываетъ гербъ съ его инициалами, вырѣзанный около верхняго борта сосуда. Какъ гербъ, такъ и инициалы составляютъ *точнѣйшую копію* герба и инициаловъ, имѣющихся на портретѣ Б. Хм—аго, гравированномъ Гондіусомъ въ 1651 г. Инициалы на этомъ портретѣ имѣютъ такой видъ:



Тоже самое, до мелкихъ подробностей, видимъ мы и на чашѣ.

Въ принадлежности чаши Б. Хм—ому можно сомнѣваться, такъ какъ время рѣзьбы герба и инициаловъ едва ли можетъ относиться къ полов. XVII в. Судя по внѣшнимъ признакамъ этой рѣзьбы, она можетъ быть отнесена и къ к. XIX вѣку...

Окончательное рѣшеніе вопроса о подлинности надписи должно принадлежать, конечно, знатокамъ этого дѣла, причемъ всетаки находящійся на портретѣ Гондіуса—гербъ съ инициалами имѣть имъ въ виду слѣдуетъ...

Просятъ за чашу, будто бы, три тысячи рублей.

А. Л.

Черниговская губернская ученая архивная коммиссія открыта 14 ноября прошлаго года, какъ извѣщаетъ о томъ мѣстная газета (Черниг. губ. вѣд., 1896, № 972). Къ сожалѣнію, при этомъ не сообщается персоналъ этой коммисіи, а въ немъ вся сущность дѣла и заключается. Успѣхъ дѣятельности коммисіи всецѣло будетъ зависѣть отъ удачнаго состава ея дѣятелей.

---

[1]) Очень хорошо сдѣланная копія гравюры Гондіуса имѣется въ извѣстномъ Сборникѣ портретовъ малорусск. дѣятелей, покойнаго Беца.

Общество изслѣдователей Волыни. Въ одной изъ послѣднихъ книжекъ «Кіевской Старины» за прошлый годъ мы говорили объ учрежденіи и дѣятельности недавно основаннаго Волынскаго Церковно-археологическаго Общества. Теперь мы имѣемъ случай снова вернуться къ Волыни—передъ нами лежитъ «Проектъ устава Общества изслѣдователей Волыни». Проектъ этотъ настолько интересенъ, какъ по широтѣ замысла, такъ и по правильности постановки дѣла, что мы считаемъ не лишнимъ вкратцѣ познакомить съ нимъ читателей Кіевской Старины. Проектъ разбитъ на нѣсколько отдѣловъ, которымъ мы и будемъ слѣдовать.

Остановимся подольше на первомъ отдѣлѣ, гдѣ находимъ свѣдѣнія о цѣли и правахъ проектируемаго общества. Лучше всего будетъ, если мы приведемъ почти цѣликомъ всѣ параграфы этого отдѣла.

§ 1. Общество изслѣдователей Волыни имѣетъ цѣлью разностороннее изученіе Волыни и вопросовъ съ таковымъ соприкасающихся, а также ознакомленіе съ краемъ, его прошлымъ, его условіями жизни, нуждами и прочее; почему изученію подлежитъ не только территорія нынѣшней Волынской губерніи, но и вообще мѣстности старой Волынской земли и Волынскаго княжества. Слѣдовательно, въ трудахъ Общества помѣщаются изслѣдованія, основанныя на данныхъ не одной только Волыни, но и сосѣднихъ мѣстностей, если эти данныя способствуютъ изученію Волыни и шире и глубже разъясняютъ вопросы, соприкасающіеся съ таковымъ.

§ 2. Для достиженія поставленной цѣли Общество имѣетъ право на нижеслѣдующее.

1) Устраивать для научныхъ сообщеній публичныя собранія, о времени, мѣстѣ и предметѣ занятій которыхъ доводится заблаговременно до свѣдѣнія г. Волынскаго губернатора.

2) Открывать платныя и безплатныя чтенія, испрашивая каждый разъ разрѣшеніе подлежащихъ властей и съ соблюденіемъ всѣхъ, установленныхъ для того, правилъ и распоряженій Правительства.

3) Собирать и пріобрѣтать коллекціи по разнымъ отраслямъ знанія для Волынскаго музея, который долженъ быть открытъ для публики.

4) Имѣть свою библіотеку, какъ подспорье для работъ членовъ Общества.

5) Устанавливать охрану памятниковъ старины, рѣдкихъ экземпляровъ фауны и флоры, а также мѣстъ, гдѣ рельефно выражено строеніе земли, достопримѣчательностей природы и прочее.

6) Печатать свои труды въ видѣ отдѣльныхъ или періодическихъ изданій.

7) Доставлять своимъ членамъ средства для производства изысканій на мѣстѣ.

Опуская §§ 3 и 4, гдѣ говорится о дипломахъ, выдаваемыхъ членамъ, о правѣ Общества ходатайствовать о перемѣнѣ устава и о печати, переходимъ къ слѣдующему.

§ 5. По существу предметовъ, входящихъ въ кругъ занятій Общества, оно раздѣляется на четыре секціи:

1-я, *Естественныхъ наукъ*, съ отдѣлами—фауны, флоры, минералогія, геологія, палеонтологія, физическая географія, метеорологія, географія и т. п.

2-я, *Антропологическая*, съ отдѣлами—антропологія, этнографія, народная медицина, статистика населенія, обычное право, народная словесность, діалектологія и т. д.

3-я, *Экономическая*, съ отдѣлами—бытъ населенія (экономическій), сельское хозяйство, лѣсоводство, садоводство, хмелеводство, огородничество, скотоводство, птицеводство, пчеловодство, рыболовство и охота, ремесла, кустарное дѣло, промыслы, технологія, промышленность, торговля, статистика (экономическая) и т. п.

4-я, *Историческая*, съ отдѣлами—исторія политическая и бытовая, архивовѣденіе, археографія, археологія, нумизматика, геральдика и т. д.

§ 6. Общество считается существующимъ, пока функціонируетъ хотя-бы одна изъ его секцій.

Во второмъ отдѣлѣ заключаются свѣдѣнія о составѣ Общества. Во главѣ стоятъ предсѣдатель и совѣтъ. Совѣтъ состоитъ изъ предсѣдателя, вице-предсѣдателя и предсѣдательствующихъ въ секціяхъ. Затѣмъ идутъ обычныя подраздѣленія членовъ на почетныхъ, дѣйствительныхъ и соревнователей. Въ этомъ отдѣлѣ замѣчанія могутъ вызвать нѣкоторые изъ параграфовъ, гдѣ говорится о предсѣдателѣ и вице-предсѣдателѣ. Именно, § 24—«Предсѣдатель и вице-предсѣдатель выбираются общимъ собраніемъ на *два* года изъ дѣйствительныхъ или почетныхъ членовъ» и § 25—«Одно и то-же лицо не можетъ быть избираемо предсѣдателемъ или вице-предсѣдателемъ болѣе *трехъ* разъ подрядъ».

Если нельзя ничего сказать противъ избранія предсѣдателя черезъ 2 года, то нѣкоторое недоумѣніе вызываетъ ограниченіе избранія не болѣе трехъ разъ подрядъ; мы не знаемъ какими соображеніями руководствовались составители проекта устава, помѣщая этотъ параграфъ, намъ онъ кажется излишнимъ: если предсѣдатель окажется несоотвѣтствующимъ своему положенію, то вѣдь черезъ 2 года его можно смѣнить, если же онъ будетъ у мѣста, то зачѣмъ-же ограничивать его дѣятельность 6-ти-лѣтнимъ срокомъ, или дѣлать перерывы въ этой дѣятельности? Вѣдь есть много примѣровъ, что предсѣдатели съ успѣхомъ выполняютъ свои обязанности и въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ подрядъ.

3-й отдѣлъ—о собраніяхъ. Не менѣе одного раза въ годъ должно собираться общее собраніе—для выслушиванія отчетовъ, выборовъ и т. п.; на тѣхъ-же общихъ собраніяхъ могутъ быть дѣлаемы и научныя сообщенія, имѣющія общій интересъ; посторонняя публика допускается на эти собранія «по рекомендаціи членовъ, но съ разрѣшенія предсѣдателя» (§ 44),—и это ограниченіе представляется намъ излишнимъ: не лучше ли принять обычный порядокъ, раздѣливъ собраніе на закрытое и открытое, и предоставить публикѣ доступъ на послѣднее безъ всякихъ рекомендацій и разрѣшеній? Тѣмъ болѣе, что дальше, гдѣ говорится о засѣданіяхъ секцій, слово «публика» не встрѣчается, и на ея долю остается только 1-й пунктъ § 2-го (см. выше). Почему-бы не открыть доступъ публикѣ и на засѣданія секцій?

4-й отдѣлъ—о музеѣ. «При обществѣ состоитъ музей, именуемый Волынскимъ музеемъ, изъ отдѣловъ, отвѣчающихъ секціямъ, т. е. естественно-историческаго, антропологическаго, экономическаго и историческаго».

5-й—о библіотекѣ.

6-й—объ изданіяхъ: Общество издаетъ періодическій журналъ «Труды Общества изслѣдователей Волыни»; нѣкоторыя рукописи могутъ быть печатаемы и отдѣльно.

7-й—о публичныхъ чтеніяхъ; здѣсь говорится о порядкѣ устройства чтеній при помощи общества.

8-й—средства: обычные членскіе взносы, пожертвованія и т. п.

При пересказѣ послѣднихъ отдѣловъ, мы опускали подробности, такъ какъ онѣ касались общеизвѣстныхъ параграфовъ, помѣщаемыхъ въ уставахъ всѣхъ вообще ученыхъ обществъ. Въ заключеніе приведемъ послѣдній параграфъ: «Все имущество Общества, въ случаѣ

ликвидаціи дѣлъ его, поступаетъ въ собственность Житомирской русской публичной библіотеки».

Въ нашихъ замѣчаніяхъ мы коснулись мелкихъ частностей; въ общемъ же уставъ представляется стройнымъ, выдержаннымъ. Имѣющее возникнуть общество будетъ носить областной характеръ, что дастъ ему возможность, не разбрасываясь, сосредоточить всѣ силы на опредѣленномъ раіонѣ, глубже и разностороннѣе изучить этотъ послѣдній. Задачи общества широки и разносторонни,—это обстоятельство, въ связи съ отдаленностью Волыни отъ центровъ, съ отсутствіемъ въ ней высшихъ учебныхъ заведеній, а вслѣдствіе этого и малымъ контингентомъ ученыхъ силъ, можетъ дать поводъ къ сомнѣнію въ успѣшномъ выполненіи широкихъ плановъ, предначертанныхъ въ уставѣ. Но, повидимому, и сами составители проекта устава не питаютъ себя несбыточными надеждами,—не даромъ они помѣстили параграфъ, гдѣ говорится, что общество функціонируетъ, если существуетъ даже одна какая-нибудь секція. Затѣмъ, широкая постановка дѣла даетъ возможность большему числу лицъ принять участіе въ общей работѣ; нужно также принять во вниманіе и то, что въ послѣднее время замѣчается приливъ интеллигентныхъ силъ въ провинцію, да и сама провинція начинаетъ оживать, поэтому, хотя пессимизмъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и бываетъ полезенъ, мы, на этотъ разъ, оставимъ его въ сторонѣ.

Настоящій уставъ, по полнотѣ и выработанности, можетъ служить образцомъ и для другихъ областей, конечно съ соотвѣтствующими сообразно съ мѣстными условіями измѣненіями; не лишнимъ было бы также, по нашему мнѣнію, имѣть его въ виду и по отношенію къ учреждаемому въ Кіевѣ обществу съ музеемъ при немъ.

Н. Бѣляшевскій.

Поправка. Въ октябрьской книжкѣ «Кіевской Старины» за 1896-й годъ, въ выноскѣ на стр. 115, строка 5-я, вмѣсто αὐτόν слѣдуетъ читать αὐτόν.

Библіографія.

Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1893 г. *Спб. 1896, стр. 1—195; 1—29; 1—73.*

Въ предлагаемомъ вниманію читателей Отчетѣ Императорской Публичной Библіотеки за 1893 годъ, кромѣ обычныхъ свѣдѣній о личномъ составѣ, объ участіи Библіотеки въ юбилейныхъ торжествахъ, о внутреннемъ устройствѣ ея, о средствахъ содержанія (годовой бюджетъ 94373 р. 25 к.), о пользованіи библіотекой и о прочихъ статистическихъ данныхъ, самыми важными отдѣлами являются: глава о пріобрѣтеніяхъ библіотеки и въ приложеніяхъ—письма С. П. Шевырева къ Гоголю.

Въ главѣ о пріобрѣтеніяхъ библіотеки отмѣтимъ тѣ рукописи, которыя имѣютъ ближайшее отношеніе къ цѣлямъ и задачамъ нашего журнала, т. е. къ нашему югу Россіи, и которыя нами были разсмотрѣны въ подлинникахъ при посѣщеніи библіотеки. Цѣнную коллекцію представляетъ собраніе рукописей Ѳ. И. Буслаева, среди которыхъ указанъ южно-русскій хронографъ, какъ сказано въ отчетѣ, одинаковой редакціи съ лѣтописью Боболинскаго. Лѣтъ десять назадъ мы имѣли случай сличить подобный-же хронографъ съ этой лѣтописью Боболинскаго и старались доказать, что наименованіе «лѣтопись Боболинскаго» совершенно неточное, такъ какъ Боболинскій былъ, очевидно, только переписчикомъ той рукописи, которая въ половинѣ 17-го вѣка сложилась у насъ на югѣ въ особую редакцію хронографовъ, извѣстную пока въ немногихъ спискахъ [1]). Списокъ изъ коллекціи Ѳ. И. Буслаева интересенъ тѣмъ, что онъ сохранился въ полномъ видѣ, особенно въ прибавочныхъ частяхъ: хроника русская и литовская (Отчетъ, стр. 13; Публ. Библ.: F, IV, 727, т. 1 и 2).

[1]) См. Ж. М. Н. П. 1885 г. № 5 „Хронографы южно-русской редакціи". В. Науменка.

Изъ частныхъ приношеній болѣе другихъ интересны:

1) Сборникъ, писанный скорописью нѣсколькихъ почерковъ преимущественно малороссійскаго письма середины XVIII вѣка. Рукопись эта представляетъ нѣчто въ родѣ руководства для писанія писемъ методами, установленными приличіями того времени; это своего рода «Приклады, како пишутся комплименты разные» эпохи Петра I. Въ рукописи имѣются привѣтствія отъ бывшихъ учениковъ учрежденной Ѳеофаномъ Прокоповичемъ Карповской школы къ кабинетъ министру князю А. М. Черкасскому. Тутъ же есть письма, содержащія въ себѣ свѣдѣнія о послѣднихъ минутахъ жизни Ѳеофана; два изъ нихъ напечатаны С. Н. Браиловскимъ въ Журналѣ Мин. Народ. Просв. 1893 года (№ 6), а третье, почему то пропущенное г. Браиловскимъ, помѣщено теперь въ «Отчетѣ» (стр. 106). Находимъ въ этомъ сборникѣ и поздравительное письмо малороссіянъ къ гр. А. Разумовскому при пожалованіи его въ рейсъ-графское достоинство, а также и отвѣтъ послѣдняго 28 іюня 1744 года. Между прочимъ, въ сборникѣ есть и такіе перлы: «Поздравленіе нѣкотораго надворнаго къ нѣкоторому кавалеру, который тайнымъ совѣтникомъ учиненъ»; или «сожалѣтельное писаніе къ нѣкоторому министру, у котораго жена умре»; или «благодарное писаніе нѣкотораго студента къ отцу своему за присланный вексель или переводное въ деньгахъ письмо»; или еще: «поздравительное писаніе къ женскому полу въ день ея именинъ». (Отчетъ, стр. 103—107; Публич. Библ. Q, XVII, 207.

2) Каталогъ, или лѣтописаніе изъ бытности архіереевъ россійскихъ; скоропись средины 18-го вѣка. Тутъ въ главѣ 28-й помѣщенъ перечень архимандритовъ кіево-печерскаго монастыря (Пуб. Биб. F, I, № 716).

3) «Псальмы Давида пророка и царя, игранныя имъ на гусляхъ, также и псальмы разнымъ праздникамъ и на различные войны, происходящіе при блаженной вечно достойной памяти Государя Императора Петра I, сочиненные въ Украине и поемые на ихъ штиле» (Отчетъ, стр. 108; Публ. Библ. Q, XIV, № 130). На оборотѣ заглавнаго листа изображеніе въ раскрашенномъ видѣ царя Давида съ гуслями. Вначалѣ помѣщено девять стихотворныхъ переложеній псалмовъ Давида. Затѣмъ идутъ «псалмы поемыя на разныхъ потребахъ»; всѣхъ ихъ 38. Здѣсь находимъ псальмы на праздники Господскіе, Богородичные, въ честь Спасителя, Божіей Матери, арх. Михаила. Наконецъ, идутъ псальмы воинскія о различныхъ войнахъ» числомъ че-

тыре. Изъ нихъ первая и самая интересная слѣдующая, списанная нами съ подлинника:

Лементуетъ [1]) Украина изъ великимъ жалемъ,
А будучи наполнена смуткомъ и печалемъ
Припевъ: Охти мне, беда мне, что я учинила,
Охти мне, беда мне, что я приступила.
На короля, своего пана, руки подымала,
Не разъ, не два и не десять съ нимъ ся воевала.
Охти мне...
Взявши едность и премирье и съ татарскимъ ханомъ,
Составивши товарищество съ проклятымъ поганымъ.
Охти мне...
Съ которыми то поганцы такъ я учинила,
Места, села и подворія огнемъ попалила
Охти мне...
Православныхъ христіанъ давала въ неволю
Имаючи по дубровахъ и по чистомъ полю.
Охти мне...
Братство мило, любовное съ паны солтанами,
Ведутъ братовъ повязаныхъ руки арканами
Охти мне...
Отецъ и мать свое дитя на руки хапаетъ,
Оставивши вся маетки, отъ страху втекаетъ.
Охти мне...
Реки кровавыя потоками идутъ,
Души невинныя безъ споведи гинутъ.
Охти мне...
Не одинъ я монастырь добрый излупила,
Не одну же и церковь огнемъ испалила.
Охти мне...
Не (*неразобрано*) предомною мертвыи во горобахъ,
Не скрылися и тыя детки, що въ материхъ утробахъ.
Охти мне...
Разогнала люды всюды, по разныхъ сторонахъ,
Полно въ Крыму и въ Москве и во всехъ городахъ.
Охти мне...
Хочъ кто хотелъ упокою, не дала сидети,
Не машъ ласки ни мешканя ни въ единомъ повѣте.
Охти мне...
На остатокъ оставивши кролевско панство,
Поддавшися Московскому въ вечное подданство
Охти мне...
Подлалася-бъ турецкому, лечъ (?) не гаразъ будетъ,
И такъ мене проклинаютъ вкраинскіе люде
Охти мне...

[1]) Въ Отчетѣ напечатано: „Дементуетъ“; мы думаемъ, что наше чтеніе правильнѣе по смыслу, а рукопись даетъ право читать первую букву *Л*, а не *Д*.

Скубутъ мене со всехъ сторонъ. завжды сама бачу,
Затинаютъ (*неразобрано*), якъ цыганску клачу.
Охти мне...
Вернулася бъ до короля, любъ не схощетъ принять,
Знову восхощутъ ляхи зъ нами жартувати
Охти мне...
Волю буду Московскому царю голдовати,
И за его помощію мушу содержати.
Охти мне...
Жебы жили и сиделя вкраинскія дети
И въ тихости, и въ радости спокойне не веки.
Охти мне..,

4) Родословная книга дворянскимъ родамъ черниговскаго намѣстничества, сочиненная и подписанная губернскимъ дворянства предводителемъ и уѣздными дворянскими депутатами 1788 года. Въ этихъ спискахъ, расположенныхъ по шести частямъ дворянской родословной книги, даются свѣдѣнія о каждомъ лицѣ: 1) Имя и прозвище и его лѣта; 2) холостъ или женатъ и на комъ, или вдовъ; много-ли дѣтей и имена ихъ; 4) сколько за нимъ по послѣдней ревизіи наслѣдственныхъ, или купленныхъ, или въ приданое полученныхъ обоего пола душъ нынѣ состоитъ; 5) въ уѣздѣ ли живетъ, или въ отлучкѣ; 6) какого онъ чина; 7) въ какой именно службѣ или въ отставкѣ. (Отчетъ, стр. 110; Публ. Библ.: F, IV, № 719).

5) Родословная дворянская кіевскаго намѣстничества книга, совершенно тоже представляетъ, какъ и только что упомянутая, и составлена также въ 1788 г. (Публ. Библ. F, IV, № 720).

6) Стишной прологъ за сентябрьское полугодіе. Писано полууставомъ южнорусскаго письма к. XVI вѣка. (Отчетъ, стр. 153—155; Публ. Библ. F, I, № 716).

Всѣ библіографическія указанія сдѣланы въ «Отчетѣ» за 1893 годъ съ такою же точностью и полнотою, какъ и въ прежніе годы, что̀ не разъ уже отмѣчено было на страницахъ нашего журнала.

В. Науменко.

Dr. Iohann Polek. Joseph's II Reisen nach Galizien und der Bukowina und ihre Bedeutung für letztere Provinz. Czernowitz, 1895. *(Поѣздка Іосифа II въ Галичину и Буковину и ихъ значеніе для послѣдней. Стр. 116).*

Исторія присоединенія Галичины и Буковины къ австрійскимъ владѣніямъ достаточно извѣстна. Менѣе извѣстны первыя попытки

австрійскаго правительства организовать ново-присоединенныя провинціи сообразно съ господствовавшими въ то время началами государственнаго устройства.

Въ этомъ отношеніи названный трудъ г. Полека не лишенъ значенія. Въ связи съ разсказомъ о четырехъ поѣздкахъ Іосифа II въ эти провинціи, отнятыя у Польши и Турціи, авторъ приводитъ выдержки изъ современныхъ записокъ императора, дѣятельно вмѣшивавшагося въ разрѣшеніе вопроса о будущемъ ихъ устройствѣ, а въ приложеніяхъ даетъ рядъ цѣнныхъ выписокъ изъ оффиціальныхъ докладовъ и мнѣній по тому же предмету. Читатель можетъ извлечь отсюда рядъ новыхъ свѣдѣній объ интеллектуальномъ, экономическомъ и моральномъ состояніи названныхъ провинцій въ послѣдней четверти XVIII в., особенно Буковины, на которую авторомъ обращено особое вниманіе. Положеніе земледѣлія, промышленности, отношенія землевладѣльцевъ и духовенства къ крестьянамъ, финансовые порядки страны обрисованы въ оффиціальныхъ докладахъ съ полнотою, для того времени замѣчательною, и данныя эти составляютъ цѣнный вкладъ во внутреннюю исторію области.

Вопросъ о дѣйствительномъ «инкорпорированіи» Буковины въ свое время, какъ видно, представлялъ не легкую задачу для вѣнскихъ централистовъ, но принятіе рѣшительныхъ мѣръ въ этомъ направленіи сдерживалось главнымъ образомъ соображеніями экономіи. Желательно было извлечь изъ страны возможно больше въ цѣляхъ военныхъ и фискальныхъ и истратить на это возможно менѣе. Къ этому, въ существѣ, и сводятся всѣ многорѣчивыя и дѣловитыя разсужденія современныхъ чиновниковъ и самого Іосифа II на тему о томъ, слѣдуетъ-ли подчинить провинцію военному или «политическому» управленію, надо-ли разбить ее между Седмиградіемъ и Галичиной, или-же лучше образовать изъ нея, отдѣльную область и т. п.

Еще въ февралѣ 1781 г. гр. Блюмсгенъ, первый гофканцлеръ, рекомендовалъ трактовать Буковину, какъ особую область, сообразуясь съ ея нравами и обычаями, привлекать мѣстныхъ людей къ общественной службѣ и такимъ образомъ пріобрѣсть склонность и довѣріе со стороны «молдавской націи», разумѣется «по возможности» (стр. 31). Іосифъ II готовъ былъ согласиться съ этимъ, но для него главная задача заключалась въ томъ, чтобы «возможно легче и дешевле удержать страну на будущее время и притомъ извлечь изъ нея надлежащую выгоду для aerarium.» Сообразно съ этимъ проектиро-

ваны были и неизбѣжныя на первое время «реформы», въ числѣ которыхъ обращаетъ на себя вниманіе странная мысль соединить въ болѣе или менѣе крупные поселки пастуховъ-крестьянъ, жившихъ большею частью разбросанными хуторками или починками и довольно легко оставлявшихъ свои селидьбы въ поискахъ за лучшими условіями существованія.

По обычаю, отысканъ былъ и доброволецъ изъ мѣстныхъ обывателей, свѣдѣніями котораго признано было за благо воспользоваться въ этой реформаторской работѣ. Это нѣкто Василій Балчъ, «боярнъ и депутатъ Буковины», какъ онъ именуетъ себя, или попросту протоколистъ или даже копіистъ придворнаго военнаго совѣта, назначенный въ составъ послѣдняго въ іюнѣ 1783 г. по повелѣнію императора, какъ лицо знакомое съ мѣстнымъ языкомъ и особенностями. Въ приложеніяхъ (79—88) приведена характерная оффиціальная записка этого свѣдущаго человѣка о нуждахъ его родины, любопытная между прочимъ и потому, что изъ нея вѣнскіе администраторы частью почерпали свою мудрость. Какъ бывшій членъ консисторіи, Балчъ особенно подробно занятъ, въ духѣ времени, вопросомъ о монастырскихъ имуществахъ, дабы уязвить съ самой существеной стороны «это безнравственное, суевѣрное и жестоковыйное (halsstarrig) монашеское племя» (83). Балчъ рекомендуетъ систему, принятую въ то время въ Россіи, но совѣтуетъ вводить ее постепенно, чтобы не возникло волненій въ «черни», которая по своему легкомыслію можетъ увидѣть въ этомъ посягательства на свою вѣру. Разумѣется, этотъ «представитель» признаетъ буковинскихъ мужиковъ лѣнтяями, лжецами, непочтительными къ своимъ господамъ, привыкшими исполнять свои незначительныя повинности только при условіи брани и колотушекъ (84). Непочтительность къ господамъ выражается главнымъ образомъ въ томъ, что при спорахъ съ ними крестьяне прямо обращаются къ господарю и легко получаютъ отъ него разрѣшеніе выселяться въ другія мѣста и т. п. Необходимо поэтому прикрѣпить ихъ къ опредѣленному мѣсту: устроить колоніи и т. д. Само собою разумѣется, что эта злокачественная записка сервильнаго копіиста-боярина снабжена фразами о благѣ общества и благосостояніи гражданъ.

Н. М.

Записки наукового товариства імени Шевченка. *Выходять у Львові під редакциею Михайла Грушевського. Том XIII (1896, кн. V), стр. 182*[1]).

Въ настоящемъ томѣ г. А. Коницкій продолжаетъ интересную біографію Т. Г. Шевченка (стр. 1—76). Нынѣ предложенъ обзоръ событій внѣшней и внутренней жизни поэта съ 17 ноября 1850 г. по 2 августа 1857 г., т. е. за время пребыванія Ш. въ Новопетровскомъ фортѣ, на восточномъ берегу каспійскаго моря. Настоящій очеркъ, носящій заглавіе: «Вторая ссылка Т. Шевченка» отличается обычными достоинствами принадлежащей перу г. Коницкаго біографіи: точнымъ критическимъ изученіемъ спорныхъ или недостаточно выясненныхъ подробностей, живымъ, образнымъ и легкимъ изложеніемъ. Авторъ тщательно собралъ разбросанныя извѣстія, опубликованныя въ давнихъ и мало доступныхъ нынѣ изданіяхъ, и кромѣ того имѣлъ возможность пополнить эти свѣдѣнія данными новыми, почерпнутыми изъ личной переписки своей съ г—жей Усковой, женой коменданта Новопетровскаго форта.. Превосходно обрисовано душевное состояніе поэта во время затянувшагося неожиданно вопроса объ амнистіи. Авторъ вновь повторяетъ ошибочное, на нашъ взглядъ, мнѣніе о случайномъ происхожденіи извѣстной резолюціи имп. Николая I, воспретившаго поэту не только писать, но и рисовать.

Г. Миронъ Кордуба въ своемъ историческомъ очеркѣ: «Первое славянское государство» (1—20) даетъ живой и весьма интересный очеркъ извѣстій о первомъ появленіи славянъ на исторической сценѣ, отношеніяхъ югозападныхъ славянскихъ племенъ къ аварамъ, возстаніи противъ послѣднихъ, основаніи государства Само, борьбѣ съ франками и внутреннемъ устройствѣ этой державы. Авторъ рѣшительно высказывается за славянское происхожденіе Само, несмотря на категорическое заявленіе Фредегара о томъ что Само былъ «natione Frankos.» По мнѣнію г. Кордубы, это выраженіе слѣдуетъ понимать лишь въ томъ смыслѣ, что Само жилъ въ границахъ франконскаго государства; для означенія же племенной принадлежности Фредегаръ употребилъ-бы слово «genus», «ex genere», какъ въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. Этотъ доводъ едва-ли можно признать рѣшающимъ, тѣмъ болѣе, что у того же Фредегара Теодорикъ оказывается и «па-

[1]) Обзоръ содержанія прежнихъ 12 томовъ „Записокъ“ въ „Кіев. Стар.“ 1895 г., №№ 11 и 12, 1896 г., № 2, 5 и 10.

tione Gothus» и «natione Macedonis». Напрасно также авторъ хоронитъ норманнскую теорію. На нашъ взглядъ, съ нею придется еще очень долго считаться, и хоронить ее нѣтъ достаточнаго основанія.

Д-ръ О. Ч. въ статьѣ «Случай vesaniae melancholicae» подробно описываетъ фактъ полнаго выздоровленія больной этой болѣзнью послѣ самоповѣшенія и указываетъ на возможность искусственнаго содѣйствія къ переходу хроническихъ психическихъ разстройствъ въ острыя, легче поддающіяся леченію.

Въ отдѣлѣ библіографіи предложенъ обзоръ и оцѣнка 25 книгъ и брошюръ, касающихся исторіи южной Руси, и кромѣ того вкратцѣ изложено содержаніе статей въ 14 періодическихъ русскихъ изданіяхъ за 1895 г., въ томъ числѣ въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ.

Н. М.

Проф. Д. И. Багалѣй. Украинская старина (очерки, замѣтки, матеріалы изъ стародавняго Харьковскаго быта и культуры). I. *Харьковъ 1896 г., стр. 304, in-16.*

Авторомъ, по его словамъ, давно задумано систематическое обозрѣніе внутренняго быта Слободской Украины, но сдѣлать такое обозрѣніе въ настоящее время, при недостаточномъ количествѣ сырого матеріала, представляется невозможнымъ; волей-неволей ему приходится ограничиться выпускомъ въ свѣтъ ряда отдѣльныхъ очерковъ, чтобы составить изъ нихъ цѣльную бытовую картину Харьковщины. Таково происхожденіе настоящей книжки. Въ нее вошли: 1) «Наказы харьковскаго дворянства въ Екатерининскую коммиссію 1767 г.», въ которыхъ нашли себѣ выраженіе различныя стороны тогдашней краевой жизни; ярче всего отразились въ нихъ интересы соціальные и экономическіе, несравненно слабѣе духовные и, можно сказать, совершенно отсутствуютъ политическіе; въ основѣ наказовъ лежатъ исключительно интересы сословные дворянства и городовъ (крестьяне и духовенство вовсе не участвовали); сравнивая наказы слободско-украинскаго дворянства съ дворянскими наказами другихъ губерній, авторъ находитъ, что наибольшее сходство по своему содержанію они имѣютъ съ малороссійскими; но эти послѣдніе далеко превосходятъ ихъ опредѣленностью, ясностью пожеланій во всѣхъ отношеніяхъ и особенно въ политическомъ и культурно-просвѣтительномъ.

Вторая статья разсматриваемаго сборника посвящена характеристикѣ общественной дѣятельности Харьковскаго городского головы Егора Егоровича Урюпина, служившаго городу съ 1787 г., когда онъ былъ избранъ въ бургомистры магистрата. Въ личности Урюпина мы встрѣчаемъ типъ безкорыстнаго, честнаго и энергическаго представителя городскихъ интересовъ; не смотря на невысокое свое образованіе, онъ понималъ значеніе его для города и оказалъ большія услуги дѣлу учрежденія въ Харьковѣ университета; этому то дѣлу послужили и «два культурныхъ дѣятеля изъ среди Харьковскаго духовенства» (третья статья сборника)—протоіереи Василій Ѳотіевъ и Андрей Самборскій; первый былъ преподавателемъ въ Харьковскомъ главномъ народномъ училищѣ, а второй—законоучителемъ великихъ князей Александра и Константина Павловичей; отличительною чертою ихъ дѣятельности является забота о нравственномъ и умственномъ развитіи и совершенствованіи Общества.

Изъ сказаннаго видно, что авторъ задался счастливой мыслью изобразить положительные типы прошлаго, тѣ свѣтлыя личности, которыя содѣйствовали общественному прогрессу; чтеніе книжки г. Багалѣя производитъ бодрящее впечатлѣніе, чувствуется отрада при мысли, что не все то въ прошломъ было черно и грязно, что такъ любятъ изображать наши бытописатели; она также приводитъ къ сознанію необходимости выдвигать изъ мрака вѣковъ тѣни людей, стремившихся къ высокимъ идеаламъ въ своей жизни: если отрицательные типы говорятъ, чѣмъ мы не должны быть, то положительные прямо побуждаетъ насъ дѣлать то, хотя и немногое, полезное, какое возможно каждому въ его время.

И. Каманинъ.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества т. 95-й. *Спб. 1895 in-8. Стр. I—XIX; 706—107.*

Въ ряду изданій Русскаго Историческаго Общества «Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ иностранными государствами: Польско-Литовскимъ, Крымомъ, Ногаями и Турціею, занимаютъ видное мѣсто; сношеніямъ съ Польско-литовскимъ государствомъ посвящены томы: 35, 59 и 70, а сношеніямъ съ Крымомъ, Ногаями и Турціей—томы 41 и настоящій, выше означенный. Интересъ и важность этихъ «памятниковъ дипломатическихъ сношеній»

заключаются въ томъ, что въ нихъ нерѣдко упоминается о территоріи и населеніи южной Руси, да еще въ такой отдаленный періодъ, какъ XV-й и XVI-й вѣка, для которыхъ оффиціальныхъ документовъ крайне мало у насъ. Томъ 41 обнимаетъ переписку между Россіей и Крымомъ за 1487—1508 гг. и настоящій—за 1508—1521 гг., за время правленія великаго князя Василія III. Главная цѣль сношеній великаго князя съ ордами состояла въ томъ, чтобы добиться заключенія союза противъ Литовскаго государства, а со стороны крымскаго царя—чтобы добиться освобожденія изъ Московскаго плѣна крымскаго царевича Абдулъ-Летифа и получить помощь противъ Астраханскаго царства, сношенія же съ Турціей ограничивались большею частью торговыми дѣлами. Въ перепискѣ мы встрѣчаемъ и «черкасцевъ» («народъ на Днѣпрѣ», по опредѣленію редакторовъ изданія);» они то сами дѣлаютъ нападенія на крымскіе города, то подвергаются нашествію крымской орды, которая старается захватить самый г. Черкасы. Въ томъ же положеніи по отношенію къ ордѣ стоитъ и Кіевъ. Кромѣ Черкасъ, Кіева и Подоліи, о мѣстностяхъ правобережной Украины мы не находимъ упоминаній, тогда какъ многіе города лѣвобережной нерѣдко встрѣчаются въ переписках. Такимъ образомъ настоящій томъ является новымъ и важнымъ источникомъ для исторіи южной Руси; для исторіи же Крыма—первостепеннымъ. Онъ изданъ подъ редакціей Г. Ѳ. Карпова теперь уже умершаго и Г. Ѳ. Штендмана, снабдившихъ томъ обстоятельными личнымъ и географическимъ указателями.

И. Каманинъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

На дняхъ вышла въ свѣтъ книга:

ДРАМЫ И КОМЕДІИ И. ТОБИЛЕВИЧА

(Карпенка-Карого). Т. 1-й.

(Бурлака.—Бондаривна.—Розумный и дурень.—Наймычка.—Мартынъ Боруля). Ц. 1 р. 50 к.

Печатается и въ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ 2-й томъ.

(Безталанна.—Сто тысячъ.—Грихъ и покаяння.—Палывода XVIII столиття) Ц. 1 р. 50 к.

Складъ изданія: Одесса, Пушкинская № 20.—Книжный магазинъ Южно-русскаго общества Печатнаго дѣла Книгопродавцамъ обычная уступка.

1835. — ОТКРЫТА ПОДПИСКА — 1897.

Большой семейный иллюстрированный и литературный журналъ

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ШЕСТЬДЕСЯТЪ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

Возрастающая съ каждымъ годомъ распространенность журнала «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ», даетъ возможность, въ 1897 году, сдѣлать

важныя и существенныя улучшенія въ изданіи, не бывалыя до сихъ поръ ни въ одномъ журналѣ, заключающіяся въ увеличеніи литературнаго матеріала для чтенія въ четыре раза болѣе противъ прежнихъ лѣтъ и въ усовершенствованіи внѣшняго вида до изящества дорогихъ заграничныхъ изданій, не возвышая прежней скромной подписной платы, что, въ общемъ, дастъ гг. подписчикамъ—

— ДВА САМОСТОЯТЕЛЬНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ИЗДАНІЯ —

1) еженедѣльный, семейный художественно-литературный журналъ

52 иллюстрированныхъ нумера изящной литературы исключительно извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей. Каждый нумеръ состоитъ, въ общемъ, изъ $2^1/_2$—3-хъ листовъ большого формата, отпечатанныхъ на роскошной бѣлой бумагѣ съ 7—10 рисунками. 52

При нумерахъ журнала, между прочимъ, въ теченіе года выдается:

1. 52 нумера—«Хроника событій за недѣлю».—II. 12 нумеровъ «Парижскихъ новѣйшихъ модъ» съ рисунками.—III. 12 раскрашенныхъ картинъ (модные дамскіе костюмы и рукодѣлія).—IV. Рисунки для вышивки бѣлья, платьевъ, костюмовъ, шерстью, снурками, шелкомъ, золотомъ и проч.—V. 12 выкроекъ въ натуральную величину.—VI. Рисунки для выпиливанія (оригинальные) разныхъ изящныхъ предметовъ, полезныхъ въ хозяйствѣ.—VII. 12 новѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ (романсы, танцы и проч.)—VIII. Стѣнной календарь, отпечатанный цвѣтными красками и золотомъ.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ НОВОСТЬ ПРИ ЖУРНАЛѢ

ЕЖЕМѢСЯЧНО БУДЕТЪ ВЫДАНЪ ОДИНЪ НУМЕРЪ ЖУРНАЛА

съ картинами извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ,

отпечатанныхъ въ нѣсколько тоновъ цвѣтными красками

(ПО ОБРАЗЦУ ДОРОГИХЪ ЗАГРАНИЧНЫХЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ ИЗДАНІЙ).

2) ежемѣсячное литературное приложеніе

ДВѢНАДЦАТЬ БОЛЬШИХЪ ТОМОВЪ

Въ составъ которыхъ входятъ: новые историческіе, этнографическіе и современные романы, повѣсти, разсказы русскихъ и иностранныхъ писателей, а также стихотворенія научныя, сельско-хозяйственныя статьи, смѣсь и проч.

Ежемѣсячно выходитъ одинъ томъ (между 1 и 10 числами) изящно отпечатанный, въ форматѣ книгъ «Вѣстника Европы» и другихъ большихъ

дорогихъ ежемѣсячныхъ журналовъ, въ размѣрѣ отъ 20 до 25 листовъ. Въ каждомъ томѣ помѣщаются только новыя литературныя произведенія, а не перепечатка старыхъ сочиненій. Въ каждомъ томѣ помѣщается обязательно одинъ или два законченныхъ романа, изъ коихъ нѣкоторые будутъ съ иллюстраціями и портретами.

Для 52 нумеровъ «Живописное Обозрѣніе» и книгъ, пріобрѣтены слѣдующія новыя оригинальныя произведенія извѣстныхъ и любимыхъ публикою русскихъ писателей.

Михайловъ, А. (А. К. Шеллеръ). «Лѣсъ дремучій», большой романъ.—Соловьевъ, Всев. Серг. (авторъ романовъ «Сергѣй Горбатовъ» и др.). «Угасшая звѣзда», романъ.—Полевой, П. Н. «Странный анекдотъ», большая повѣсть.—Ясинскій, І. І. («Максимъ Бѣлинскій») «Ясное утро». Большой романъ—Случевскій, К. К. «Мой дядя». Разсказъ.—Чеховъ, А. П. «Контрабандисты», больш. ром.—Голицынъ, Д. П. князь «Муравлинъ») «Рѣзаниновы». Ром. изъ больш. свѣта.—Гнѣдичъ, П. П. «Чужое». повѣсть.—Волконскій, М. Н. князь (бывшій редакторъ «Нивы»). «Дуэль», повѣсть.—Станюковичъ, К. М. Разсказъ.—Баранцевичъ, К. С. Большой разсказъ.—Тихановъ. В. А. (бывшій редакторъ «Сѣвера») «Нехорошее дѣло», романъ.—Щегловъ-Леонтьевъ. И. Л. «Неудача», повѣсть.—Станицкій (А. Е. Головачева) «Любимица», повѣсть.—Величко, В. Л. «Принципы», разсказъ.—Бажинъ, Н. Ѳ. «Часъ», повѣсть.—Мережковскій, Д. С. «Святой городъ», повѣсть.—Назарьева, К. В. «Болотные огоньки», большой романъ.—Рышковъ, В. А. «Старыя дѣвы», повѣсть.—Тангіева Е. А., княгиня. «Чужая тайна», большой романъ.—Лебедевъ, В. П. «Стрѣлецъ царя Алексѣя Михайловича», историческая повѣсть.—Леманъ, А. И. «Подвигъ», бол. ром.—Ѳедоровъ, А. М. «Въ степи», бол. ром.—Яковлева, З. Ю. «Кто виноватъ?», ром. Чюмина, О. Н. «Злыя чары», пов.—Красновъ, П. Н. «Между двухъ огней», романъ.—Максимовъ, А. К. «Такъ суждено», большой ром.—Свѣтловъ, В. А. «Черный призракъ», повѣсть.—Заринъ, А. Е. «Призваніе», больш. романъ.—Будищевъ, А. Н. «Рѣка Калхаисъ», повѣсть.—Ежовъ, М. Н. «Случайные гости» повѣсть.—Меньшиковъ Н.—«Игра судьбы», романъ. Н. «Игра судьбы» ром.—Уманецъ, Е. О. »За что?», повѣсть. Гербановскій, Т. М. «Солнышко пригрѣло» разсказъ.—Якунинъ-Захарьинъ, И. Н. «Сноха» разсказъ.—Леонтьевъ, Н. В. «Бродяжка», разсказъ.—Гиппіусъ, З. Н. «Неуловимая» разсказъ—Майковъ, М. «Друзья-соперники», разсказъ.—Измайловъ («Смоленскій»), А. А. «На зарѣ жизни».—Иловайскій, П. І. «Дочь ростовщика», романъ.—Сѣверцовъ, Г. Т. «Нравственныя калѣки», повѣсть.—

Казибекъ, Юрій. Разсказы изъ жизни черкесовъ до ихъ покоренія.—Аѳанасьевъ, И. И. «Позорное наслѣдство», романъ и проч.

ПОДПИСНАЯ ГОДОВАЯ ЦѢНА ПРЕЖНЯЯ.

На годъ съ доставкой и по Имперіи: **8** р.—Безъ доставки въ Спб. **7** р.—въ Москвѣ **7** р. **75** к.

На полгода (съ доставкою по Имперіи) **4** р.—На три мѣсяца **2** р.—За границу: на годъ—**16** р. Разсрочка взносовъ на другіе сроки допускается, но по соглашенію съ Главною Конторою.

Годовые подписчики журнала «Живописное Обозрѣніе», желающіе пріобрѣсти новое художественное изданіе—библія въ картинахъ знаменитаго художника Г. Дорэ» (200 картинъ съ текстомъ и въ оберткѣ), уплачиваютъ 1 р. 50 к. за экземпляръ съ доставкою, а за прежнія изданія: портреты Ихъ Величествъ, «Бурлаки на Волгѣ», «Аѳонъ» и проч., уплачиваютъ за каждый экземпляръ картины (съ доставкою)—одинъ рубль. Безъ доставки въ Спб.—75 коп.

Главная контора журнала: Спб. невскій просп., д. № 68—40.

Иллюстрированное объявленіе и списокъ изданій высылается безплатно.

3—3

ГОДЪ ИЗДАНІЯ 85-Й. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА** ГОДЪ ИЗДАНІЯ 85-Й.

1812. Большая ежедневная политическая и литературная газета (БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ) **1897.**

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

Печатается ежедневно въ двухъ изданіяхъ.

Первое изданіе выходитъ ежедневно листами большого формата

СЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ

Въ ежедневныхъ нумерахъ газеты сообщается о всѣхъ выдающихся событіяхъ въ придворной, духовной и военной сферахъ, а также всѣ важныя новости для столичной, внутренней и иностранной жизни, по свѣдѣніямъ спеціальныхъ корреспондентовъ газеты и телеграммъ, одновременно съ другими дорогими изданіями, а потому газета «Сынъ Отечества» въ первомъ (большомъ) изданіи

◆ ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЕТЪ ДОРОГОЕ И ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ. ◆

Кромѣ ежедневныхъ нумеровъ газеты, годовые подписчики получатъ:

1) **52** нумера воскресныхъ приложеній, печатаемыхъ на зеленевой глазированной бумагѣ, въ видѣ еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала,

гдѣ помѣщаются романы повѣсти, разсказы, стихотворенія и болѣе 300 художественныхъ рисунковъ.

2) Двѣнадцать нумеровъ «Моды и рукодѣлія», замѣняющіе «модный журналъ».

3) Стѣнной календарь разсылается, какъ прибавленіе, при первомъ нумерѣ газеты.

НОВОЕ БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ.

Въ числѣ 52-хъ безплатныхъ приложеній всѣ годовые подписчики газеты «Сынъ Отечества» (первое изданіе), въ 1897 г., получатъ:

Третій томъ избранныхъ литературныхъ произведеній извѣстнаго писателя

А. МИХАЙЛОВА—„ГРѢХИ ПРОШЛАГО“.

Большой романъ, не вошедшій въ «Полное собраніе сочиненій».

Подписная цѣна на первое изданіе (съ доставкою):

На годъ 8 р.—На полгода 4 р.—На три мѣс. 2 р.—На одинъ мѣс. 1 р.

Разсрочка взносовъ допускается, но по соглашенію съ Главною Конторою.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ ГАЗЕТЫ „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“

Второе изданіе газеты «Сынъ Отечества» выходитъ ежедневно. Въ нумерахъ газеты помѣщаются всѣ выдающіяся новости, а также придворныя, административныя, военныя и научныя извѣстія и телеграммы—

ОДНОВРЕМЕННО СО ВСѢМИ ДРУГИМИ ДОРОГИМИ ИЗДАНІЯМИ.

4 Каждый воскресный нумеръ въ 1897 году будетъ выходить въ размѣрѣ отъ 12 до 16 страницъ, отпечатанныхъ на глазированной бумагѣ, съ художественно выполненными портретами Высочайшихъ особъ, современныхъ (русскихъ и иностранныхъ) государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, а также иллюстраціями торжествъ и событій, сосредоточивающихъ на себѣ, въ извѣстный моментъ, особое вниманіе русскаго общества. **2**

Подписная цѣна на второе изданіе (съ доставкою и пересылкою по Россіи): На годъ 4 рубля. На полгода 2 рубля. На три мѣсяца 1 рубль.

Годовые подписчики газеты „Сынъ Отечества“, въ 1897 году, могутъ получить новое роскошное изданіе, необходимое для каждой семьи, а именно:

Новый большой художественный альбомъ—

„Библія въ картинахъ знаменитаго художника Г. Дорэ“

(200 картинъ съ пояснительнымъ текстомъ и въ изящной оберткѣ).

Цѣна альбома для подписчиковъ (съ доставкою) 1 руб. 50 коп. Желающіе пріобрѣсти, вмѣсто премій, художественныя изданія (портреты

Ихъ Императорскихъ Величествъ, «Аѳонъ», «Бурлаки на Волгѣ», «Жертва Волги» и другіе за прежніе года), уплачиваютъ за каждый экземпляръ съ доставкою—одинъ рубль. Безъ доставки—75 коп.

Главная контора: Спб. Кіевскій пр., У аничкина моста д. № 68—40.

Иллюстрированное объявленіе и списокъ художественныхъ изданій высылаются безплатно.

3—3

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
Казанскаго Университета
на **1897** годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи: отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченіе изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды посторонннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студенческія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и заграницей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *Ѳ. Мищенко.*

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„С.-Петербурскія Вѣдомости“

въ 1897 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Безъ казенныхъ прибавленій. на годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.	Съ казенными приб. на годъ.	6 мѣс.
Съ доставкой по гор. почтѣ.	16 р.—к.	9 р.—к.	4 р. 50 к.	1 р. 80 к.	18 р.—к.	10 р.—к.
Съ пересылкою иногородн.	17 р.—„	10 „—„	5 „ 50 к.	2 „ — „	19 „ —„	11 „ — „
За границу	26 „ —„	14 „—„	8 „ — „	3 „ — „	28 „ —„	16 „ — „

Подписка на газету съ казенными прибавленіями принимается только на годовой и полугодовой срокъ. Въ розничную продажу казенныя прибавленія не поступаютъ.

Подписка принимается: въ Петербургѣ, въ главной конторѣ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», Шпалерная, 26, и въ книжномъ магазинѣ Мелье (Невскій пр., № 20); въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, № 61.

Иногородные адресуютъ: С.-Петербургъ, Шпалерная, 26.

Редакторъ-издатель князь *Э. Э. Ухтомскій.*

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на

„ЖУРНАЛЪ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА“

въ 1897 году.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ іюля и августа), въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, о ъ 15 до 20 листовъ, подъ редакціей проф. В. Н. Латкина

Отдѣлы журнала: 1) оригинальныя статьи, 2) хроника—законодательства, гражданскаго, и уголовнаго суда, экономическое и земское обозрѣнія, 3) критика и библіографія, 4) замѣтки и извѣстія, 5) приложенія.

Въ теченіе 1896 года въ журналѣ были помѣщены слѣдующія статьи и замѣтки: Д. Дриля—Цѣлесообразна-ли современная ссылка въ качествѣ карательной мѣры; проф. В. Ивановскаго—Общія начала въ

устройствѣ губернскихъ властей; В. Каткова—Чекъ; М. Левитскаго—Къ вопросу о законахъ объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства: проф. А. Александренка—Тайный надзоръ за дипломатами въ XVIII в.; И. Кашкарова—Къ вопросу объ улучшеніи служебнаго быта кандидатовъ на судебныя должности; П. Коробки—Замѣтки мироваго судьи; проф. А. Гольмстена—Три вопроса изъ литовскаго гражданскаго права; А. Левенстима—Докторъ Гроссъ и его проектъ улучшенія слѣдственной части; О. Пергаментъ—Новые австрійскіе проекты гражданскихъ процессуальныхъ законовъ; Н. Водовозова—Католическая школа въ политической экономіи; И. Баралевскаго—О судопроизводствѣ въ Пріамурскомъ краѣ; Я. Городыскаго—Практика судебно-административныхъ учрежденій; Е. Васьковскаго—Недостатки устава гражданскаго судопроизводства; проф. В. Даневскаго—О необходимости преподаванія судебной медицины юристамъ; проф. В. Лебедева—Національзація земли и поземельная реформа; А. Тимофеева—Условное освобожденіе; Н. Максимова—О реформѣ судебныхъ учрежденій въ степныхъ областяхъ; А. Лонгинова—Слабыя стороны проекта уголовнаго уложенія; А. Башмакова—Право представленія и поколѣнное преемство; И. Озерова—Сравнительная преступность половъ; А. Дукмасова—О надзорѣ за привлеченіемъ къ отвѣтственности; Г. Вольтке—Объ указной долѣ овдовѣвшаго супруга; К. Дворжицкаго—Бродяги и законъ; В. Волжина—Процессуальный порядокъ уменьшенія наказаній по степенямъ; Н. Дружинина—Крестьяне и общее гражданское право; проф. Загоровскаго—Къ вопросу о пересмотрѣ нашего судебнаго права; Н. Полетаева—Граница уголовной отвѣтственности душевнобольныхъ Ф. Клинберга—къ вопросу о преобразованіи предварительнаго слѣдствія; В. Волжина—Законы, карающіе нарушенія постановленій о лѣсахъ; М. Левитскаго—По поводу 6-ой статьи устава о цензурѣ; проф. П. Суворова—Монастыри и церкви, какъ юридическія лица; А. Лонгинова—Недостатки законоположеній о надзорѣ за судебными установленіями; М. Левитскаго—О судебной карьерѣ; Б. Боуффала—О пропинаціонномъ правѣ; М. Мыша—О личномъ цензѣ для участія въ городскихъ выборахъ; С. Саблера—Къ ученію о суверенитетѣ въ государствѣ; В. Ефимова—О послѣднемъ проектѣ межеваго устава; К. Чихачева—Объ юридической силѣ кассаціонныхъ рѣшеній; А. Леонтьева—Юридическое положеніе мѣщанъ въ отношеніи къ домамъ въ городахъ; В. Каткова—Заключеніе договоровъ при посредствѣ электричества; В. Гессена—О прекращеніи подданства; Н. Полетаева—Душевная болѣзнь, какъ поводъ къ расторженію брака; Л. Бѣлецкаго—Замѣчанія на проектъ уголовнаго уложенія; М. Ретвиха—По поводу статей 173—175 мироваго устава; З. Корсака—Новыя работы по вопросу о первичной поземельной собственности: В. Волжина—Розыскъ обвиняемыхъ чрезъ публикаціи; В. Кобцева—къ вопросу о слабой уголовной репрессіи суда присяжныхъ; В.

Акимова—Патронатъ; Д. Никольскаго—XVI-ая сессія института международнаго права и мн. др.

Цѣна за годовое изданіе:

Въ СПБ. безъ доставки . . . . . 8 р.
Съ доставкою . . . . . 8 р. 50 к.
Съ пересылкою въ другіе города . . 9 р.

Подписчики, желающіе получать сверхъ того рѣшенія кассаціонныхъ департаментовъ сената, платятъ за журналъ и за рѣшенія съ доставкой и пересылкой 13 р. Подписка на рѣшенія отдѣльно, безъ журнала, стоитъ 4 р. Допускается разсрочка подписной платы. Кандидаты на судебныя и военно-судебныя должности, равно и учащіеся пользуются правомъ подписки за половинную цѣну, т. е., 4 р. 50 к. за журналъ и 8 р. 50 к. за журналъ съ кассаціонными рѣшеніями.

Подписка принимается въ конторѣ журнала (СПБ. Новоисаакіевская улица, д. № 14, кв. 7) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ проф. *В. Н. Латкинъ.*

3—2

Годъ въ **1897** году третій

„ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ“

будетъ выходить ежемѣсячно, за исключеніемъ іюля и августа, книгами въ объемѣ около 20 листовъ. Подписной годъ начинается съ Января 1897 г.

I. Узаконенія и распоряженія правительства.
II. Приказы о движеніи по службѣ и наградахъ по вѣдомству Министерства Юстиціи.
III. Циркулярныя распоряженія Министерства Юстиціи.
IV. Свѣдѣнія о занятіяхъ Высочайше утвержденной Коммисіи по пересмотру законоположеній по судебной части.
V. Статьи по вопросамъ научной и практической юриспруденціи преимущественно въ области судоустройства, уголовнаго права и судопроизводства, гражданскаго права и судопроизводства, торговаго права и судопроизводства, а также по межевому дѣлу.
VI. Обзоръ выдающихся явленій изъ области судебной практики. Положенія, извлеченныя изъ рѣшеній Правительствующаго Сената.
VII. Литературное обозрѣніе: а) критическіе отзывы о новыхъ книгахъ и брошюрахъ, русскихъ и иностранныхъ; б) текущій библіографическій указатель юридической литературы русской и иностранной

VIII. Обзоръ иностраннаго законодательства: подробныя свѣдѣнія о важнѣйшихъ новыхъ законахъ, распоряженіяхъ законопроектахъ въ иностранныхъ государствахъ.

IX. Историческіе матеріалы; разныя извѣстія.

Въ «Журналѣ Министерства Юстиціи» 1894—1896 г.г. были напечатаны статьи и замѣтки слѣдующихъ авторовъ:—Н. И. Архангельскаго, Н. И. Барковскаго, А. П. Башилова, С. В. Безобразова, С. А. Бершадскаго, Д. Б. Бера, А. М. Бобрищева-Пушкина, Л. С. Бѣлецкаго, Е. В. Васьковскаго, Г. Л. Вербловскаго, К. В. Верховскаго, М. М. Винавера, Б. Ю. Витте, кн. В. А. Волконскаго, А. К. Вульферта, Н. Н. Галкина-Врскаго, А. Г. Гасмана, М. Е. Гегидзе, В. М. Гессена, С. К. Гогеля, И. М. Гордона, Д. Д. Гримма, М. Ѳ. Громницкаго, А. Г. Гусакова, В. В. Давыдова, В. П. Даневскаго, В. Ѳ. Дейтриха, Н. А. Дингельштедта, бар. Р. А. Дистерло, М. А. Дьяконова, Я. К. Есиповича, В. Р. Завадскаго, С. В. Завадскаго, А. И. Загоровскаго, И. П. Закревскаго, К. П. Змирлова, Н. И. Ивановскаго, Д. Д. Иванова, П. А. Ифлянда, А. И. Каминки, Н. П. Карабчевскаго, А. Ѳ. Кони, Н. М. Коркунова, П. П. Короновскаго, В. И. Курдиновскаго, А. А. Левенстима, А. О. Липскаго, А. В. Лихачева, В. И Лихачева, П. А. Логанова, М. А. Лозина Лозинскаго, А. И. Лыкошина, П. Н. Миклашевскаго, Р. Р. Минцлова, М. И. Мыша, А. Н. Нейперта, В. М. Нечаева, С. П. Никонова, Э. Э. Пирвица, А. Ф. Поворинскаго, К. З. Постовскаго, Н. Г. Принтца, Е. А. Пушкина, Н. М. Рейнке, А. К. Фонъ-Резона, Н. Ф. Селиванова, В. И. Сергѣевича, Н. Д Сергѣевскаго, В. К. Случевскаго, И. И. Соллертинскаго, В. Д. Спасовича, М. С. Студентскаго, А. Т. Тимановскаго, А. Г. Тимофѣева, С. Н. Трегубова, Н. А. Тува, Д. В. Тутковича, И. М. Тютрюмова, кн. Н. П. Ухтомскаго, И. Я. Фойницкаго, А. Г. Чайковскаго, Г. Ф. Шершеневича и др.

Подписная плата 8 рублей въ годъ съ доставкою и пересылкою. Отдѣльныя книги продаются: безъ приложеній по 1 рублю, съ приложеніями—по 2 рубля.

Должностныя лица при подпискѣ черезъ казначеевъ пользуются разсрочкою до 1 рубля въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года.

Всѣ прочіе подписчики, при подпискѣ исключительно въ Главной Конторѣ, пользуются разсрочкою до 2 рублей въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ каждаго года.

Кандидаты на должности по судебному вѣдомству, а также студенты Императорскихъ Университетовъ и Демидовскаго Юридическаго Лицея, Воспитанники Императорскихъ: Училища Правовѣдѣнія и Александровскаго Лицея и слушатели Военно-Юридической Академіи платятъ по 5 рублей въ годъ.

Книжные магазины пользуются за пріемъ подписки уступкою 10%.

Главная контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, СПБургъ, Васильевскій островъ, 5 линія, д. 28.

Объявленія для напечатанія въ «Журналѣ» принимаются въ Главной Конторѣ съ платою по разсчету 30 копѣекъ за строчку и 8 рублей за страницу.

Редакція Журнала Министерства Юстиціи находится въ С.-Петербургѣ, по Екатерининской улицѣ, въ зданіи Министерства Юстиціи.

Редакторъ *В. Ф. Дерюжинскій.*

3—2

ОБЪ ИЗДАНІИ

УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

въ 1897 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.

2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.

3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.

4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.

5. Программы, конспекты, библіографическіе указатели для учащихся.

6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.

7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.

8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.

9. Годичные отчеты по Университету.

10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.

11. Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи.

12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.

14. Учебные труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части—1)—оффиціальную и протоколы, отчеты и т. п. 2) неоффиціальную (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами—критико-библіографическимъ, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій учен й литературы (русской и иностранной), и научной хроники, заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ прибавленіяхъ печатаются матеріалы, указатели библіотеки, списки таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1897 году будутъ выходить въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ Извѣстій безъ пересылки шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ, а съ пересылкою семь рублей. Въ случаѣе выхода приложеній (большихъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики Извѣстій, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе Университетскихъ Извѣстій 3 руб., сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургѣ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, въ книжный магазинъ его же, или посредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Редакторъ *В. Иконниковъ.*

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ XII).

Въ 1896 г. въ «Сѣв. Вѣстн.» было, между, проч., напечатано: «Карьера Струкова» Пов. Эртеля. «О Развитіи Русскаго Народнаго Хо-

зяйства» Проф. К. Исаева. «Трильби». Ром. Ж.-дю-Морье. «Изъ писемъ Т. Н. Грановскаго». «Любовь и ревность у дѣтей» Д-ра В. Якубовича, «Въ дудкѣ» Пов. Вас. Немировича-Данченко. «О направленіяхъ современной Эстетики» Э. Радлова. «Quo Vadis» Ром. Ген. Сенкевича. «Воспоминанія о А. И. Герценѣ» Н. Тучковой-Огаревой. «Любовь» ром. О. Шапиръ. «Наслѣдственность пола» Е. Чижова. «Въ канканѣ» Пов. П. Боборыкина. «Дѣтство и отрочество П. И. Чайковскаго» М. Чайковскаго. «Двѣ новеллы: a) «Наука любви и b) Любовь сильнѣе смерти» Д. Мережковскаго. «Новѣйшая испанская литература» Проф. А. Шепелевича. «Зеркала» Пов. З. Гиппіусъ. «Сѣверный полюсъ и путешествіе Нансена» М. Венюкова. «Фридрихъ Ницше» Оч. Л. А. Саломэ «Жилищная нужда рабочихъ классовъ» Д. Герценштейна. «Гоголь и А. О Смирнова въ 1842—44 г.г.» В. Шенрока. «Новая французская школа въ музыкѣ» и «Ново-Германская музыка» А. Коптяева. «Александръ Дюма» и «Новыя теченія во Французскомъ романѣ» З. Венгеровой. «Новая побѣда науки» А. Гершуна. «Богъ театра» Разск. Я. Крюковского. Идея Иліады» Н. Минскаго «Таможенное разоруженіе» В. Бирюковича. «Исторія одного идейнаго преступленія» Проф. И. Оршанскаго. «Письма къ M-me Віардо и Г. Флоберу И. С. Тургенева». Искусство и дѣйствительность» Изъ соч. Дж. Рескина. «Реорганизація С.-Петербургскаго и Московскаго комитетовъ грамотности» Н. Арефьева. «Къ звѣздамъ» Раз. Ѳ. Сологуба. «Москва и Римъ» Проф. А. Брикнера. «Польскій публицистъ-художникъ» К. Льдова. «Тургеневъ и Толстой» Проф. Д. Овсянико-Куликовскаго. «Новая женщина и разводъ» П. Тверского. «Женскіе типы въ трагедіяхъ Расина» Проф. Ѳ. Батюшкова. «Сельско-Хозяйственные отхожіе промыслы» В. Бирюковича. «Плоскогорье» Ром. Л. Гуревичъ. «Нѣмецкій студентъ конца вѣка» Проф. А. Трачевскаго. «Атомизмъ и энергетизмъ» Проф. А. Введенскаго. «На конкурсѣ». Раз. А. Стерна., и мн. друг. — Стихи: Н. Минскаго, Д. Мережковскаго, З. Гиппіусъ, К. Льдова, К, Фофанова, К. Бальмонта, Ѳ. Соллогуба, О. Чюминой и др.

Постоянные отдѣлы въ журналѣ:

I. «Вопросы самообразованія» (Статьи проф. Боргмана, проф. А. Козлова, проф. В. Шимкевича, проф. К. Поссе, проф. Л. Шепелевича, Н. Усова, проф. А. Брикнера и др. II. Областной отдѣлъ». III. Земскій отдѣлъ» (Статьи Земское и городское самоуправленіе» М. Стиваля, «Земскіе финансы» В. Бирюковича, «Взаимное земское страхованіе» П Ск—ского, «Земское и городское самоуправленіе» П. Кузнецова и др.). IV. «Провинціальная печать» Л. Горева. V. «Внутреннее обозрѣніе». VI. «За предѣлами европейской Россіи» (Статьи: «Въ Сибири», «Кому пр свѣщать Сибирь»? «Земство въ Сибири», «Ссылка въ отдаленныя мѣста Сибири», «Земская школа въ Сибири» и др. Н. Арефьева. «Кавказъ» М. П., «При-

балтійскій край» П. К. «Привислянскій край» М. П. «Финляндскія дѣла» П. Кузнецова). VII. Кореспонденціи изъ-заграницы». VIII. Изъ жизни и литературы». IX. «Критика» X. «Библіографія». XI. «Литературныя замѣтки» А. Волынскаго (Статьи: «Власть тьмы», «Современная русская беллетристика», «Философскія теченія въ русской поэзіи», «Книга Куно-Фишера о Шопенгауэрѣ», «Два послѣднихъ романа Золя», «Польскій романистъ Сенкевичъ» и др.).

Подписная цѣна на журналъ понижена (безъ измѣненія объема и состава книженъ). Разсрочка для иногородныхъ приспособлена къ удобствамъ почтовой пересылки денегъ:

Условія подписки:

	Годъ.	1/2 г.	1/4 г.	1 мѣс.
Для иногородныхъ . . .	12 р.	6 р.	3 р.	1 р.
» городскихъ (съ дост.)	11 »	5 » 50 к.	2 » 75 к.	90 к.
» заграничныхъ . . .	14 »	7 »	4	

Подписка принимается: въ Гл. Конторѣ, Спб., Троицкая, 9; въ Москвѣ, въ Отдѣл. Конт. книжн. магаз. К. Тихомирова, Кузнецкій мостъ; въ кн. маг. Карбасникова, «Новое Время», Печковской и др.

Редакторъ-Издательница *Л. Я. Гуревичъ.*

3—2

ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

НА

Екатеринославскія Губ. Вѣдомости.

«Екатеринославскія Губ. Вѣдомости» выходятъ ежедневно ,за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ, въ форматѣ большихъ провинціальныхъ газетъ.

Неоффиціальная часть «Екатеринославскихъ Губ. Вѣдомостей» имѣетъ программу частныхъ газетъ—въ ней помѣщаются: телеграммы Россійскаго телеграфнаго агентства и отъ собственныхъ корреспондентовъ; передовыя по вопросамъ общегосударственной и мѣстной губернской жизни; статьи, касающіяся различныхъ отраслей общественной дѣятельности, науки, искусства, сельскаго хозяйства, прикладныхъ знаній и пр.; театральныя рецензіи; корреспонденціи изъ Екатеринославской губерніи и другихъ мѣстъ; обозрѣніе печати; внутреннія и внѣшнія извѣстія; справочный отдѣлъ банковыя свѣдѣнія, вѣдомость о прибывающихъ грузахъ, списокъ назначенныхъ къ слушанію въ судѣ дѣлъ и проч.; въ фельетонномъ отдѣлѣ помѣщаются еженедѣльные обзоры мѣстной жизни и по Россіи, критическіе обзоры журналовъ, а также повѣсти и разсказы, переводные и ориги-

нальные. «Екатеринославскія Губ. Вѣдомости» имѣютъ цѣлью служить главнымъ образомъ, мѣстнымъ интересамъ и нуждамъ, причемъ даютъ читателямъ и всѣ выдающіяся свѣдѣнія изъ русской и иностранной жизни.,

Въ 1897 году въ «Екатеринославскихъ Губ. Вѣдомостяхъ еженедѣльно будетъ печататься, въ видѣ прибавленія, особый **«отдѣлъ екатеринославскаго уѣзднаго земства»** открываемый по ходатайству земскаго собранія, въ которомъ, помимо свѣдѣній о дѣятельности Екатеринославскаго уѣзднаго земства, будутъ помѣщаться свѣдѣнія, касающіяся вообще земскаго дѣла, народнаго образованія, медицины, а также по сельскому хозяйству, примѣнительно къ югу Россіи, по хлѣбной торговлѣ, найму рабочихъ и прочія полезныя для сельскаго населенія сообщенія.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ И ДОСТАВКОЙ:

на годъ	8 р.	на три мѣсяца . . .	2 р. 60 к
на полгода	4 р. 40 к.	на одинъ мѣсяцъ . .	1 р.

Преподаватели учебныхъ заведеній платятъ 6 руб. въ годъ.

Подписка принимается: а) въ конторѣ редакціи при Губернской Типографіи (Проспектъ), б) въ Екатеринославскомъ городскомъ полицейскомъ управленіи и у Гг. частныхъ приставовъ г. Екатеринослава и г) у Гг. исправниковъ и становыхъ приставовъ Екатеринославской губерніи. Для служащихъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ допускается разсрочка: уплата производится по 1 руб. ежемѣсячно, начинается съ января.

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХ. АКАДЕМІИ“

на 1897 годъ

(ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ).

Журналъ «Труды Кіевской дух. Академіи» выходитъ по прежде утвержденной программѣ—ежемѣсячно книгами отъ 10 до 12 и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе 7 р., за границу—8 р. съ перес.

Въ журналѣ «Труды» помѣщаются статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовной Академіи, по предметамъ общезанимательныя и по изложенію доступныя большинству читателей, а также пе-

реводы твореній блаж. Іеронима и блаж. Августина, которые, въ отдѣльныхъ оттискахъ, будутъ служить продолженіемъ изданія подъ общимъ названіемъ «Библіотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ».

Указомъ св. Синода отъ $^{3}/_{29}$ февр. 1884 г., подписка какъ на Труды», такъ и на «Библіотеку твореній св. отцевъ и учителей ц. западныхъ», рекомендована для духовныхъ семинарій, штатныхъ мужскихъ монастырей, каѳедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

Труды Академіи за прежніе годы продаются по уменьшеннымъ цѣнамъ, именно: за 1860—1878 по 5 р., за 1879—1883 г.г. по 6 р., за 1885—1895 г.г. по прежней цѣнѣ, т. е. по 7 р. съ перес. За 1884 г. всѣ экземпляры Трудовъ распроданы.

Въ Редакціи Трудовъ продаются еще слѣдующія изданія и книги.

„Воскресное Чтеніе за слѣдующіе годы существованія его при Академіи: за $18^{37}/_{38}$ г. (т. I), $18^{41}/_{42}$ (V), $18^{47}/_{48}$ (XI), $18^{48}/_{49}$ (XII), $18^{51}/_{52}$ (XV), $18^{53}/_{54}$ (XVII), $18^{54}/_{55}$ (XVIII), $18^{55}/_{56}$ (XIX), $18^{56}/_{57}$ (XX), $18^{57}/_{58}$ (XXI), $18^{60}/_{61}$ (XXIV), $18^{61}/_{62}$, (XXV), $^{62}/_{64}$ (XXVII), $18^{64}/_{65}$ (XXVIII) $18^{65}/_{66}$ (XXIX), $18^{66}/_{67}$ (XXX), $18^{67}/_{68}$ (XXXI), $18^{68}/_{69}$ (XXXII), $18^{69}/_{70}$ (XXXIII), $18^{70}/_{71}$ (XXXIV), за 1879, 1880, 1881 1882 и 1883 г.г. Цѣна за каждый годъ по 4 руб. съ перес.

«Владимірскій Сборникъ въ память девятисотлѣтія крещенія Россіи» (Сказанія о посѣщеніи Русской страны св. апостоломъ Андреемъ. Н. И. Малышевскаго. Владиміръ св., какъ политическій дѣятель. В. Е. Завитневича. Древнія изображенія св. Владиміра. Н. И. Петрова. Чествованіе памяти св. Владиміра на югѣ Россіи и въ частности въ Кіевѣ. Его же, Слово сказанное 10 іюля 1888 г. В. Ѳ. Пѣвницкаго). Ц. 2 р. съ перес.

Празднованіе 900-лѣтія крещенія русскаго народа въ Кіевѣ (съ рисунками, относящимися къ празднеству). Ц. 2 р. 50 к., на лучшей бумагѣ—3 р. 50 к. съ перес.

Изъясненіе божественной литургіи. Арсенія, м. кіев. (450 стр.). 2 р.

Толкованіе на первые 26 псалмовъ. Его же. (634, 8-о). 2 р.

Библіотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ: а) св. Кипріана карѳагенскаго, ч. 1—2, б) бл. Іеронима стридонскаго, ч. 1—13 и в) бл. Августина иппонійскаго, ч. 1—8—Ц на каждой части 2 р. съ перес., кромѣ 9-й части твор. бл. Іеронима, которая стоитъ 1 р. 50 к. съ перес.

«Книга для назидательнаго чтенія» (Сборникъ статей изъ «Воскреснаго Чтенія» за 1837—1868 г.г.). Изд. 4-е. Книга эта одобрена Особ. Отд. Ученаго Комитета Минист. Нар. Просв. для ученическихъ народныхъ библіотекъ и Училищ. Совѣтомъ при Св. Синодѣ—къ употребленію въ ц.-приход. школахъ въ качествѣ книги для внѣкласснаго чтенія. Ц. 1 р. съ перес. При требованіи 100 и болѣе экз. допускается уступка для Епарх. училищ. Совѣтовъ 40%, а для книжныхъ магазиновъ—30%.

Опытъ православ. догматическаго богословія (съ историческимъ изложеніемъ догматовъ) Еп. Сильвестра. Т. 1-й, изд. 3-е, ц. 1 р. 70 к.;

т. 2-й, изд. 3-е, ц. 3 р. 30; т. 3-й изд. 2-е, ц. 3 р.; т. 4-й, ц. 3 р. и т. 5-й, ц. 3 р. съ перес.

Празднованіе воскреснаго дня (его исторія и назначеніе) Смирнова Д. 1893 г. Ц. 2 р съ перес.

Буддизмъ и христіанство. Сравненіе легендарной исторіи и ученія Будды съ евангельской исторіей и ученіемъ нашего Господа І. Христа С. Келлога. Переводъ съ англ. доцента Академіи Ѳ. С. Орнатскаго. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. 1894 т. Ц. 1 р. 75 к. съ перес.

Священникъ. Приготовленіе къ священству и жизнь священника. В Ѳ. Пѣвницкаго. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

Съ требованіями какъ относительно журнала «Труды», такъ и другихъ изданій и книгъ редакція проситъ обращаться непосредственно къ ней—въ Редакцію журнала «Труды Кіевской дух. Академіи», въ Кіевѣ.

Редакторъ проф. *В. Пѣвницкій*

3—2

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА въ 1897 году на Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Въ 1897 г. „Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ“ будутъ выходить шесть разъ въ годъ (1 выпускъ въ концѣ января, а слѣдующіе въ первыхъ числахъ марта, мая, іюля, сентября и ноября) книжками 7—8 листовъ in 8⁰.

Содержаніе книжекъ „Извѣстій“ составляетъ:

1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи;

2) Спеціальныя изслѣдованія и статьи по археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволжья. Средней Азіи и Сибири):

3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ періодческихъ изданій Восточной Россіи;

4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;

5) Программы по спеціальнымъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльные вопросы редакціи;

6) Библіографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ «Извѣстіяхъ» принимаютъ участіе: Н. Ѳ. Акаемовъ, проф. А. И. Александровъ, И. В. Аничковъ (Ауліэ-Ата), Г. Ахмаровъ. Ш. Г. И. Ахмеровъ, проф. В. А. Богородицкій, проф Е. Ѳ. Будде, К. В. Виклюндъ (Упсала), В. Н. Витевскій, Г. Вихманъ (Гельсингфорсъ), А. О. Гейкель (Гельсингфорсъ), М. Е. Евсевьевъ, И. А. Износковъ, Ѳ. И. Кардасевичъ (Будапешть) Г. Е. Катанаевъ (Омскъ), Н. Ѳ. Катановъ, С. И. Кедровъ (Саратовъ), А. К. Кулагинъ, акад. В В. Латышевъ, Н. М. Мартьяновъ, (Минусинскъ), В. А. Машковъ (Варшава) еписк. Никаноръ, П. М. Овчинниковъ (Иркутскъ), П. А. Пономаревъ, Г. Н. Потанинъ (С.-Петербургъ), проф. И. Н. Смирновъ, А. А. Спицынъ, Ѳ. А. Теплоуховъ (Пермь), В. М. Терехинъ (Пенза), П. В Траубенбергъ, проф. А. А. Штукенбергъ, пр.-доц. Н. Н. Ѳирсовъ и др.

Цѣна годовому изданію 5 руб. каждая книжка отдѣльно 1 руб. Желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 іюля.

Дѣйствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., получаютъ изданіе безплатно.

Подписныя суммы адресуются; Казань, Университетъ, Секретарю Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи.

«Извѣстія» выходятъ подъ редакціей Секретаря Общества при ближайшемъ участіи членовъ редакціоннаго комитета.

Выписывающіе отдѣльные выпуски отъ Общества за пересылку не платятъ.

Секретарь Общества *Н. Катановъ.*

2—2

О ПОДПИСКѢ НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

въ 1897 году.

Основанный въ 1870 году, ежемѣсячный историческій журналъ «Русская Старина», вступая въ 1897 году въ двадцать восьмой годъ своего существованія, остается и въ будущемъ вѣренъ своей первоначальной программѣ—разрабатывать русскіе историческіе матеріалы и знакомить чи-

тателей съ историческими дѣятелями Русской земли. Редакція не считаетъ нужнымъ перечислять статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ нашего изданія можно считать вполнѣ обезпеченнымъ. По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца. Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой. Подписка принимается въ Главной конторѣ журнала, въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, домъ № 145, кв. № 1.

Редакторъ *Н. Дубровинъ*.

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

НА ДУХОВНО-АКАДЕМИЧЕСКІЕ ЖУРНАЛЫ

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

и

„ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“,

1 «Церковный Вѣстникъ»—еженедѣльный журналъ, служащій органомъ богословской мысли и церковно-общественной жизни въ Россіи и за границей.

2) «Христіанское Чтеніе»—ежемѣсячный журналъ, органъ богословской и церковно-исторической науки въ общедоступномъ изложеніи.

Примѣч. Доселѣ «Христ. Чтеніе» издавалось по одной книжкѣ въ два мѣсяца. Съ будущаго 1897 года оно, въ удовлетвореніе желанія многихъ подписчиковъ, будетъ выходить ежемѣсячно, книжками отъ 10 до 12 печ. листовъ. Цѣна на него остается прежняя, т. е. 5 рублей на годъ, и только подписчики, получающіе его совмѣстно съ «Церковнымъ Вѣстникомъ» за два рубля, приплачиваютъ на почтовый расходъ за шесть дополнительныхъ книжекъ одинъ рубль.

Въ качествѣ приложенія къ журналамъ редакція издаетъ:

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА

въ русскомъ переводѣ на весьма льготныхъ для своихъ подписчиковъ условіяхъ. Именно, подписчики на оба журнала получаютъ ежегодно большой томъ этихъ твореній въ двухъ книгахъ (около 1,000 страницъ убористаго, но четкаго шрифта) вмѣсто номинальной цѣны въ три рубля за одинъ рубль, и подписчики на одинъ изъ нихъ—за 1 р. 50 к., считая въ томъ и пересылку. При такихъ льготныхъ условіяхъ всѣ подписчики «Церковнаго Вѣстника» и «Христіанскаго Чтенія» получаютъ возможность при самомъ незначительномъ ежегодномъ расходѣ пріобрѣсть полное,

собраніе твореній одного изъ величайшихъ отцевъ церкви,—собраніе, которое по богатству и разнообразію содержанія составляетъ цѣлую библіотеку богословской литературы ея золотого вѣка.

Въ 1897 г. будетъ изданъ третій томъ въ двухъ книгахъ, въ который войдутъ толкованія на разныя мѣста св. Писанія, бесѣды на разные случаи, а также письма къ діакониссѣ Олимпіадѣ и вся остальная переписка св. отца.

Новые подписчики, желающіе получить и первые два тома, благоволятъ прилагать къ подписной цѣнѣ по два рубля за томъ, въ изящномъ англійскомъ переплетѣ—по 2 р. 50 коп.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

а) Отдѣльно за «Церковный Вѣстникъ» 5 (пять) руб., съ приложеніемъ **Твореній Св. Іоанна Златоуста»—6 р. 50 к**; за «Христіанское Чтеніе» 5 (пять) руб., съ приложеніемъ **«Твореній Св. Іоанна Златоуста»—6 р. 50 к.**

б) За оба журнала 8 (восемь) руб. съ приложеніемъ **«Твореній Св. Іоанна Златоуста»—9** (девять) руб. съ пересылкой.

ЦѢНА ЗА ГРАНИЦЕЙ.

За оба журнала 10 (десять) руб.; съ приложеніемъ **«Твореній Св. Іоанна Златоуста»—11 р. 50 к.**; за каждые отдѣльно 7 (семь) руб.; съ приложеніемъ **«Твореній Св. Іоанна Златоуста» —9** рублей.

За изящный англійскій переплетъ прилагать 50 коп.

Иногородные подписчики надписываютъ свои требованія такъ: Въ Редакцію «Церковнаго Вѣстника» и «Христіанскаго Чтенія» въ С.-Петербургѣ».

Подписывающіеся въ С.-Петербургѣ обращаются въ контору редакціи (Пески, уголъ 7-й улицы и Дегтярной д. № 26—30, кв. № 8), гдѣ можно получать также отдѣльныя изданія редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печатанія и разсылки при «Церковномъ Вѣстникѣ».

Редакторъ проф. *А. Лопухинъ.*

2—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ.

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Программа газеты: I. Дѣйствія правительства. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной

жизни. III. Обозрѣніе газетъ и журналовъ IV. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ «Южнаго края» и «Россійскаго Телеграфнаго Агентства» V. Послѣднія извѣстія (сообщеніе собственныхъ петербургскихъ корреспондентовъ и извѣстія другихъ газетъ) VI. Мѣстная хроника VII. Наука и искусство VIII. Театръ и музыка IX. Отголоски (маленькій фельетонъ) X. Вѣсти съ юга, корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ XI. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ XII. Внѣшнія извѣстія, заграничная жизнь, послѣдняя почта XIII. Фельетонъ: научный, литературный, художественный и обществ иной жизни. Беллетристика. XIV. Судебная хроника XV. Критика и библіографія XVI. Смѣсь XVII. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ XVIII. Почтовый ящикъ XIX. Календарь XX. Справочныя свѣдѣнія: дѣла, назначенныя къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и проч. Свѣдѣнія о прибывшихъ грузахъ на ст. Харьковъ и другія. XXI. Сторонніе сообщенія XXII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы.

Въ «Южномъ Краѣ» помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политипажи, имѣющіе отношенія къ текущимъ событіямъ.

Съ конца текущаго 1896 года «Южный Край» будетъ печататься новымъ болѣе убористымъ шрифтомъ, что дастъ возможность значительно увеличить объемъ содержанія газеты.

Подписная цѣна на 1897 годъ

Съ доставкою иногороднимъ:

На 12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.
11 —	10 50,	10 —	9 20,	8 50,	7 80,	7 —	6 —	5 —	4 —	3 —	1 50

Съ доставкою въ Харковѣ:

10 — 9 50, 9 — 8 35, 7 50, 6 75, 6 — 5 25, 4 50, 3 40, 2 40, 1 20

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ Харьковѣ—въ главной конторѣ газеты «Южный Край», на Николаевской площади въ Городскомъ домѣ.

Редакторъ-издатель *А. А. Іозефовичъ.*

3—3

Открыта подписка на 1897 годъ

НА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ".

(Изданія годъ восьмой).

Выходитъ въ Москвѣ безъ предварительной цензуры, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками до 30 печатныхъ листовъ по той же программѣ и при участіи тѣхъ же ближайшихъ сотрудниковъ, что и въ прежніе годы.

Содержаніе журнала и въ 1897 году будетъ отличаться обычнымъ разнообразіемъ и полнотой. Кромѣ богатаго запаса беллетристическихъ произведеній (романовъ, повѣстей, разсказовъ, стихотвореніе и т. п.), пріобрѣтены, между прочимъ, неизданныя Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ, А. Н. Островскомъ (воспоминанія его секретаря), Воспоминанія покойнаго архіепископа Никанора, посмертныя статьи Ю. Н. Говорухи-Отрока (Ю. Николаева), письма М. Н. Каткова, П. М. Леонтьева, И. С. и К. С. Аксаковыхъ, И. С. Тургенева, К. Н. Леонтьева, Н. П. Гилярова-Платонова, Н. С. Кохановскій, А. И. Герцена, Н. П. Огарева и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ пересылкой и доставкой: на годъ—15 руб., на полгода 7 р. 50 к., на 3 мѣсяца—3 р. 75 к., на 1 мѣсяцъ 1 р. 25 к. За границу съ пересылкой 18 р.

Для лицъ духовнаго званія, для т.т. преподавателей высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, для лицъ военнаго сословія и для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ подписная цѣна: 1 годъ—12 руб., 6 мѣс.—6 руб., 3 мѣс.—3 р., 1 мѣс.—1 р. За границу 15 р. съ пересылкой.

Правительственныя и общественныя учрежденія всѣхъ вѣдомствъ, полковыя библіотеки, военныя собранія, а равно и лица, состоящія въ оныхъ на службѣ, могутъ получать журналъ въ кредитъ, заявивъ о семъ въ конторѣ журнала чрезъ свои канцеляріи.

NB. Годовые подписчики Русскаго Обозрѣнія, подписавшіеся одновременно и на газету Русское Слово (изданія годъ III), пользуются значительною уступкой, уплативъ за оба изданія (ежемѣсячный журналъ и ежедневную газету) всего только 16 руб. (вмѣсто 20) въ годъ

Въ такомъ случаѣ слѣдуетъ обращаться (лично или письменно) исключительно въ наши конторы:

1) Москва. Русское Обозрѣніе (уг. Тверской и М. Гнѣздиковскаго пер., д. Спиридонова).

2) Москва. Русское Слово (Страстной бульваръ, д. Перлова).

Подписка принимается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ, съ разсрочкой же платежа просятъ адресоваться исключительно въ контору журнала.

Книги журнала за всѣ 6 лѣтъ съ основанія (1890—1895 г.г.) продаются въ конторѣ редакціи по 5 р. за годъ. За пересылку доплачивается на мѣстѣ по разсчету. Выписывающимъ всѣ шесть лѣтъ—пересылка на счетъ редакціи.

Редакторъ-издатель *Анатолій Александровъ.*

3—1

Открыта подписка на 1897 г.

на издающіеся безъ предварительной цензуры

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ВОСХОДЪ“

и газету „Недѣльная Хроника Восхода“.

17-й годъ изданія,

Въ 1897 году журналъ „Восходъ“ и газета „Недѣльная Хроника Восхода“ будутъ издаваться по той же программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ, какъ и въ предыдущіе годы.

Редакція имѣетъ своихъ спеціальныхъ корреспондентовъ въ Палестинѣ, Аргентинѣ, Нью-іоркѣ, Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Римѣ и вообще во всѣхъ крупныхъ центрахъ Россіи и за границей.

Въ ближайшихъ книгахъ „Восхода“, между прочимъ, будетъ помѣщено:

Гоѳолія. Драма въ пяти дѣйствіяхъ Расина. Переводъ въ стихахъ О. Н. Чюминой. (Михайловой).—Къ исторіи еврейскихъ сектъ А. Я. Гаркави.—У марокканскихъ евреевъ. В. И. Немировича-Данченко —Письма о старомъ

и новомъ еврействѣ. С. М. Дубнова.—Бѣгство. Разсказъ. Бенъ-Ами.—Евреи въ Англіи въ послѣдніе три вѣка. М. И. Кулишера. Берлинскіе еврейскіе салоны. По вновь открытымъ рукописнымъ документамъ Проф. берлинскаго университета Людвига Гейгера.—(Переводъ съ рукописи).—Пятидесятилѣтніе ученo-литературной дѣятельности проф. Д. А. Хвольсона. Барона Д. Г. Гинцбурга.—Институтъ ритуальной чистоты у евреевъ. Д-ра Л. С. Каценельсона.—Роза Майгольдъ. Романъ. С. О Ярошевскаго.—Евреи въ лондонской національной галлереѣ. Рапопорта.—Профессоръ Гейнрихъ фонъ Трейчке и евреи. По поводу полнаго собранія соч. Трейчке. Проф. берлирскаго университета Л. Гейгера. (Переводъ съ рукописи).—Уріель Акоста. Историческая харнктеристика. И. Зангвилля.—Императрица Екатерина вторая и евреи. М. И. Кулишера.—Потомокъ крестоносцевъ. Очеркъ. Н. Пружанскаго.—Переписка объ упадкѣ Еврейства и способахъ его возрожденія. Макса Нордау. И. Зангвилля и др. и отвѣты С. Бернфельда и Р. И. Сементковскаго.—Изъ юношескихъ воспоминаній. Фрица Маутнера (автора романа „Новый Агасферъ“). Переводъ съ рукописи.—О нѣкоторыхъ нуждахъ еврейскаго населенія Россіи. Д-ра С. О. Грузенберга.—Объ этнографическихъ изслѣдованіяхъ въ чертѣ еврейской осѣдлости. Л. М. Брамсона.—Хадъ-Гадья. Психологическій этюдъ. И. Зангвилля.—Еврейки на берлинскомъ женскомъ конгрессѣ. Л. Винца.—Генеральша. Разсказъ доктора Н. Пружанскаго.—Хайбарскій ядъ. Изъ хроники VII-го вѣка. Поэма въ стихахъ. В. Лебедева.—Кромѣ того, въ распоряженіи редакціи имѣется еще много разныхъ беллетристическихъ произведеній: повѣсти, разсказы, очерки, а также стихотворенія С. Г. Фруга, К. М. Фофанова, Н. О Чуминой, К. Н. Льдова, В. Лебедева, Н. Григоровича, А. М. Федорова и др.

Цѣна за годъ журнала «*Восходъ*» и газеты «*Недѣльная Хроника Восхода*» 10 р., на полгода 6 р., ва 3 мѣсяца 3 р. За-границей на годъ 12 р., на полгода 7 р. Разсрочка подписной платы допускается только для лицъ, подписывающихся съ 1 января на годъ, на слѣдующихъ условіяхъ; при подпискѣ 4 р., къ 1 марта 3 р. и къ 1 іюля 3 р.

Подписка принимается: въ главной конторѣ редакціи, С.-Петербургъ, Театральная площадь, 2, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Новые подписчики, желающіе получить первые 15 листовъ «Іудейскихъ Древностей» І. Флавія, благоволятъ прислать еще 1 р.

Новые подписчики, если они этого пожелаютъ, могутъ получать безплатно газету «Недѣльную Хронику» въ 1896 г., со дня полученія ихъ подписки.

Редакторъ-издатель *А. Е Ландау.*

3—1

БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ

Подписная цѣна со всѣми приложеніями на годъ 4 руб.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

Подписная цѣна со всѣми приложеніями съ пересылкою на три мѣсяца . . 1 р.
главная контора СПБ., Невскій, 28.

БОЛЬШАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ БЕЗЦЕНЗУРНАЯ ГАЗЕТА

самостоятельный и безусловно независимый органъ печати, свободная отъ всякихъ мѣстныхъ вліяній, эта газета являетъ наиболѣе полнымъ

Выразителемъ нуждъ провинціи.

Главные отдѣлы газеты, а въ особенности: передовой, политическій, столичной и провинціальной общественной жизни, фельетона, корреспонденціи и пр.,—по своей полнотѣ и свѣжести совершенно отвѣчаютъ подобнымъ же отдѣламъ другихъ большихъ столичныхъ газетъ. Въ ней принимаютъ участіе цѣлый рядъ.

Извѣстнѣйшихъ русскихъ писателей,

произведенія коихъ составляютъ главную притягательную силу ежемѣсячныхъ (толстыхъ) журналовъ.

Знамя газеты—(стоять крѣпко за правду, законъ и достоинство Россіи, дѣйствуя примирительно во всѣхъ вопросахъ касающихся, какъ отдѣльныхъ классовъ населенія, такъ и народностей входящихъ въ составъ Русской Имперіи.

ИЛЛЮСТРАЦІИ

на современія дня

какъ русской, такъ и иностранной политической и общественной жизни будутъ помѣщаться не только въ литературной части воскресныхъ номеровъ, но и въ самой газетѣ по мѣрѣ надобности нѣсколько разъ въ недѣлю или же

ЕЖЕДНЕВНО.

ВЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ

ВОСКРЕСНЫХЪ НОМЕРАХЪ

состоящихъ каждый изъ 12—16 страницъ (изъ коихъ 8—12 печатаются въ форматѣ еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ журналовъ, на бѣлой гла-

зированной бумагѣ) въ наступающемъ году будутъ напечатаны, сверхъ большого романа въ 3-хъ частяхъ

І. И. Ясинскаго (Максима Бѣлинскаго)

„ТАЙНА ЗАГОРСКОЙ УСАДЬБЫ“,

новѣйшія беллетристическія произведенія слѣдующихъ извѣстныхъ русскихъ писателей:

ВАС. ИВ. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО

большой романъ въ 3 частяхъ

„ЖЕРТВА ПОКАЯННАЯ“.

П. Д. БОБОРЫКИНА

разсказъ

„ДВѢ КАѲЕДРЫ“.

Кота Мурлыки (проф. Вагнера) повѣсть, «Доброе дѣло». Н. И. Мердеръ, «Искательница», очеркъ изъ петерб. нравовъ. Л. А. Авиловой, разсказъ «Злая воля». Б. С. Мережковскаго, историческая повѣсть «Микель Анжело». Ѳедора Сологуба, разсказъ «Женя». П. А. Сергѣенко, повѣсть «Встрѣча».

Подписная цѣна на второе изданіе

„БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“

со всѣми приложеніями и съ пересылкой въ Россіи:

На годъ 4 руб., на 3 мѣсяца 1 руб. ноябрь, декабрь, январь, на мѣсяцъ 35 коп.

Главная контора: С.-Петербургъ, Невскій, 28:

3—1

Открыта подписка на 1897 годъ (восьмой годъ изданія)

НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

РУССКАЯ ШКОЛА.

Въ теченіе 1896 года въ «Русской Школѣ» были напечатаны между прочимъ, слѣд. статьи: 1) Автобіографія Н. И. Пирогова; 2) Сельская школа и учитель (Воспоминанія и замѣтки) К. Барсова; 3) Педагогическіе матеріалы. (Замѣтки и наблюденія начальнаго учителя К. Чернецкаго;

4) Изъ дневника учительницы воскресной школы К-ой; 5) Какъ мы устроили мужицкую академію. М. Слобожанина; 6) Историческій очеркъ учрежденій для воспитанія дѣтей дошкольнаго возраста. П. Ѳ. Каптерева; 7) Къ годовщинѣ дня рожденія Песталоцци. Л. Н. Модзалевскаго; 8) Ушинскій, какъ редакторъ журнала Мин. Нар. Просв. Я. Г. Гуревича; 9) Учебныя заведенія въ Англіи и Бельгіи (По личнымъ наблюденіямъ) М. А. Лялиной; 10) Вѣна, Цюрихъ, Женева (Педаг. замѣтки и впечатлѣнія). Е. Чебышевой-Дмитріевой; 11) Учебно-педагогическій отдѣлъ на всемірной выставкѣ въ Чикаго. А. А. Красева; 12) Умственное утомленіе учащихся по новѣйшимъ изслѣдованіямъ врачей А. С. Виріпуса; 13) Нравственность у дѣтей и нравственное воспитаніе. Л. Е. Оболенскаго; 14) Педагогическая подготовка учителей заграницею и у насъ. Д. Д. Семенова; 15) О подготовкѣ учителей для сельско-хозяйственныхъ школъ. И. И. Мещерскаго; 16) Мысли о современномъ воспитаніи. А. С. Симоновичъ; 17) Мысли женщинъ о постановкѣ средняго женскаго образованія. Кл. Фармаковской; 18) Мысли Н. Н. Страхова о нашемъ среднемъ образованіи. В. Афанасьева; 19) Замѣтка по поводу статьи Даневскаго о «единой школѣ». Графа Павла Капниста; 20) Возможно-ли и нужно-ли у насъ обязательное обученіе? В. П. Вахтерова; 21) Народныя чтенія. Его-же; 22) Сводъ отзывовъ мѣстныхъ дѣятелей по вопросу объ обязательномъ обученіи. А. Ѳ. Гартвига; 23) Вопросъ о всеобщемъ обученіи въ разработкѣ московскаго земства Д. Д. Лобанова; 24) Сельскія школы и вопросъ объ обязательномъ обученіи въ Финляндіи. В. Ю. Скаллона; 25) Чему мы можемъ поучиться у американцевъ въ дѣлѣ организаціи начальной школы? В. И. Фармаковскаго; 26) Какія нужно произвести измѣненія въ курсѣ городскихъ училищъ по Положенію 31 мая 1872 г.? А. Раменскаго; 27) Наши воскресныя школы и ихъ нужды. Я. В. Абрамова; 28) Воскресно-повторительная школа для учениковъ, оканчивающихъ курсъ въ начальныхъ городскихъ училищахъ. О. Х. Павловичъ; 29) По вопросу о введеніи въ программу начальныхъ училищъ сельскаго хозяйства. С. А. Бобровскаго; 30) Живое слово какъ предметъ обученія въ семьѣ и школѣ. И. А. Анастасіева; 31) Педагогика какъ предметъ обученія въ женскихъ гимназіяхъ. С. Брайловскаго; 32) О гимназическомъ преподаваніи логики. Л. Рутковскаго; 33) Сравнительный способъ преподаванія русскаго и иностранныхъ языковъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ А. А. Гофмана; 34) Неожиданныя темы. Ц. П. Балталона; 35) Объ изученіи церковно-славянскаго языка въ начальныхъ народныхъ училищахъ. Ив. Созонтьева; 36) По тановленія по народному образованію земскихъ собраній въ 1895 года. И. П. Бѣлокопскаго.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками не менѣе десяти печатн. листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ съ доставкою—6 р. 50 к.;

для иногородныхъ—семь руб.; за-границу—девять руб. Учители сельскихъ школъ пользуются уступкою въ одинъ рубль. Земства, выписывающія не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 10%. Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (Лиговка 1, Гимназія Гуревича), и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго времени».

Имѣются экземпляры и за предъидущіе годы (кромѣ 1890 г.) по означенной цѣнѣ.

Редакторъ-Издатель Я. Гуревичъ.

3—1

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

„Кіевская Старина“ выходитъ въ 1897 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности, прилагаются портреты и рисунки.

Открыта подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ на 1897 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.** Разсрочка допускается, по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“, Кузнечная, № 14.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой-либо книжки журнала гг. подписчики благоволятъ немедленно, по полученіи слѣдующей книжки, присылать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1887, 1888, 1889, 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895 и 1896 по **8 р.** за 12 книжекъ, съ пересылкою **10 р.** При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—94 г. по **1 р.**

Издатель К. М. Гамалѣй. Редакторъ В. П. Науменко.